

НАМЖИЛ НИМБУЕВ

ТОМ I. СТИХИ

НАМЖИЛ НИМБУЕВ

ТОМ I.

СТИХИ

НИМБУЕВ НАМЖИЛ

І БОТИ. ШҮЛЭГҮҮД

ШҮДЭРЛЭГДЭХЭН САХИЛГААН

НАМЖИЛ НИМБУЕВ

ТОМ І. СТИХИ

СТРЕНОЖЕННЫЕ МОЛНИИ

Буряад-Монгол Ном хэблэл

Улан-Удэ 2016

УДК 89
ББК 84 (2 Рос=Буря)
Н 67

Издание осуществлено при
поддержке Администрации
г. Улан-Удэ в рамках
празднования 350-летия
основания города Улан-Удэ

НАМЖИЛ НИМБУЕВ
ТОМ I. СТИХИ
«СТРЕНОЖЕННЫЕ МОЛНИИ»

Н 67 В первый том произведений известного
бурятского поэта Намжила Нимбуева
впервые собраны все его неизданные ранее
поэтические тексты с переводом на бурятский
язык. Также впервые даны переводы
автора монгольских и бурятских поэтов
с оригиналами.

2016
© Базарова (Нимбуева) Л.Ш.
© Дарибазарова Ц.-Х., перевод на бурятский
© Буряад-Монгол Ном хэблэл, оформление

ISBN 978-5-9905884-5-5 (Том I. «Стреноженные молнии», стихи)
ISBN 978-5-9905884-6-2 (Том II. «Намжил», проза)

*Ай, хүйһэмни
эндэхэнэ булаатай...*

*Ах, здесь зарыта
моя пуповина...*

НАМЖИЛ НИМБУЕВ СТРЕНОЖЕННЫЕ МОЛНИИ

Угаараа буряад,
наһаараа үгытэй хонишон
хэлэгүй Нимбуу гээд
нэршэхэн хүгшэн абамни,
дуулана гүт?
Аялһанайтнай удаа түрэхэн
залуухан ашатнай
аниргүй уралнуудаартай
ахадүү ородой хэлэн дээр зүрхэлэн
бэшэхэн номоо тандаа
зорюулжа байнал.

Ты слышишь дед,
Немой Нимбу,
бурят по происхождению,
нищий чабан по месту
в жизни?..
Тебе посвящаю эту книгу,
родившийся после Твоей
смерти молодой внук,
осмелившийся говорить
твоими безмолвными устами
на языке русских братьев.

ЯРУУНЫН ХҮБҮҮНЭЙ ШҮЛЭГ

Н. Нимбуевай буряадаар бэшэһэн шүлэг
1967 он, Москва

Маарагтын сэлгээхэн дайдамни,
Мартаагүйб, мартаагүйб шамайгаа.
Бүмбэрсэгэй нүгөө захадань
Бүүбэйлнэб харуул гунигаа.

Нюусгай эмээхэй дураяа сэлин,
Нютаг зоноо һананаби.
Зүрхэнэйнгөө хилгааһа дайран,
Зүүдэлһэн шэнгээр дууланаби.

Дуумни тэрэ даляараа һэбин,
Дуугай, һэрюун үүр хираанаар
Буурал хадын орой дээрхэнэ
Буун сасуугаа яаража, үрдижэ,

Наранай гархатай улаалзай болоод,
Нариихан бэээрээ найган бархирна —
Нюдэндэл гүнзэгы нуурнуудые хараад,
Нютаг зоноо, Маарагтаяа хараад.

* * *

Яруунын ягаарһан дайдаар
Янгима хонгёо шэмээн соо
Наранай басаган, һананайм инаг
Намжаахан талаар хатарна.
Хүлэгэйн түбэрөөн соо түрэнэ
Хүсэтэ дуранай дуун.

Зохёолшоной буряадаар
бэшэһэн шүлэг

УТРЕННИЙ НАМАЗ *

А.Ш.

Не шуми, цветущая яблоня,
не роняй розовых аистят,
рожденных умереть на закате.

Не пляшите, журавли, в небе,
спрячьтесь у меня за пазухой.

Не стучи грачонок о скорлупу,
ведь всюду слышно.

Тише, ради бога, тише!

На пороге моей скромной хижины
любимая расчесывает волосы,
словно играет
на золотистострунной арфе.

* Данное стихотворение имеет два варианта перевода на бурятский язык (на следующем развороте): самого Намжила Нимбуева (1960-е гг.), а также Ц.-Х. Дарибазаровой (2013 г.)

ҮГЛӨӨНЭЙ МҮРГЭЛ

Сэсэглэнэн мойһон, бү шууя,
 Үдэшын харяанаар
 Үхэхээ түрэнэн
 Сэнхир гургалдайхануудаа
 Бү унагаа.

Тэнгэридэ хатарагша тохорюунууд,
 Үбэр дором шууд хоргодоодхигты.

Бү тэнэлыш үндэгээ, дальбараа:
 Бүхы дэлхэй дээрэ дуулданал.

Бү шууягты,
 Юрэдөө, бү шууягты!

Борбогорхон отогойм
 Богоһо хандайлаад,
 Дуугай инагни,
 Дуугаа дуулан,
 Үргөөгдөөгүй гүрөөһэндэл
 Үһээ һамнана —
 Алтан хүбшэтэ,
 Арфа дээрэ наадангяар.

ҮГЛӨӨНЭЙ МҮРГЭЛ

Һалбарһан мойһон, бү һаршагана,
 нара оролгоноор үхэхэ заяатай
 ягаахан хилэн шубуудаа бү алда.

Аглагта тохорюунууд хатарангүй,
 үбэртэм үтэр хорооройт.

Туунай дэгдээхэй, хальһаа бү тоншыш,
 хаа хаагуур суурялхал.

Ааляар, бурханай хайраар, ааляар!

Борохон гэрэйм богоһодо
 үһээ һамнаһан инагни,
 алтан хүбшэргэйтэ
 ятаг дээрэ наадан байһаншуул.

* * *

Таашаамаар амтатайхан уралтай нэбшээн
Таалана алярхан таряанай хоолосууды.
Хадын ташаланда ургаһан хоолосуудын
Ханхинаса энеэлдээ халтахан эшээд:

«Маниие бү таала, нэбшээн! Маниие бү үлгйдэ, тэршээ!
Манда хүшэр лэ намарай огторгой дор,
Хүндэнүүд байнал орооһомнай,
Хүнүүдтэ талхан элбэгээр хүртэхэл, амбаартань ороод лэ».

Зохёолшоной
өөрын оршуулга

* * *

Амтан уралта нэбшээн тоглооной дундуур
Алярхан үндөөл зэд хоолос голой саагуур—
Тэдэнь найгалзаа, эшэһэндээ улайшоод,
Лимбын шэнгэн аялгаар хитүү харюусаад.

«Бү үндыш даа, халхин! Намбайгаа бү хиисхыш!
Байхамнай хүндэ лэ намарай ольбон соо,
Юуб гэхэдэ, ургасаар мүнөө баямди,
Талхаар зоноо элбэгээр хангахалди».

Ц-Х. Дарибазаровагай
оршуулга

* * *

10.10.1966

Сладкогубый ветер целовал игриво
Медные колосья в поле за рекою—
Те слегка качались, покраснев стыдливо,
И в ответ смеялись звонкою лимбою:

«Не целуй нас, ветер! Не качай, зубатый!
Нам стоять ведь трудно под осенним небом,
Потому что нынче урожай богатый,
Потому что нынче люди будут с хлебом!»

* Данное стихотворение имеет два варианта перевода (слева на развороте):
самого Намжила Нимбуева (10.10.1960), а также Ц-Х. Дарибазаровой (2014 г.)

* * *

Би тэнгэридэл хүмэрхэб,
ши далайдал халбайхаш,
сэнхир аласай хаяада
золгохобди хэтэдээ...

Би шинии гэрэлдэ шэнгэхэб,
таалалдахабди забһаргүй,
дундуурнай тииһээр тамарха
үүлэд ба онгосонууд!

* Здесь и далее переводы на бурятский
Ц-Х. Дарибазаровой (2013–2015 гг.)

* * *

Я опрокинусь небом,
ты разольешься морем,
мы засинеем вместе
горизонтом вдали...

Буду в тебе отражаться,
будем с тобой целоваться,
и поплывут между нами
белые корабли!

* * *

2-й вариант
автора

Ты разольешься морем,
я опрокинусь небом,
на горизонте синем
встретимся на века

Буду в тебе отражаться,
будем с тобой целоваться,
и поплывут между нами
лодки и облака

БАСАГАНДА БЭШЭГ

Найн хүмни, Хилэн шубуухаймни.
 Нүнийн тэн болотор хүлээгээб шамай
 саһаар булагдаһан сэсэгэй мухалагай ойро.

Зарлалай баханын бүхы соносхол уншаад,
 тэдээндэ тааруулжа үрдээб
 хүгжэмшье.

Тээд ши ерээгүйш.
 хуушарһан зүүн гутал соохи
 хурганайнгаа бээрэхэдэ,
 хэнэйшьеб хүшөө үдхэлөөб,
 хэр дэлхэй
 бүхэб гээд шалгаһан
 хэбэр үзүүлэн.

Тээд ши ерээгүйш.

Дохолон хамууршанай уг гарбалыень
 долоон үе хүрэтэр тоолуулаад, үсэгэлдэр
 һогтуугаар хүгшэнтээ тоосолдоһыень мэдэтэрни,
 шим үшөөл ерээгүйш.

Тиин тамхинайнгаа узуур
 твист хатарһан хүхюун үхидэй
 сонходонь няагаад,
 троллейбус худар гэшхэлээб,
 сэбдэг хонгёо хахалһан түлээндэл
 боёоршоһон хүлнүүдээ шэнхиргэнээр.

Саһан нэмэргэтэ үдэшэ,
 үйлсөөр үнгэрөөшэд.
 Сагаан бамба сэсэг уралдань...

ПИСЬМО ДЕВУШКЕ

Хорошая моя, Аистенок.
 Прождал я тебя до полуночи
 у занесенного снегом цветочного киоска.

Прочитал все объявления на афишной тумбе
 и даже сочинил к ним
 музыку.

Ты не шла.

Когда замерз палец
 в прохудившемся левом ботинке,
 я стал пинать чью-то статую,
 прикинувшись,
 будто проверяю,
 крепок ли еще мир.

Ты не шла.

Когда я уже узнал от хромого дворника
 всю его родословную до седьмого колена,
 и как он поругался вчера во хмелю со старухой,
 тебя все еще не было.

Тогда я приклеил окурок
 к окну с веселыми твистующими
 девочками

и пошел к троллейбусу,
 бренча негнущимися ногами,
 словно звонкими, мерзлыми поленьями.

Вечер в снежной вуали,
 прохожие.
 Розы белые на устах...

* * *

«Эжы-аа! Хэлыш даа, юундэ
харада даруулаад хүниндөө
шамайгаа ооглоһон зандаабиб?»

«Хүбүүмни, арай үдыхэн байналши».

«Эжы-аа! Хэлыш даа юундэ,
зохидхон Чимитые дурсахадаа,
шамайгаа огто мартанабиб?»

«Хүбүүмни, эрэ бэээ хүсэбэлши».

* * *

«О, мама! Скажи, почему
ночами в ужасных кошмарах
по-прежнему кличу тебя я?»

«Сынок мой, ты мальчик еще».

«О, мама! Скажи, почему,
мечтая о славной Чимите,
тебя я совсем забываю?»

«Сынок мой, то зрелость пришла».

НЮУР

Инагаймни нюурынъ —
хитүү сэдхэлэйнь дэлгэсэ.
Голой адаг руу мэтэ
нюуса абьяас шуналынъ
тэгүүлнэ иишэ
шэнээр һалбарха
үнжэгэн ханаяа угтахаяа.
Тэрэ
минии альган доро
угаа хөөрхэн,
түрүүшын мэдэрэлдэ абтан,
дуранай дүлөөр сорьёлно урдаһаам,
далай мэтэ
таамагхан гэрэлээр мэлмэрнэ,
уһанда шэнгэһэн
хоёр одые оёортоо бөөмэйлэн.

ЛИЦО

Лицо моей милой —
экран ее робкой души.
Как к устью,
бегут сюда тайные страсти,
чтоб встретить здесь нежную пору
цветенья.
Оно
под ладонью моей
юно
и так трепетно ново,
любовным теплом отвечая на ласки,
как море,
мерцает загадочным светом,
качая на дне
две туманных утопших звезды.

ДУРЛААН ХҮҮХЭНЭЙ ДУУН

Хэтэдээ гүлмэр залуу зандаа оршог лэ
хоолой бэе хоёршни.

Энхэрэн хайрлаг лэ газар
үдхэн нидхэтэ адуушанаа.

Хүлэгшни шамайгаа орхингүй,
дайнай талмайһаа гаргуужан.

Дурлахадажа дурсаарай нам тухай:
харыш, бишни ойрошниб.

Тээд хэншьеб шамайем буляаг даа —
нулимсам гоожон зубхи рууш
анюулха, анюулха, анюулха
эшэгүүригүй нюдыеш!

ПЕСЕНКА ВЛЮБЛЕННОЙ ДЕВУШКИ

Пусть будут вечно юными
голос и тело твое.

Пусть любит и ласкает земля
табунщика густобрового.

Пусть конь тебя не оставит
и вынесет с поля боя.

Люби и вздыхай обо мне:
смотри, я ведь рядом.

Но, если красotka заманит —
мои слезы пусть капнут на веки
и закроют, закроют, закроют
бесстыжие глаза твои!

* * *

Шэрбэн хараа олон сооһоо, зээрэн нюдэтэ.

Бал шэнгээһэн харасань нангин, уйтай, дуугай һэн.
 Хорошонхой, хүлһөө тархи хүрэтэр замагта хүрмэлдэһэн
 хахалтай хоёр загаһашадай
 эгсэ эрье өөдэ дүмүүхэн һүниин тэнгээр шэнгэнхэй,
 уйланхай, гунан тэмээнэй бүхэндэл,
 һарануудые мухарюулһаншуу...

Сагһаа урид тогооной зуухын хёрбоһо, уняар соо хуушарһан
 ханын саарһандал үнгээ буураһан,
 гунигтай нулсаран нюдэтэй, хэзээни сагта уйдхар хэдэрһэн,
 уршалаатанги, үлбэрхэн һамгандаа

Хаана, ямар хуушан бараанай наймаанһаа абажа шадахабиб,
 сэн тухайнь тоосонгүй, үшөө эртэнэй
 һэргэлтын үеһөө тооһотой библинүүдэй оргойдо нюугданхай
 нүгшэһэн грек мадоннын арюун, нангин нюдэдые?

* * *

Взглянула из толпы, газелеока.

Медвяный взор был свят, печален и молчалив. Как будто
 два усатых рыбака, мокры и в водорослях с ног до головы,
 в полночный самый час, выкатывали бережно на берег,
 крутой, как горб трехлетнего верблюда, утопшие
 заплаканные луны...

Где и в какой из антикварных лавок смогу купить я,
 о цене не споря, такие же прекрасные, святы
 глаза умершей греческой мадонны, что завалились
 в груде пыльных библий еще с времен былого
 Ренессанса,

Моей больной морщинистой жене в вуали вечной
 меланхолии с линиями, как старые обои,
 слезящимися грустными глазами, которые
 безвременно угасли в дыму, в чаду над кухонной
 плитой?

* * *

Бусаа хүбүүн бээ нюунги, дуугай,
ягаан бамба хасартань сэсэглээ.
Нюусаар удаан эрээлээ саарһа,
гуурһаяа альгаараа бүглөөд.
Хумхаарһан мэтэ шэрээгээ шаагаа.
Хуудануудаа галдаад, һалхяар хийсхээ.
Барайшанхай, харанхы саад соогуур тэнээ,
толгойгоороо алим түншэн...
Тээд нюусаяа дарахаш аргань һалаа,
зүгөөр нюусаяа нээхэш аргань үгы,
тиин гэнтэ гургалдайдал сорхирсо эшхэршоо.

* * *

Горьтон һомонхотоһон
шанаархаг сиибэн шонодол,
дүлии балай үйлсэнүүдээр
һүниие дууһан тэнээб,
түрүүшынхией инагтаа
озуулһан, шуһа лэбшэмэ
шархануудтаяа!

* * *

Парень вернулся загадочный, тихий,
с алыми розами на щеках.
Долго и скрытно черкал на бумаге,
прикрывая ладонью перо.
Бил кулаком как безумный о стол.
Сжег все листки и по ветру развеял.
Мрачный слонялся по темному саду,
задевая яблоки головой...
И не в силах скрывать больше тайну,
и не в силах поведать о тайне,
вдруг навзрыд засвистал соловьем.

* * *

Скуластым бурым волком,
обретшим вновь надежду,
глухими переулками
я рыскал этой ночью,
со шрамами кровавыми
от первых поцелуев
возлюбленной моей!

* * *

Минии мэдэрэл—
уулын оройн үүлэндэл
мүлшэхэн саһан.
Болгоожо абирыш,
шэлжэрхэй зүргөөр дүүлиһэн хүүхэн,
огсом дуугаар бү сошоогыш
уулата аажам байдалым.

БУСАЛГА

Хөөрхэмни,
шударыш зуруулаа,
үгы бол, зайн галаа носоо!
Һара соо шамтай хахасалга—
тама руу өөрыгөө түлхиһэнтэй адлил!
Гарнуудни һохор балай,
альганайш ульһые мартаа.
Нюдэдни мартаа нюдэнүүдыш,
үһэмни—үһыеш,
урални—уралыеш...
Инагхамни, мэндээ!

20.08.1970 он
Дээдэ Онгостой

* * *

Чувства мои—
ненадежное облако снега
на горной вершине.
Ступай осторожно,
скользкой тропой идущая девушка,
и не нарушь громкой песней
тишину моих гор.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Милая,
спичку зажги
или пошарь выключатель!
Месяц разлуки с тобою—
самоизгнание в ад!
Руки мои ослепли,
тепло твоих рук позабыли.
Глаза позабыли глаза,
волосы—волосы,
губы—губы...
Милая, здравствуй!

20.08.1970
Верхняя Березовка

ХООЛОЙТОЙ БОЛБОЛ БИ

Торгон эритэ нэлмын
 үльмы дээрээ шэнхинэн
 бүжэглэнхэндэл түбэнгийн
 өөрсэ хоолойтой бол би,
 дуулаха нэм хүрхэндэл хүрин
 буряад эхэнэрнүүд тухай,

хүлэгэй гүйдэлдэ
 шүүрэгдэнэн улаалзай тухай,

хилгана соо бусайдаһан
 халуу шатама наран тухай...

Ай даа,
 хоолойтой болбол би!

БУДЬ У МЕНЯ ГОЛОС

Будь у меня голос,
 атласный, гортанный,
 словно гарцующая
 на цыпочках сабля,

пел бы о бурятках,
 коричневых, как земля,

об алых саранках,
 сорванных на скаку,

о пылающем солнце,
 запутавшемся в ковылях...

Эх,
 будь у меня голос!

БИДЭ ХОЁР ЯАНАН УДААН НОЙРСООБИБДИ

Дельфинүүдтэл тамараад далайда,
 ши бидэ хоёр эдирхэн амарагууд
 халуугаар амилһан манхан добын
 элһэн эрье дээрэ абиран гараһаар,
 амгалан нойроор унташообди...

Һэрээд хараһым, нуугаа ойром
 ямбархаг буурал нэгэ абгай,
 үшөө хэнэйшьеб хүүгэд шууян,
 буудалай дэргэ хабшаахай агнаа...

Яагаад сагнай нэмээхэн үнгэршооб,
 яаһан удаан нойрсообибди бидэ хоёр?

КАК ДОЛГО МЫ С ТОБОЮ СПАЛИ

Дельфинами в море поплавав,
 с тобой мы на берег песчаный
 юнцами влюбленными вышли
 и сном безмятежным уснули
 на дюнах пустынных и знойных...

Проснувшись, увидел я рядом
 седую почтенную даму
 и с визгом какие-то дети
 у пристани крабов ловили...

Как время летит незаметно,
 как долго с тобою мы спали!

ТҮРҮҮШЫНГЭЭ ДУРАНТАЙ УУЛЗАЛГА

Үсэгэлдэр гудамжаар гансааран зайгаад,
 түрүүшынгээ дурантай уулзашооб.
 Тэрэм тон нэргэг гамтайгаар
 хүүгэдэй тэргэ түлхинэ, досоонь
 урданай урашуулай нарилжа бүтээһэн
 японой сэбэр шаажан бүмбын
 хүбэн соо бөөмэйлэгдэн хэбтэһэншүү.
 Тэргэ соо хэбтэһэн амитан
 мүнхын уһанай толи соо харагдаһандал,
 хүбүүхэн хаһадаа минии зүрхэлэн
 дүрэгүй үнэсэлөөр анхан сорьёоһон
 гүлмэр шарайе жэгтэйгээр дабтаал—
 тэрэ бидэ хоёрой дунда хабар
 дүрбэдэхиеэ алимай мүшэрөөр даллаа...
 Гэбэшье тэрэ нялха хүүгэнэй
 танигдаагүй доодо үргэн
 һануулаа намда сагай түргөөр үнгэрһые,
 тиигэд тэрэ дуранай түрүүшын лэ байһые.

ВСТРЕЧА С ПЕРВОЙ ЛЮБОВЬЮ

Один вчера гуляя по проспекту,
 я встретил свою первую любовь.
 Она катила детскую коляску
 так бережно и чутко, словно в ней
 покоилась закутанная в вату
 японская фарфоровая ваза—
 тончайший труд старинных мастеров.
 Лежавшее в коляске существо,
 как отражение в живой воде,
 пронзительно и слепо походило
 на юное и свежее лицо,
 которое впервые я обжег
 мальчишеским несмелым поцелуем—
 меж ним и мной четвертый раз весна
 цветущей веткой яблони махнула...
 Но властный незнакомый подбородок
 лежавшего в коляске существа
 напомнил мне, что время быстротечно
 и та любовь была всего лишь первой.

ХҮНГЭН ХҮҮХЭН

Хүхын дуугаар дэбэрхэн
зунай хүнинүүд бэлэй.
Мойһон хүндэ баглааһаа
тэнхээ алданги мэтэ.

«Хаагуур ябаабши, яндуул?
Хэнтэй зайбаш хүнээр дүүрэн?»

Харюудань тэрэ энеэнэ,
омголтоһон уралаараа
хобдогоор һорон,
соргоһоо уһа гудамхяа.

ВЕТРЕНАЯ ДОЧЬ

Полны кукушкиных песен
июньские ночи были.
Тяжелые гроздьа черемух
изнемогали в цвету.

«Где ты была, негодная?
С кем прогуляла всю ночь?»

Она в ответ лишь смеялась
обугленными губами
и, голову жадно закинув,
из-под крана воду пила.

* * *

Энэ хүни нойрни хүрөөгүй.
Хүбүүнэй зүрхэндэ дуран ерээ.
Бүмбэрсэгэй гол орон дором хахинаа,
хобууша хүршэ эхэнэрые хитээн.

Һанаанда абтааб ажабайдалай нюуса ба
хэзээдэш тогтууригүй дуран тухай.
Ай, бурхан, бишье Дон Жуанай удамай
үмхэй хүсэлөөр гутанги байха ааламби.

Тиин үглөө болотор сохоо уршылгааб.
Хасега мэтэ хүни хулжаад Сиамһаа.
Газар түбиин намайе дурамдан шэнжээ
Ангараг одонһоо—үглөөдэрэйм танил.

* * *

Одоошье, одоошье мүнөө,
бидэ ойлгообди бэе бээ!
Хоёр зүрхэнэймнай дундуур
татагдаа үнинэй хүлээгдэнэн,
нулимсадал һаруулхан,
эрбээхэйн далидал үнжэгэн
эбэй шэмшэгэнэмэ утаһан.

Ай, яаһан хүндэб, аюултайб
дээрэнь
һуухаяа забдаһан боргооһон!

* * *

Мне этой ночью снова не спалось.
Пришла любовь к мальчишескому сердцу.
Земная под тахтой скрипела ось,
вводя в смущенье сплетницу-соседку.

Я размышлял о тайнах бытия
извечного любви непостоянства.
Бог весть, о ужас, может быть и я
порочен тленным духом донжуанства.

Так до утра я мудро морщил лоб.
Хасегой ночь бежала от Сиама.
Смотрел меня, земного, в телескоп
мой завтрашний знакомый—марсианин.

* * *

О наконец-то, наконец,
мы поняли друг друга!
Между нашими сердцами
протянулась долгожданная
трепещущая нить согласия,
светлая, как слеза, нежная,
словно крылья новорожденной бабочки.

О, как тяжел и страшен
комарик,
садящийся на нее!

ГИТАРИСТЫН ДУРАН

Нарын туяа.
 Чинарын нүүдэр.
 Галай тоглоондол
 мүнгэн аялгын нийдээн.

«Дуратай гүш?»
 «Үгы».

Харбуулхан табан бүжэгшэндэл гитаристын хургад нал унаа.
 Нахалаарнь гоожоһон нулимса хүбшэргэй сохёод, субадтал
 сасараа.

Хүбшэргэй харюудань саазалуулхаа байһан шааруулай
 болор шэл
 тоншоһон абяаншуу, тэнсэлгүй шэнхинээ.

ЛЮБОВЬ ГИТАРИСТА

Луна.
 Чинара.
 Фейерверк
 серебряных аккордов.

«Ты любишь?»
 «Нет».

... Как пять сраженных танцовщиц, упали пальцы гитариста.
 Слеза, шурша, стекла по бороде и о струну ударились,
 жемчужна.

Струна в ответ застрекотала невыносимо больно
 и хрустально,
 словно где-то кузнечика вели на гильотину.

ДУРАН

Үүдэн доронь хэбтэнэйб, галзуу
 үнэн, шоно дарадаг банхартал,
 үүрэй сайтар нойрынь сахиһайб,
 һүниин ябуул зониие ууртай,
 жүтөөншэ хусалгаар угтан.

... Ай, юу гэнэбиб—
 замби түби дээрэ эгээл дээрэлхүү
 хүн аад?!

* * *

Хүнгэн сагаан шэнжэтэй эхэнэр
 хүбэн зөөлэн үүлэн шэнгил,—
 намаалма һалхяар, эдешэг бүйлөөһөөр
 һаруул дүрэнһе анхилан байнал.

Мүшэтэ һүнеэр ерыш үршөөн
 мэргэн хөөрөө, зүнтэйхэн зүүдэ—
 эритын хурсые дундаа табюужаб.
 Үүрэй сайтар ярилдая хояулан.

ЛЮБОВЬ

Мне б улечься у ее дверей
 неподкупным лютым волкодавом,
 до рассвета сны оберегать
 и встречать ночных прохожих
 злым ревнивым лаем.

... О, что говорю я—
 самый высокомерный человек
 на свете?!

* * *

Женщина с обликом легким и белым,
 словно бегущее облако,—
 ветром цветущим и персиком спелым
 веет от светлого облика.

Звездною ночью приди, одари
 мудрой беседой и чистыми снами—
 жало меча положу между нами.
 Ночь проведем мы в мечтах до зари.

БЛЮЗ

Хаанашьеб пластинка аянгалаа
рождествогой дэнгүүдэй һүүдэр соо.
Сахилгаан галта гитарын абьян
сагай түргэн гүйсэ ба бүмбэрсэг
дээрэ бишыхан хүнэй
тулилга тухай гажараа...

... Сарса модон үүдэнүүд сэлигдэн,
сахариг улаар танхим руу хиидэн ороод,
зүймэл шала дээгүүр гургалдайнудтал гулган холжороо,
нахалгүй гоёмсог гарсонууд
доһолһон улаан зүрхэнүүдымнай
шэнхинэмэ мүнгэн табюурнуудтаа табяад.
Хитүүгээр эздэлһэн борохон аялгань,
урагүй нэмһэг абяанайнь найрал
инаг бидэ хоёрой уя хүдэлгөөд,
хүүгэн хаһадаа бусаһаһан мэтэ,
нүдөө нюхан уйлаха дурамнай хүрөө.

... Зүгөөр гитара миндаргын үзүүр дор
энгэй намтар наманшалан домоглоо,
эдир малша үхинэй
эртын хэрэмэй бутархай дээр
нарайхан үридөө
ягаахан монсон хүхэээ хүхүүлэн,
сэсэгүүд, сэнхир нүдэтэ хадууршан тухай
аянгалан байһандал...

Һанана гүш, хайратамни, тэрэ блюз?
Хүлисэ, бишни эгтээ олойрооб:
нүгшэһэн уладта дурсал үгы хамнай.
Тэрэ пластинкашье үни бутараа.
Ай, дрэн-дрэн-дрэн-дрэн-дэн,
дрэн-дрэн...

БЛЮЗ

Невидимая пела пластинка
в темноте у рождественских свеч.
Электрический голос гитары
скорбел о быстротечности времени,
о страданиях маленького человека
на зеленом земном глобусе.

... Распахивались дубовые двери,
и на роликах в зал влетали,
соловьями скользя по паркету,
безусые грациозные гарсоны
с нашими трепещущими сердцами
на серебряных звенящих подносах.
Непритязательность робкой мелодии,
нагота безыскусных аккордов
до слез нас пленяла с любимой,
нам в детство вернуться хотелось
и плакать тайком в кулачки.

... А гитара под жалом корунда
все вела немудреную исповедь,
будто юная пела пастушка
о цветах, о жнеце синеглазом,
кормя своего дитятю
светлорозовой крошечной грудью
на развалинах древнего замка...

Ты помнишь тот блюз, дорогая?
Прости, ах, прости, я забылся:
у мертвых ведь памяти нету.
Давно та пластинка разбита.
Ах, трень-трень-трень-трень-тина,
трень-трень...

ГАНСАЛ НАМДА ТИИГЭЭ БОЛ...

Үнэн миисгэйгээ гунигтай эльбэн,
 халзан эрэшүүл дабтана дэлхэйдэ:
 залуу наһан тэнэг,
 хатаһан зүһэм, юрэ
 дээдэ һургуулиин үлэн жэлнүүдэй
 дурсалгата зүйл бэшэ,
 харин хото эрэмдээхэ зүйл,
 түрүүшын уулзалгын газар—
 юрэл үнгэршэхэ ушартай
 хатарай талмайхан.
 Сэсэрлигэй зүргөөр танигдаагүй үхинэй
 агшан зуура шэрбэһэн халуун харасадал,
 гэрлэлгын түхэрээн тамга
 гэр бүлын эрөөн дабуу дээр,
 ёгто одоор анилзана,

тангариглана дэлхэйдэ наһажаал эрэшүүл.

Гансал намда харин
 гэрэлтэг лэ бүхэшэгүй
 эгээлэй боро юрьез нэбтэ харбан,
 үе сагтай далда нюусаар тэмсэн,
 инагай мэдэрэл,
 гайхал шэнгээһэн
 айран зээрэг үхинэй нюдэд.

А МНЕ БЫ ТОЛЬКО...

Поглаживая с грустью верных кошек,
 клянутся миру лысые мужи,
 что молодость глупа,
 что черствый хлеб
 полуголодных институтских лет
 не столь уж экзотичен, как казалось,
 а попросту уродовал желудок,
 что место первой встречи—
 танцплощадка—
 такая же летучая случайность,
 как жаркий мимолетный взгляд
 прошедшей по аллее незнакомки,
 что загсовская круглая печать
 мерцает саркастической звездой
 на ситцевом семейном небосклоне,

клянутся миру старые мужья.

А мне бы только:
 чтоб неугасимо
 сияли сквозь рутину трудных лет
 глаза пугливой тихой недотроги,
 в которых я любовь
 и удивленье,
 и скрытый вызов времени прочел.

1968 ОНОЙ НЭГЭДҮГЭЭР ҢАРЫН 1

Үглөөгүүр.

Хэбтэнэб хүйтэн дэбисхэртээ.

Сабиргайдам алаяһанай һиинаан:
тойроод хооһон.

Шэнэлһэн, нүгэлгүй бэээ
мэдэрхэдэ гунигтай.

Нюсэгэн табгайм
хүнжэл сооһоо бултайгаад,
һүлмэгэр аймхай жэжэ ан мэтэ
шэнжэлнэ оршон.

Хүхэ ягаан хургадтай,
шэхэнэйнэ мэнгээрһэн даари тортогтой
жэжэ мухалагай наймаашандал
тоолоноб хуруу хухадгүй
хэды тэбшэ, хомууд, үбгэжөөл,—
худалдагдаа гээшэб? —
хуушан жэлһээ
яаралтай хулжаха сагтаа,
юу абажа үрдэзбиб?

Хабарай гэнэхэн шүлэгүүдээ,
мүн нэгэ монгол басаганда
харюугүй дурлалаа.

1 ЯНВАРЯ 1968 ГОДА

Утро.

Лежу в холодных простынях.

Комариный звон у виска:
до того пустынно.

Грустно сознавать себя
безгрешным и обновленным.

Босая ступня
вынырнула из-под одеяла,
разглядывает мир,
застенчивый бледный зверек.

Подобно мелкому лавочнику
с лиловыми пальцами
и с вечной копотью в ушных раковинах —
а сколько продано было
корыт, хомутов, старина? —
подсчитываю дотошно,
что захватить я успел
при бегстве поспешном
из старого года?

Наивные весенние стихи,
и безответная любовь
к одной монголке.

* * *

Нютагаймни горход,
хоолойем зайлаад үгйт,
нютагаймни хараасгайнууд,
хушуунһаа үлэ залгйт,
нютагаймни ой модод,
нюусаяа нээжэ дэлгйт.
Тандаа зорюулхал зүрхэмни
дуранай дуу.

* * *

Ручьи моей родины,
горло промойте мое,
стрижи моей родины,
с клюва меня покормите,
леса моей родины,
в тайну меня посвятите.
Для вас в моем сердце
песня любви.

* * *

Энэ хүни номхон хүндүнүүдээр
 умара зүг руу, хай, нүүжэ ябаа
 элинсэгүүдэймни һүүдэрнүүд.
 Гэнтэ аадар сохёод,
 тэдэ
 үндэр хүсэтэ зайн галай
 шугамай тулга дор хороо.
 Түмэр аралдань хүнэнэд
 моридоо тоонтодожо,
 богонихон гааһадаа носоон,
 уртынгаа дуу таташалай.

... Гэнтэ шэхэндэнь соностоо
 оройтоһон тракторай абяан —
 һүүдэрнүүд ухаа алдан,
 харанхы руу шэнгэшоо.

Харин үглөөнь тулгын ойро
 хээрын булжамуур
 туруунай хонхорой уһаар
 хоолойгоо зайлаад,
 шэнэ үдэрэй дуу
 жэнгиргэхээ забдан,
 үүлэд тээшэ дэгдээ һэн.

* * *

Этой ночью по тихим долинам
 кочевали куда-то на север
 тени предков моих.
 Гроза их внезапно настигла,
 они
 укрылись под вышкой
 высоковольтной электролинии.
 К металлической раме
 тени коней привязали,
 раскурили короткие трубки
 и запели протяжные песни.

... Вдруг до слуха донесся
 запоздалого трактора шум —
 заматались испуганно тени
 и пропали во мгле.

А наутро у вышки
 жаворонок степной,
 горло водицей промыв
 из следов лошадиных копыт,
 полетел к облакам,
 чтобы спеть
 песню нового дня.

* * *

Зогсоноб бүмбэрсэг дээр
эхэ оронойнгоо модон доро.
Тоглоноб үгөөр—
ягаа улаан хасарта алимаар—
шэдээд лэ өөдэнь, тодон абанаб,
шэдээд лэ өөдэнь, тодон абанаб.

Хаа хаанаһаам намайе тойроо
морид, сэсэгүүд, хүүгэд.
Мянган үнгэтэ абяагүй харасаар
энэ тогломоо бү зогсоо гэжэ гуйгаа.

Зогсоноб бүмбэрсэг дээр
эхэ оронойнгоо модон доро.
Тоглоноб үгөөр—
ягаа улаан хасарта алимаар—
шэдээд лэ өөдэнь, тодон абанаб,
шэдээд лэ өөдэнь, тодон абанаб...

Тээд нулимсаашье аршаха забдагүйб.

* * *

Стою на планете
под деревом моей родины.
Играю словом—
румяным краснощеким яблоком—
подкидываю и ловлю его,
подкидываю и ловлю его.

Меня обступили со всех сторон
лошади, цветы, дети.
И немой тысячецветным взглядом
просят не прерывать моего занятия.

Стою на планете
под деревом моей родины.
Играю словом—
румяным краснощеким яблоком—
подкидываю и ловлю его,
подкидываю и ловлю его...

И нет времени слезы вытереть.

САГ ТУХАЙ ДОМОГ

Ой соогуур, талаар, сүл губинуудаар
 аалин-аалин мухарина
 хандагай хүллэхэн сар тэргэ.
 Тэргэ соо харахан нюдэтэй хүбүүн
 агша модон жэмбүүрээр тоглоно.

Урдаһаань тэрэниие угтана
 арһа хэдэрһэн гуталгүй зэрлигүүд,
 үгы гэбэл, габа гэнжэтэй барлагууд,
 зарасанар гү, али нуулганшад —
 булта тэргэ намнана. Тээд юу байхаб!
 Гээгдээд, һүүдэрнүүд мэтэ хосорно...

Сар тэргэ улам саашаал дабхина.
 Үлэ мэдэг мөөрнүүдын лэ хахинаа,
 пайлсануудайнь орондо — алтан туяа.

Харин агша жэмбүүртэй хүбүүхэн
 үен сэсэн үбгэн болон хубилаад,
 холын газар руу аян барина,
 хүнүүд, тагтаанууд тэндэнь — ахадүү.

Тэндэ саг гүйдэлөө одоо тогтоожо,
 сэсэн үбгэн, хандагай, тэргэшье
 шэдиин хүсөөр альма модон болошоо.

ЛЕГЕНДА О ВРЕМЕНИ

По лесам, по степям, по пустыням
 медленно-медленно катится
 запряженная лосем арба.
 В той арбе черноглазый мальчонка,
 он на дудке кленовой играет.

А навстречу ему выбегают
 дикари босоногие в шкурах,
 то рабы в ожерельях кандалных,
 то холопы, а то подмастерья —
 все арбу догоняют. Но где там!
 Отстают, исчезают как тени...

А арба уезжает все дальше.
 Громыхают чуть слышно колеса,
 вместо спиц в них — лучи золотые.

А мальчонка с кленовою дудкой
 превращается в мудрого старца,
 держит путь на далекую землю,
 где и люди, и голуби — братья.

Там, где время свой бег прекращает,
 обращаются в яблоню чудом
 мудрый старец, и лось, и арба.

УДАГА ЭРБЭЭХЭЙ АГНАЛГА

Шүлэгшэд, шүүрээр самналдан,
удага эрбээхэйдые намнаа.
Тээд бодолгүй сэдхэлэй хии нэб—
агшам зуурын—баригдахань хомор.
Тэрэ агшамууд үнэтэй,
теэд бүхы агшамуудтал
түр зуурын.

Жэлнүүд тохорно, зүрхэнүүд алдарна,
теэд агшан зуурын аблалга захагүй.
Үрэгүй энэ үйлэ эрхилһээрнь,
үхэл хүсэхэл тэрэ нугада.
Аймшагтай шэрэм хараалаар
шүүрынь эгтээ дүнгинэхэл.

ОХОТА ЗА МОТЫЛЬКАМИ

Поэты, махая сачками,
гоняются за мотыльками.
Но ловятся редко мгновенья—
бездумной души дуновенья.
Мгновенья те драгоценны,
но, как все мгновенья,
мгновенны.

Проносятся годы, дряхлеют сердца,
а ловле мгновений не видно конца.
За этим нелепым занятем
застанет их смерть на лугу.
И страшным чугунным проклятьем
сачок загудит на бегу.

ШУУРГАНДА ОРТОҢОН АЯНШАД ХАДЫН БУУСАДА

Пезшэнэй хоолойдо
 шуухирна бордоһон —
 шонын серенадаар аянгалан.
 Хоёр дулаан зүрхэд
 саһанай уры доро
 сохилһоор үшөө зандаа юм гү?

«Шэдыш даа түлээ,
 һайн нүхэр,
 тиин мүнхэ оршон ба манай үүргын
 хэр тухай хөөрөөгөө үргэлжэлэ».

ЗАСТИГНУТЫЕ БУРЕЙ ПУТНИКИ В ГОРНОЙ ХИЖИНЕ

В печной трубе
 свистит метель —
 играет волчью серенаду.
 Два теплых сердца
 под лавиной снега
 еще не перестали биться?

«Подкинь полено,
 милый друг,
 и мы продолжим разговор
 о вечности и нашем месте в ней».

1967 ОНОЙ АРБАДУГААР ҮАРЫН 20

Абјаагаар дэлбэрhэн Тверской гудамжаар
 Ази түнөөгөө олоной дунда үргэлнэм.
 Тэрэм тамараа шара, улбар үнэнүүд соо
 шанаархаг Буддын дүрөөр илгаран.
 Бага халамгай, сайбар нэгэ эрэ
 баарай дэргэ тушаалдажа золгоод,
 хитад бэшыем мэдэхээс нэдээ.
 Харюусааб би: «Ай, бурхан, юу шашабаш!
 Шүдхэр абаг шамай, алхамшыс хээгүйб
 агуухэс гэгдэхэн ханаһаа сааша».
 Теэд шэнээр олдохон тэрэ андам
 найтаан гэнтэ ехээр турьяад нам руу
 газар доро орон алдаа нэжэгнээ.
 Тэрээн тухайл хонирхоо нэн Броннодо
 үлгүүр шэлтэй үбгэн (этнограф хэбэрын),
 теэд сухални зээрэмхэйн сахаригаар
 сээжэ соомни түргэдэжэ эршэдээ:
 «Хитадби, зорёон хэлэхэб—хитадби!» —
 тэшэ ядан тэрээндэ би хашхарбаб...
 Халзан зүн бэлигтэн эльгэ хатаа:
 «Дэмы ши иигэжэ худалаар хэлээш!
 Агуухэс ородой хэлэн дээрэ
 дэндүү ульгамаар ярина ха юмши,
 тиимэхээ өөрын хадаал өөрын хүнши».
 Углуугай шэхэр бообын мухалагта
 сагаан саахарай багса намда харбайн,
 нулимса гаргаа нэгэ найзгай хүгшэн:
 «Харлагархан минии вьетнам хүбүүхэй,
 жаргалтай ябаарай, олон-олон жэлдэ
 ши өөрөө, мүн хамаг түрэл арадшни».

Ород хүгшөөгэй тэрэ үгэ хүсэлдэг!
 Гараал дэлгээн үлөө бэлэйб тиихэдэ:
 хоёр-гурбан үгөөр яжа ойлгуулхаар байгааб
 хэн нэгэндэ үнгэтэ юртэмсын удха,
 асари ехэ арһа шуһанай худхалаяа?!

20 ОКТЯБРЯ 1967 ГОДА

Тверской бульвар загружен голосами,
 несущим в толпе свой азиатский лик.
 И он плывет среди рыжих, русских прядей
 скуластым изваянием Будды.
 Подвыпивший белесый мужичонка,
 попавший у бара ненароком,
 желал прознать, неужто я китаец.
 Ответил я: «О, бог мой, что ты мелешь!
 Да вот те крест, не сделал я и шагу
 южнее стены, что прозвана Великой».
 Но новоиспеченный мой приятель,
 вдруг осенив меня великим чихом,
 в сумлении сквозь землю провалился.
 О том же любопытствовал на Бронной
 старик в пенсне (скорей всего этнограф),
 но маховик глухого раздраженья
 в моей груди свой бег уже ускорил:
 «Китаец я, назло вам всем—китаец!» —
 ему я крикнул в нервном нетерпенье...
 Расхохотался лысый ясновидец:
 «Напрасно лжешь так истово, любезный!
 Вы говорите слишком безупречно
 на нашем языке великороссов,
 и по сему свой в доску человек».
 А на углу в кондитерском киоске,
 мне подавая пачку рафинада,
 слезой умылась добрая старуха:
 «Чернявенький сынок мой, вьетнамчонок,
 счастливым будь, и много-много лета
 тебе и всем сородичам твоим».

Да сбудутся слова старухи русской!
 Я лишь развел в отчаянье руками:
 да разве ж можно было объяснить кому-то
 в двух-трех словах о мире разноликом,
 о величайшей путанице рас?!

ЗҮН БЭЛИГЭЙ ХАРИЛСААН

Би буряадби,
асари шаргал Ази түбиин элһэнэй бутархайб,
шара шэрын
янза бүриин үнгэнүүдэй нэгэ дуһалби.

Хээгүүр ябанаб,
һүниин дунда гэнтэ малшанай түүдэгтэ тулгахаяа
найдажа,
теэд тэрэ зуура
улаан нюуртай, эсэнхэй барагар индиан
холоһоо холо,
хаанаб даа Амазонкын эрьеын бур шэдхэ соо
халуун улаан сог дээрэ мэнэ бариһан загаһа шаранал.

Тээд бидэ хоёр хэзээдэш
тэрэ амтатай, шэмэтэй загаһынь хубаалдахагүйдл,
нэгэ огторгой доро амидарбашье—
уйдхартай бээ,
тиимэ гү?..
Һэй!—
Индиан таамаг, түгшүүритэй бүрүүл зүгнэлөөр
эреэ маряан үдэ ялабхюулһан зэд толгойгоо үргөө:
хэн хаана
гэнтэ тэрээн тухай һанаанда абтаа гээшэб?
Али загаһан шарбаа гү?
Али һалхин хүрмүүл соогуур шууяа гү?..

Тээд та хэлээ бэлэйт, зүн бэлиг—дэмы юумэ,
дэлхэйн улад дундаа ямарш нарин холбоогүй гээд.

ТЕЛЕПАТИЯ

Я бурят,
я песчинка огромной оранжевой Азии,
капля охры
в ее разноцветном многообразии.

Я иду по степи,
на костер вдруг пастуший наткнуться средь ночи
надеясь,
а сейчас в этот миг
краснокожий, уставший и хмурый индеец
далеко-далеко,
где-то там, в амазонских затерянных джунглях,
жарит свежую рыбу на красных пылающих углях.
Но мы с ним никогда
не поделимся рыбой той сочной и вкусной,
хоть под небом одним прозябаем—
не правда ли,
грустно?..
Чу!—
индеец в неясных, тревожных предчувствиях первых
поднял медную голову в пестрых сверкающих перьях:
кто и где
вдруг о нем, об уставшем индейце, подумал?
Или рыба плеснула?
Иль ветер в лианах вдруг дунул?..

Ну, а вы говорили, что вся телепатия—бред
и что связи незримой меж нами, землянами, нет.

ЭРЛИИС ҮХИН

Ай, Урна бол Урна, Дурна бол Дурна...

Р. Киплинг

Гэрэл сооһоо мүн­дэл­хэн
гэгээн дуранай үрэл­ши.
Нэгэ хүл­шни Евро­подо,
нойр­мог Азида — нү­гөө­дэш.

Хоёр үн­гын шу­һан­шни
хүхэ худа­һаарш мэл­мэрээ.
Халуун шу­һата зүрхэн­шни,
хоёр нютаг­таа үнэн лэ.

Ган­сахан улаан на­ран
зүүн мүн­рөөш ман­дана.
Үнөөхил улаан на­ран
баруун мүн­рэтш за­лирна.

Зэртэгэршэг, сэнхир нюдэндэш
хоёр орон багтанхай:
ногоон Татрын энэрэл­шье,
шаргал Гобиин гуниг­шье...

Гэрэл сооһоо мүн­дэл­хэн
гэгээн дуранай үрэл­ши.
Нэгэ хүл­шни Евро­подо,
нойр­мог Азида — нү­гөө­дэш.

МЕТИСКА

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток...

Р. Киплинг

Ты соткана вся из света,
дитя любви невесомой.
Одна нога на Европе,
другая — на Азии сонной.

Две разного цвета крови
по синеватым венам.
Но красная бьется в сердце,
обеим отчизнам верном.

Одно лишь красное солнце
над левым плечом восходит.
Одно лишь красное солнце
за правым плечом заходит.

В глазах чуть раскосых, но синих
вместились отчизны обе:
в них нежность зеленых Татр
и грусть лимонного Гоби...

Ты соткана вся из света,
дитя любви невесомой.
Одна нога на Европе,
другая — на Азии сонной.

ШАРА ҮНЭТЭЙ БУРЯАДТА

Нолоомон шара хамбайгаа шэдэлнэ. Ургаж байсан эр хүнэй ооһортол зурагар нүдэнийн үнгэтэ зурагуудтал урагша-хойшоо хүндэлһэн эхэнэрнүүдые үхибүүнэй һонирхолоор хараашалан шэнжэлнэ:

туранхай энеэрэн хашаагай хамууршание,
амья хаагадаг үбшэнэй сүбдэлтэй мүнгэ тоологшые,
няамал бүд туламтай эмгэн буурал хүгшөөе,
хүхэ оройбош малгайтай комсомол басагые.

Тэрэ дуугарна, сэдхэнэшье ородоор. Нэгэтэ алимуудаа алдан адхаруулһан үхиндэл тэрэ хэзээ нэгэтэ соносоһон буряад үгүүлэлнүүдые суглуулан, нэгэ үлхөө болгон эблүүлхээ оролдоо.

Тэрэ алиш хэлэн дээрэ дуулаад үгэхэ
һүүлшын ямаршые дуунуудһаа:
битлз гү, али Азнавур, Маркарьян,
Адамо, «Такарацуки» мэтые дуураан.
Тезд нэмээхэн ёохорой аянга эшхэрбэл,
урдаһаашни юрэл мөрөө хабшаха.

Тиибэшье тэрээндэ буряадай юуншыеб үлэнхэй, тиимэхээ сагые би наадалнаб:

үсэдөөр ёрбойһон шанаань
зангиданхай нударгануудтал,
туранхай, маягар хүлнүүдынъ
задаранхай түмэр боолтодол,
зэртэгэр хурса нүдэдынъ
хүмэдхэ дороһоонъ ялагашанал...

Ай, дүүм, минии дүү, ород болоһон угсаатам! Шамайе яабашье зэмэлхэ
эрхэгүйб.

Ай, дүүм, минии дүү, наран үһэтэ буряадни!

Ши ородой бардам сэрэгэй болон
тоһондо дарагдаһан Батын түмэнэй байлдаһан
зэбүүн шуһата талмайн дундаһаа
мүшэр-гараа үргэн зальбарһан
залуухан модон гээшэлши.

РЫЖЕВОЛОСОМУ БУРЯТУ

Жонглирует соломенным чубом. Глаза-шнурки растущего мужчины разглядывают с детским любопытством цветными кадрами спящих женщин:

смешливую худую дворничиху,
кассиршу со следами астмы,
старуху древнюю с клеенчатой авоськой
и комсомолку в голубом берете.

Он говорит, он думает по-русски. Как девочка, рассыпавшая яблоки, он собирает редкие обрывки когда-то слышанных бурятских фраз и в цепь единую пытается выстроить.

Он на любом споет вам языке
любую из последних песен:
под битлзов, Азнавура, Маркарьяна,
под Адамо и под «Такарацуки».
Но если тихо насвистите ёхор,
в ответ он покачает лишь плечами.

И все же в нем бурятское осталось, и оттого над временем смеюсь я:

торчащие упрямо скулы,
как сжатые крутые кулаки,
и ноги голенастые, кривые,
как разошедшийся железный обруч,
и жгучие раскосые глаза,
сверкающие остро под бровями...

О брат, мой брат, сородич обрусевший! Тебя ни в чем я упрекать не смею.

О брат, мой брат, бурят солнцеволосый!

Ты — молодое деревце,
с мольбою воздевшее худые руки-ветви
на поле грозной и кровавой брани
меж русской горделивой ратью
и пыльными туменами Батыя.

ОРОД НАЙРАГШАДТА

Шуһа жүрөөдэн, эмээл дээрээ хэсылдihэн
 ороолондол жэхымэ муухай,
 жэмыһэн уралнуудтаа хара уһанай лёнхободол
 хоротой мihэрэл бариһан тэрэ татаарнууд тухай
 үсэгэлдэрэй нулимса аршан дуулахатнай
 хүрөө болоогүй юм гү?
 Бусалтагүй, бусалтагүй
 элэн хосороо
 Азиин ордонто түмэнэй хүнэһэн ба махабод.
 Улайшанхай эдир басагандал Орос
 хабарай саһан дээгүүр гүйгөө.
 Харин Дурнын арадууд —
 тэрэ барнаагуудай мүнөөнэй удам —
 бүрэнхы нойrhoо һэриһээр,
 хүрилгы гарнуудаа танда һарбайнал.

РУССКИМ ПОЭТАМ

Не довольно ли петь,
 утирая вчерашние слезы,
 о татарах уродливых, страшных, как Вий,
 кровожадно лентящихся в седлах,
 и с улыбкой на хмурых устах,
 ядовито, как лотос, расцветший?
 Навсегда, навсегда ведь
 истлели
 дух и плоть азиатской орды.
 Веселая Русь, как прежде,
 раскрасневшейся девушкой юной
 по весеннему снегу бежит.
 И народы Востока —
 тех варнаков сегодняшний день —
 после мрачного сна пробуждаясь,
 протянули вам смуглые руки.

ОРОД ХЭЛЭН

Тагтаадал нэрбэлзэн, юушьеб гүнгэнөөш
 минии хоолойдо—өөрынгөө гонхондо,
 харин ойронь, эртын монголшуудай дурасхаал шэнгээр,
 тэдэнэй займал хүбүүнэй шоолол мэтээр
 бүргэдэй дальбараа тангалайдам нууна.
 Хатуу далаяараа тэрэнэй дэбимсээр—
 минии ород хэлэндэ түбэнгийн бүдэхи
 хаахиргаан абяан эзэрхэг хүсөөр сүмэрэ ороно.
 Тиин минии ород хэлэн гэнтэ анхилна
 үрмэдүүлтэ тала, одо мүшэд, адуун хүрэгөөр,
 хахинаг эмээлээр, дээрэнь һүүжэлдэһэн
 наахар эрэ тээшэ огторгойн хаяаһаа дуулан
 табаргаһан харахан гүрлөөтэ хүүхэнээр—
 наранай басагаар...
 Базаарай наймааша, хорон үргэтэй наһажаал хүгшэндэл,
 хоолой соом зандарнаш—мухалагтаа байһандал.
 Дошхон абяанууд үүрэй зүгын хадхууртал зобооно
 нүхэдым.
 Тиин би өөрөө өөрөө жэгшэн, уур хорондоо бүтэнэб.
 Уулын горхондол сууряалан дэбхэрнэш,
 урасхалайш субад соо яларһан тулбагадал
 Европын урлаг гоо, Дурнын шэрүүн хайра...
 Шинии дуһалай толон түхээнэ хүн түрэлтэнэй ухаанда
 бодолой хонхо сэсэгүүдые.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Ты голубем вьешься, воркуешь о чем-то
 в гортани моей—в колокольне своей,
 а рядом, как память о древних монголах,
 как их осуждение блудного сына,
 сидит беркутенок в моем подъязычье.
 Едва он захлопает жестким крылом—
 врываются в речь мою русскую властно
 гортанные, хриплые, смутные звуки.
 И речь моя русская пахнет внезапно
 полынною степью, звездой, табунами,
 скрипучим седлом, и гарцующим в нем
 удальцом, и скачущей с песней к нему
 с горизонта чернявой девчонкою—
 дочерью солнца...
 Ты желчной старухой, базарной торговкой
 орудуешь шумно в гортани моей—в лавчонке своей.
 Свирепые звуки укусом пчелы оскорбленной терзают
 друзей.
 И, до злости слепой, себе становлюсь я противен.
 Ты горным ручьем низвергаешься гулко,
 и в струях жемчужных сверкают форелью
 изящность Европы и хмурая ласка Востока...
 И светлые брызги твои посевают в умах человеческих
 ландыши мыслей.

УРЛАГ ОДОН

Үүрээр золгоо
гуурхан ханаан хоёр.

Хотын дээбэринүүдэй хүмүүжэмэл
ойндоо оруулааб кипчаагай нэлмэнүүдые,
монголшуудай юһэн нүүлтэ тугуудые,
Чингисэй улаан хахалые.

Урлаг одомни аниргүй.

Уйдан шаналааб
нүүдэлшэдэй ходорһон үеые,
ургануудые,
нэеы гэрнүүдые,
хүдэлхэнэй эхүүн анхилаае.

Урлаг одомни аниргүй.

Ядахадаа дуулан магтааб
гэрэй оройнуудай ниидээ, гулабхаатай шардааг,
трамвайн утаһанай шэнхинээ,
хүнэй хабар, намарые.
Урлаг одомни углуугай саанаһаа гэнтэ
хуушарһан скрипкын абяагаар харюусабал.
Бороогой гоожодог сорго
саб сагаан сээсгүүдээр халбаршоо.

МУЗА

Перо и мысли
на заре сошлись.

Дитя карнизов городских,
я вспомнил о кипчакских саблях,
девятихвостом знамени монголов
и о Чингиза красной бороде.

Молчала моя муза.

Я загрустил
об уходящем времени кочевий,
арканов,
юрт
и запаха овчин.

Молчала моя муза.

И я воспел в отчаянье
паренье крыш, чердачных голубятен,
мелодию трамвайных проводов,
весну и осень человека.
Тут муза из угла отозвалась
звучаньем старой потемневшей скрипки.
А водосточная труба
вдруг распустилась белыми цветами.

* * *

Найрагша нүгшэхэ.
 Хүүршэн бэеынь задалха
 найраглалай махабод хальһа —
 хүрэжэ эхилһэн зүрхыень ходолон абаха.
 Гайхаһан нюдэндэнь харагдаха:
 зүрхэндэнь бүхөөр зоогдонхой
 Индеецэй годлиин сахюур зэбэ,
 папуасай яһан һэрээнүүд,
 скифүүдэй үхэлтэ жадын хухархай,
 дамсарайн* «дүм-дүм-сүм»* һомоной хэсэг,
 тэһэрһэн гранатын хэлтэрхэй...

Тиин дэлхэй ойлгохо юундэ
 тэрэ богони наһатай байгааб,
 яахадаа тэрэнэй
 юрын шүлэгүүдые ойндо орошогүй,
 тэнсэлгүй шаналал нэбтэ сорьёоб.

* Дамсарай — ороолон, дьявол

* «дүм-дүм-сүм» — задардаг һомон

* * *

Поэт умрет.
 Анатом вскроет тело —
 поэзии земную оболочку —
 и вынет коченеющее сердце.
 И взору изумленному предстанут
 вонзившиеся в сердце глубоко
 индейских стрел кремневые концы,
 гарпуны костяные папуа,
 обломки скифских смертоносных копий,
 кусочек пули дьявольской «дум-дум»,
 осколок разорвавшейся гранаты...

И миру станет ясно, почему
 так мало прожил он,
 и почему
 прожгла насквозь стихи его простые
 незримая пронзительная боль.

БУРЯД НАЙРАГША

Би тала тухай
 дуулаха заяатайб.
 Тээд байгаалиинь зураг
 нэгэл янзын, бүртэгэр!
 Зурагайм шэрэ гэхэдэ:
 хоёр үнгэл
 хэрэглэхэ ёһотойб бүтээлдээ—
 шаргал ба хүхынь.
 Ирагуу найрагни наадалан намай
 зугадашаба хоолстоһоом.
 Хаана юм бамбагаа сэсэгүүд, гитара, гургалдай,
 чинара, сахалинууд, сэнхир далай?..

Тала тугас шубуунай
 һүүлээр сабдаад,
 таба һалаагаар
 найрагшын амые няажархилай.

БУРЯТСКИЙ ПОЭТ

Я призван степь воспеть.
 Но тягостный пейзаж
 так однолик, невзрачен!
 Скудна моя палитра:
 в цвета два
 раскрашивать я должен полотно—
 оранжевый и синий.
 Поэзия смеется надо мной
 и убегает с моего холста.
 Где розы, где гитары, соловьи,
 чинары, чайки, голубое море?..

Махнула степь хвостом своим
 павлиньим
 и подорожника листком
 заклеила уста поэту.

ДОРЖО БАНЗАРОВ

Невскэ гудамжаар боро хараан, нойтон соогуур
 саһа бударанги шинельтэй хэншьеб үнгэрнэ.
 Даражархин алдан ойгуурнь
 морёор зониие шэрэдэг зон хараал табин гүйлгэлдөө—
 одод соогуур хүбүүнэй толгой төөрinxэй.
 Шэрэм дэнлүүгэй хүлэмхи гэрэл
 гүн бодолой ажалаар уршyd гэхэн
 зэртэгэр нюдэтэй нюурта тудaa.
 Монгол зубхита нюдэнэйн сэсэгyдэ
 Европын гуримта ухаан гэрэлтэн,
 урдын нүүдэлшын гунигыше нюугдана...
 Санкт-Петербургын һаарал шулуун гудамжаар
 ябаһан тэрэ хүн хии дүрсэдэл бэшэ гү?
 Ямар һобин, эрхэ зүнгэй хүсэн
 талын буряадые эмээлһээн хобхо татан,
 холо хайшань гэнтэ юундэ хүтэлөөб?..
 Үшөөл нойрмогтой зандаа отог зонойнь
 һонюуша бодол ганса нэгэ һэргээд,
 Европын хаалга зориггүйхэн тоншоно.
 Тээд яараһан шубуухайн гансаардахань сохом—
 ганганаһан аялгань дэмжэгдэхгүй гасалантайл...
 Невскэ гудамжаар боро хараан, нойтон соо
 саһа бударанги шинельтэй хүн үнгэрнэ.
 Һалхин хуйлаад, ара хормойнь дэрбын,
 дороһоонь гэнтэ бултайн харагдаа
 омог бүргэдэй үлбэртэн далинууд,
 ниидэхэ, ниидэхэ, ниидэхэ гэхэн заяатай!
 ... Нева тээһээ шииг манан баглайраад,
 сээжэ барина. Унжагай ханяадан һүжэрнэ.
 Һанаанда һэргээ гэнтэ иимэ зураглал:
 ааяма халуун, талаар бэлшэһэн хонид.
 Һэеы нэгэ гэрэй углууда зула бадараа,
 эрдэмтэй хүбүүнэйн баршадгүй ябахын...

Холын Европын ехэ һургуулиин адыар соо
 докторой малгай тооһо татан хэбтээ.

ДОРЖИ БАНЗАРОВ

По Невскому сквозь сумерки и слякоть
 шел человек в заснеженной шинели.
 Едва не налетали на него
 извозчики и проносились с бранью—
 блуждала в звездах парня голова...
 Неровный свет чугунных фонарей
 выхватывал раскосое лицо,
 изборожденное работой мысли.
 Под складкой эпикантуса в зрачках
 светился строгий европейский ум
 и древнего кочевника тоска...
 Как появление призрачно его
 на серых мостовых Санкт-Петербурга?
 Какая блажь или знаменье века
 с седла согнали мирного бурята
 и повели неведомо куда?..
 Пытливая проснувшаяся мысль
 еще покуда дремлющих племен
 стучится робко в ворота Европы.
 Но одиноко ранней птицей быть—
 подхваченную песню не услышать...
 По Невскому сквозь сумерки и слякоть
 шел человек в заснеженной шинели.
 Порывы ветра фалды поднимали,
 и из-под них выглядывали вдруг
 больные крылья гордого орла,
 рожденного летать, летать, летать!
 ... С Невы туман промозглый наползал,
 стесняло грудь. Хотелось /нудно/ кашлять.
 Воображение вдруг нарисовало
 палящий зной и по степи овец.
 В одной из юрт в углу горит лампадка,
 чтобы сберег себя ученый сын...

В далеком европейском институте
 в шкафу пылится докторский колпак.

МАРСЕЛЬ МАРСО

Ай, ямар тогтууригүй урасхалтай
 аадарай аянгадал бэ хүнэй бэе—
 ямаршье наба руу эюулжэ боломоор
 махабодынъ гэнтын дүлөөр ялас гээд,
 өөрынгөө ори гансахан хүдэлсөөр
 сахилгаандал ойр зуур амидарбашье,
 хамагы бүрилдүүлхэн үнгэтэ сэдхэл сэлижэ үрдээ:
 түрүүшын сэбэр дуранай залин ба
 һүүлшын аминай дэльбэһээ
 тамын Иудын үнэсэл хүрэтэр...
 Агуу мим бүжэгшэн нюураа ирана
 саарһан литын хуудаһа нэхэһэндэл:
 һубарина багууд,
 киногой хальһандал жэрэлзэн,
 хүнэй гаталһан хамаг үеы харуулаад:
 түрэлгэ, балшар, эдир залуу наһа, хүгшэрэлгэ, үхэл...

Мэдээ алдан танхим сооһоо гараад,
 бороодо, набшада шабхадуулан,
 зайдан үйлсэнүүдээр гансааран тэнэхэдээ,
 шэбэнээб, шэбэнээб амтатай мэгзэм шэнгээр:
 «Ай, ямар тогтууригүй урасхалтай
 аадарай аянгадал бэ хүнэй бэе!»

МАРСЕЛЬ МАРСО

О, как безостановочно текуче
 и громогласно тело человека —
 в любой сосуд оно способно влиться
 и выразить внезапной вспышкой плоти,
 единственным движением своим,
 как молния, прожив одно мгновенье
 всю гамму чувств, накопленных людьми:
 от грома первой девственной любви
 и лепестка последнего дыханья
 до поцелуя адского Иуды...
 Великий мим лицо свое листает,
 как белые листки календаря:
 мелькают маски
 и, кинолентой убыстряя бег,
 рисует нам все эры в человеке:
 рожденье, детство, юность, зрелость, смерть...

В беспамятстве из зала выбегаю,
 брожу один по улицам пустынным,
 исхлестанный листвою и дождем,
 шепчу, шепчу, как сладкую молитву:
 «О, как безостановочно текуче
 и громогласно тело человека!»

ИРАГУУ НАЙРАГША*Сонед*

Налганаһан шара хургануудаар
хабшагдан гоёмсогоор,
хари гүрэнэй сигара ууян,
һүүлшынгээ ами табина.

Һиимэгэр манан соо тамараа
Сингапурай зэд гуулин үнгэ,
тамхинай таряалангай наран,
дала модоной хангал.

Хүхэльбэ сахаригууд тунан,
улабар үен маряагаа.

Сигара голдоо хүрэтэрөө
дүрэн шатаха, шатан дүүрэхэ...

Үнэһэн дээрэнь һалбархал
сонедэй үнжэгэн сэсэг.

ПОЭТ*Сонет*

Дрожащими желтыми пальцами
захваченная изящно
сигара заморская тлеет,
испускает свой дух.

В зыбком тумане плавают
медный загар Сингапура,
табачных плантаций солнце,
пальмовый аромат.

Сизые кольца тонут,
алый зверек крадется.

Догорит, как фитиль, сигара.
Фитилем догорит сигара...

Заблагоухает на пепелище
нежный цветок сонета.

ЗҮЖЭГШЭН

Орьёлжо дүүргээ. Ойн хара баабгайдал
альга ташалганай шэдхэ соогуур гульдиран,
бахархан, шууян, тогтонгүй ходороо
хандамаанарай ба

хархис шолмосуудай хан түрэнөө.

Дахяад бусаа — хэдыдэхиеэ юм одоо!

Урмаар халая, тайзанай араар хороо.

Тэрэ — бурхан. Гэбэш

дабхар саарһан хэлмээрээ

туранхай хархын һүүл сабшажа бирахагүй.

АКТЕР

Отбушевэл. И прoderясь медведем
сквозь яростных оваций бурелом,
ушел в восторге, с треском, напролом
из царства фей

и злобствующих ведьм.

Вновь появился — раз уже который!

Ликующий, опять за сценой скрылся.

Он — бог. Хотя

мечом не мог картонным

хвост отрубить у самой тощей крысы.

* * *

Шагныт даа, улад,
 зээлээр намда үгэхэгүй гүт
 дүрбэн элэнхэй зэд мүнгэ,
 троллейбуста эшэнгүй, эрхэтэй нуухым түлөө?
 Бүхы шалтаг, харагты, эндэхээ
 би—ирагуу найрагшаб,
 хүдөөгэй уянгын
 даруухан ажалшанби.
 Мэдэхэйт таанар, намда хүбхэгэр мүнгэн байһан,
 өөрынгөө хайзгай гэгшын
 үнээгээ худалдажа олоһон.
 Тээд би анха түрүүн энэ
 шууяатай хото ерээд,
 солоохойгоо алдан тэбдээб
 урдам янза бүриин
 обтохоор зүйлэй олондо.
 Мүнөө минии хооһорһон халааһанда
 гуниг түрүүлмэ шүлэгөөр үлэнхэй
 мүнгэн тулбагануудай
 жэрэгэнмэ сольёон,
 саарһан шубуудай
 далиин һаршаганаан.
 Тээд бүһым саана, нүсэгэн гүзээндэм
 шүлэглэмэл туужа дулаасана,
 тэрээгээр би томо сэтгүүлэй
 ноён эрхилэгшые
 оборготуулха һанаа үүхэйлэн,
 яаража ябанам тиишэ.
 Туужым абамсаараа тэдэшни
 бад байса мүнгэ һарбайхал.
 Нэгэ хубяарнь машина абаад өөртөө
 түрэн нютагаа бусахалби.
 Һэй-Һэй, зогсод гыт, халзан эрэ хүн!

* * *

Послушайте, люди,
 не одолжит ли мне кто
 четыре потертых копейки
 для права сесть безбоязненно в троллейбус?
 Все дело, видите ли, в том,
 что я—поэт,
 служитель скромный
 деревенской музы.
 У меня, представляете, была куча денег,
 вырученных от продажи
 личной сентиментальной коровы.
 Но я, попав впервые
 в шумную столицу,
 совершенно растерялся
 перед лицом
 многоликого соблазна.
 Теперь в моих пустующих карманах
 печальною элегией остались
 лишь звон былых
 серебряных форелей,
 шуршанье крыл
 былых бумажных птиц.
 Но за ремнем, на голом животе,
 классическая греется поэма,
 и ею я рассчитываю
 нокаутировать
 редактора солидного журнала,
 куда я так сейчас спешу.
 Они мне непременно тут же
 громадный выдадут аванс.
 На часть его себе куплю машину
 и возвращусь в родимое село.
 Эй-эй, постойте, лысый гражданин!

Та мүнөө хая баарһаа гараат,
боосолдохоб, та боди сэдхэлтэйт.
Танда юуншые бэшэл даа урьһалбал
дүрбэхэн хашарһан эзд намда.
Хожом алдар суутай болоходом,
ямар сэнтэй байхаб, нээрээ, танда
туһалһан габыягаа дурсахадатнай.
Би тангаригланаб туужаараа,
 тандал зориулхаб
эгээл сэдхэл уяруулма магтаал.

... Та юу дурадханат,
 «шандагаар» яба гэжэ гү?
Али Пегасаа эмээллэ гэбэ гүт?
Боро юрын—танай дутагдал,
үнэн сэхэ—минии гансахан шагнал,
мүн Пегасни шабаана жүдхэдэг гүүн бэшэ!

Шагныт даа, хүнүүд,
зээлээр намда үгэхэгүй гүт,
дүрбэн элэнхэй зэд мүнгэ?

Вы выходили только что из бара,
бьюсь об заклад, в душе вы филантроп.
Ну что вам стоит одолжить мне
четыре медные чешуйки...
Зато, когда я стану знаменитым,
вам будет, право, страшно лестно
припомнить давнишнюю услугу.
И я, клянусь поэмой,

посвящу вам
 Свой трогательный самый мадригал.
 ... Вы предлагаете
 проехать мне зайцем?
 или оседлать Пегаса моего?
 Банальность — ваш порок.
 Честность — единственная моя медаль,
 и Пегас — не ассенизационная кобыла!

Послушайте, люди,
не одолжит ли мне кто
четыре потертых копейки?..

ГУНИГТА ШҮЛЭГ

«Моторой орондо
адатай автомашинатай болохоб.
Хумхаатай дүрбэн хэрмэн
эрхирhэн мөөрнүүдэйн гадар соо эрьелдэхэ.
Эсэнхэй эхэнэрэй оогоор замһаа
ябаган зониие клаксон зайлуулха.
Асари томо шара шубууд
бага фарадань бэгзылдэхэ.
Урдаһаам ябаһан лонхо хүлтэй хүүхэд
хоолойн пулаадаар даллажа,
хатарай талмайда хүргүүлхэл».

... Найрагша сонходо
хүхэ бэхэ хургадаа
һанаата болонгёор тас эмирэн,
пиджагайнгаа энгэрэй
заа-зуу хог үлеэжэ:
— Агсаанда табимаар болоо,— гээ.

ЭЛЕГИЯ

«Куплю автомашину
с дьяволом вместо мотора.
Четыре обезумевших белки
завертятся в рычащих покрышках.
Голосом усталой женщины
попросит прохожих с дороги клаксон.
Огромные желтые совы
наохлятся на подфарниках.
Встречные девушки с ножками-бутылочками
помашут шарфами,
подсядут до танцплощадки».

... Поэт у окна
пощелкал озабоченно
фиолетовыми пальцами,
сдунул соринку
с лацкана пиджака:
— Пожалуй, придется закласть.

ЗҮЖЭГШЭНЭЙ ҮХЭЛ

Хамхайһан аман соонь
 һүүлшынь халуун амин хөөрсэгэнэн,
 гансааран хэлэһэн тоогүй сэрэгтэл үгэнүүдынъ
 жэмыһэн уралнуудыень задалжа,
 дууламгай үлбэрхэн шубуундал
 һэбрэг даляараа маажаһаар
 газашаа мүлхин гараал...

Уруу духа хүүгэд, лифтшэн эхэнэр, хүршэ-инженер —
 хун шубуута гашуудалта зүжэгэйнъ харагшад —
 аалин ягдайн зогсоо,
 мүнхэ хогоосоной сонхо руу шагаһандал...

Сагай дохёо сохёо.
 Хүхы байрадаа һард шургаад,
 хаалтаяа хаб гэтэр хааба.

Хайратай нюурнуудые, балконой үүдэ бүглэн,
 сайр түмэртэл һүртэйгээр хангирһаар,
 үхэлэй хүшэгэ унаа.

СМЕРТЬ АКТЕРА

В обвалившемся рту
 закопошилось дыханье — последнее, жаркое,
 раздвинуло тонкие губы,
 истертые до прозрачности армиями монологов
 и выползло наружу,
 болезненной кроткой голубкой,
 царапая хрупкими крыльями...

Осунувшиеся дети, лифтерша, сосед-инженер —
 зрители лебединой драмы старого актера —
 робко вытянулись,
 словно заглядывая в окно вечного абсолюта...

Раздался бой часов.
 Кукушка юркнула к себе и хлопнула ставнями.

Заслоня жалкие лица и дверь на балкон,
 величаво громохкая жестью,
 упал занавес смерти.

АЖАБАЙДАЛ

Гомдоһон хүүгэндэл, арай шамайхан
зүрхэн һанаа алдаад,
тиин... зогсошобол.

Соходоо шэдитэ гал шэлтэй
үбгэн часышан хаана юм?

Хооһон үйлсөөр гансал һалхин эшхэрээ,
углууһаа хэнэйшьеб мэгдүү оог дуулдаа:

«Һэй, хэндэ халуун хуушуурнууд хэрэгтэйб?»

ЖИЗНЬ

Чуть слышно, как обиженный ребенок,
вздохнуло сердце
и... остановилось.

Где мудрый старый часовщик
с волшебной лупою на лбу?

Лишь ветра свист в пустынном переулке
и крик грудной, надрывный за углом:

«Эй, пирожки горячие кому?»

ХЭЭРЭ ТАЛЫН ШЭНЖЭ

Нэгэл зураг, үдэр хоног, зуун жэлэйш саана:
хонин хүрэг, тала, тулууртай хээрын малшан.
Тэрэл зангаараа баруун мүйрэйнь араар
наран гарана. Тэрэл шааруул
хилганын узуураар таршаганаа,
үнөөхил хонид хээгүүр таран бэлшээ...
Транзистор гансал
хадхууртай буртаг соо гүбэрөөд,
атомой үеын шэнжые харуулаа.

СТЕПНЫЕ ПРИМЕТЫ

Картина та ж, что день назад иль век:
отара, степь, с ярыгой человек.
Все так же из-за правого плеча
восходит солнце. Та же саранча
стрекочет изнуренно в ковыле,
и те же овцы бродят по земле...
Транзистор лишь
бубнит в чертополохе,
как указатель атомной эпохи.

ОДОНОЙ МҮНДЭЛӨӨН

Эгээлэй юрын малшан байгаа гэдэг,
аймагай түбһөө огто саашаа гараагүй.
Нобинтойл ажаһуугаа. Тиимэһээ зон
булта тэрэниие тэншүүтэйдэ тоолоо.
Уулын оройдол һууха. Оторо дайдын
уудам руу шэртэн, хамагнаа холодонхой.

Зүгөөр нэгэтэ тосхондоо үбгэн гүйн ерээ.
«Нэй! Замбуулиной захые одоош туйлааб!» —
гээд, тэрэ амисхалдал хүнгөөр дэгдэшоо.

Тиин хүртэшэгүй одо мүшэдэй аласта
гайхаһан Газарай нюдэндэ
шэнэхэн одон ялабхилһаар мүндэлөө.

РОЖДЕНИЕ ЗВЕЗДЫ

Жил-был простоватый пастух,— говорят,
не ездивший дальше райцентра бурят.
Вел странную жизнь он. Видать, оттого
в округе считали блаженным его.
Сидел на вершине горы. С постоянством,
весьма отрешенным, следил за пространством.

Однажды ворвался в селенье старик:
«Эгей! Я границу Вселенной постиг!»
И вмиг испарился пастух, как дыханье.

А вскоре в немыслимой звездной дали
глазам изумленной Земли
представилось новой звезды полыханье.

АМИТАДАЙ АЙМАГ ШУДЛАЛАЙ БАГША

Сэсэрлиг соо сэнгэн ябатараа,
 үзэсхэлэн гоё хариин шубуу
 хабшагар борсо муртөө нуулганхай
 хүгшэн багшатай золгоо бэлэйб.
 Тус шубууниинь, ялбуулан наранда
 үнгэлиг үдхэн үдэ нодоёо,
 хаймал хушугаар ноолон байгаал
 багшын буурал үһые.

Амитадай аймаг шудлалай багша тэбдээ:
 «Юрэдөө, би огто ойлгоногүйб
 хаанаһаа ерээ юм. Зүгөөр, хүлисэгты,
 намшуу хүндэ иимэ анхарал
 хандуулһаниинь одоо гайхалтай».
 Тээд бурханай элшэдэл шубуун
 үһыень ходолжол нуугаа.

УЧИТЕЛЬ ЗООЛОГИИ

Во время прогулки по скверу
 мне встретился старый учитель
 с заморской диковинной птицей
 на высохшем узком плече.
 Та птица сияла на солнце
 веселым густым опереньем,
 и клювом точеным копалась
 в седых волосах у него.
 Зоолог был явно растерян:
 «И сам не пойму я, откуда
 она прилетела. Однако
 такое, простите, вниманье
 к особе моей непонятно».
 А птица сидела, как ангел,
 и волос тащила седой.

* * *

Шэб балай харанхы сансарай
 хогоосон хүндыгөөр
 холиртой алгасажая айһаар,
 дурая тэбэрин ниидэнэб,
 һонортомни одото орон зайн
 дээдын ирагуу аялга соностоод,
 зүг бүриин һалхяар зайлуулһан
 добын гэртэл толгоймни һэргүү.
 Замбуулиной уудамаар тэгүүлээб
 (уруудан гү, али өөдөө гү)
 үйлөөрөө зүдхэнэн мүргэлшэндэл
 мэдэрэлгүй янгалан шэбэнээб:
 «Юртэмсэ дэлхэй хизааргүй,
 эсэсгүй гэжэ бодоходоо,
 ухаамни балартана.
 Замбуулин дотор Галактика бии,
 харин Галактикада — наранаймнай аймаг,
 наранаймнай аймаг соо
 тоогүй ехэ, бага гаригуудай дунда
 манай Газарай бүмбэрсэг түлгэнэ.
 Газараймнай мүхэрезн дээр
 ехэнүүд нюдэтэй хүүхэн зогсоод,
 огторгой өөдэ хараагаа шалатараа шэртээ.
 Тэнэг бүргэдүүд тэдээн руу
 басаган харана гэжэ тоолоод,
 һайрхуу зангаар элинэ, халина,
 тэдэнһээ дээшэ үшөө
 ондоо амитай юумэн бии гэжэ
 огто һэжэглэнгүй.
 Ехэнүүд нюдэтэй үхин
 огторгой руу шэртэбэш,
 оложо арай шаданагүй:

* * *

Ношусь в пустотах космических,
 непроглядно-темных,
 ношусь со своею любовью,
 страшась с метеоритами столкнуться,
 в ушах неземная песня
 звездных парсеков звучит,
 и мозг мой проветрен и свеж,
 как дом на холме всех ветров.
 Ношусь я в просторах вселенной
 (падая или взмывая?)
 и как одержимый паломник
 шепчу, как в бреду, нараспев:
 «Вселенная необъятна,
 при мысли о ее предельности
 мой разум мутнеет.
 Есть во Вселенной Галактика,
 а в Галактике — наша система,
 а в нашей системе
 среди множества планет и астероидов
 затерялся наш Земной шар.
 А на шаре Земном
 стоит большеглазая девочка
 и на небо смотрит до боли в глазах.
 Глупые орлы думают,
 что девочка смотрит на них,
 и молодцевато кувыркаются,
 не подозревая,
 что и выше их
 может быть что-нибудь живое.
 Большеглазая девочка
 смотрит на небо
 и не может меня найти:

миралзаһан түмэн мүшэд соо
яагаад таажа болохоб
алиндань, хаана
дурлаһан аминай хүлгэһые.
Тезд бишье
ехэнүүд нюдэтэй басагыг харанагүйб:
алас холын зай
гар, толгой, дала мүнүүдынь баллаа».

ведь звезд на небе мириады,
попробуй, угадай,
в котором из них
бьется влюбленная плоть.
Да и сам я
большеглазую девочку не вижу:
расстояние стерло
очертания рук, головы, плеч».

ГҮЙЖЭ ЯБАҢАН БАСАГАНТАЙ ХӨӨРЭЛДӨӨН

Үсэд басаган,
татад гыш
шулгархай нюсэгэн хүлнүүдээ!
Циркшэн!
Шиниихээр бол Газарнай—
аренэ дээр хүлөөрөө мухарюулдаг
тэнэг эрэн бүмбэгэ гү?

Шинии тогломоо
дэлхэй хүдэлшэбэ хаяа:
гадаада далай шуургаар хүүеэ,
ниидэнэ шубууд, агаарай онгосонууд, сахилгаан мэдээнүүд,
найгана модод, уурхайнууд, далбагын шурагууд,
гүйдэнэ гал тэргэнүүд, машинанууд, морид,
харин хүнүүд хүлөө алсайлган табяад,
бэе бэеһээ барилсана бүхөөр,
унашаагүйн түлөө Замбуулинай ханхан ама руу!
Эршэдэлгын олзо үхимби,
абаралгамни— гүйдэл.
Зогсошобол—
унахаб гансата эрьюулгын хабхар руу!
Гүйгөөл хадаа,
Газар түбидөөб тантаяа.
Хүдэлсэ—
минии агаар,
танай ами наһан.

ДИАЛОГ С БЕГУЩЕЙ ДЕВОЧКОЙ

Упрямая девчонка,
придержи
босые исцарапанные ноги!
Циркачка!
По-твоему Земля—
дурацкий пестрый шар,
перебираемый ногами на арене?
Из-за твоей игры
пришел в движение мир:
волнуются штормами океаны,
летают птицы, самолеты, телеграммы,
качаются деревья, гнезда, мачты,
несутся поезда, машины, кони,
а люди расставляют шире ноги
и друг за друга держатся сильнее,
чтоб не свалиться в черный зев Вселенной!

Я пленница инерции,
мое спасенье— бег.
Остановлюсь—
и сразу упаду в пучину мрака!
Пока бегу,
я с вами, на Земле.
Движение—
мой воздух,
ваша жизнь.

1961 ОНОЙ ДҮРБЭДҮГЭЭР ҮАРЫН 12

Икар,
одон зурхайшад,
Бруно,
Галилео,
Коперник,
харсагадал гонхонһоо дэлихээ тэгүүлһэн хүдөөгэй эрэ,
бүргэдые дуураян фанерээр молхи түхэлынь бүтээгшэд —
таанар булта, хэзээш зорин, шунан шубуудта атаархагшад,
хүүрһээш шэбэнээт мүнөө эгээл эрхим мэгзэмээ:

«Поехали-и!»

Тиин Газарай мэлмыһээ гоожоһон нулимсын
үүрэй манан соо
дурлаһан хэнэйшьеб хүлгүү уралһаа дэгдэһэн амисхаалдал
дуугай үүлэд руу дүүлин шэнгэбэ
Гагарин.

12 АПРЕЛЯ 1961 ГОДА

Икар,
звездочеты,
Бруно,
Галилео,
Коперник,
мечтавший взлететь с колокольни, как сокол, мужик,
создатели грубых фанерных орлиных подобий —
все те, кто так страстно и храбро завидовал птице,
шепнули из праха, как лучшую в мире молитву:

«Поехали-и!»

И выдохом легким из любящих трепетных уст,
в рассветном тумане
на очи Земли наворачнувшихся слез,
в безмолвии облачном взмыл и растаял
Гагарин.

АЙ, ЗҮРХЭМНИ, БИ ОЙЛГООБ...

Гэнэн хонгор зүрхэмни —
хашаа руу гарахан балконтой таһаг.
Тэрээн соо соморхон манай байдал,
хоёр салинай хямдахан тэнсүүри:
эбхэдэг орон,
зөөлэн һуури,
хубсаһанай адъяар,
һандайнууд, шэрээ, энгэй борохон хогшол,
гүрэмэл хээ, гүрэмэл хээ, гүрэмэл хээ...
мүн дуранаймнай һаһые тоолон байха
хуушанай часын хүхы.

Бүхы байдал тайбан, намдуу...
теэд, хөөрхэн инагни,
яахадаа
сонхоорнай нэбтэ һүүһэн,
уряалгүй, хүлгүүтэй һалхин һаяар
асардаг болооб гадаада түбинүүдһээ
хари зоной ярилдаа,
хари зоной уйдхар,
хари гүрэнэй тэмсэлшэдэй дуу?

Ай, зүрхэмни, би ойлгооб!
Ши һэмээхэн сэдхээш
амараг хоёрой бүтүү таһалгаар
дүүрэхэ дурагүй,
байхаа хүсэлөөш хэрэмдэл,
танкдал
дээшэ доошоо эгсээр
тэмсэлэй уряалаар дэлихээ
жагсаалшадай бурьялһан мүрэн дээгүүр!

Ай, зүрхэмни, би ойлгооб!

Я ПОНЯЛ, О СЕРДЦЕ

Простодушное сердце мое —
комнатушка с балконом во двор.
В ней наш скромный семейный уют,
двух зарплат экономный баланс:
раскладушка,
диван,
шифоньер,
стулья, стол, немудреная утварь,
кружева, кружева, кружева...
и кукушка в старинных часах,
чтобы знать возраст нашей любви.

Все так мирно, так тихо...
Только, милый мой друг,
почему
к нам все чаще врывается в окна
беспокойный незванный сквозняк
и приносит с чужих континентов
инострannую речь,
инострannую боль,
инострannую песнь демонстрантов?

Я понял, о сердце!
Ты втайне мечтаешь
не заглохшею быть комнатенкой
для любви на двоих.
Ты мечтаешь стать крепостью,
танком,
пикировать круто,
взмыть плакатом протеста
над бурливой рекой демонстраций!

О сердце, я понял!

«ФРАНЦИИН ЭСЭРГҮҮСЭЛГЭ»*Дэлгэмэл зураггаа хэнэг*

Үбэл. Январь. Парижай оршон газар.
 Орой үдэшын харуулай гоншоо яряан.
 Нүнийн дэнлүү. Хитүүгээр хабарые
 хүлээхэн наглагар каштан модон.
 Миисгэйн ороон. Тарган борбилоо
 (үгы, доодо байрын хүршэ айлай
 шэрээдэ табигдахаа яараагүй).

Бүхөөг дор хоёр хүн.
 Наһажаал абгай,
 нюдэндөө шэлтэй,
 халааһатай
 хуушан гуталтай маряагүй оюутан.
 Хирэ-хирэ тэрэ найдалгүй шэртээ
 хармаандань түмбыхэн тэхэрдэг бүмбэ руу...
 Гестапын дарга
 (мүнөө тэрэ үгы,
 бүхөөг хүрэтэр үшөө нэгэ хороон)
 машинадаа һуугаа, зүүдэндэл хэбрэг,
 ойлгошогүй Париж тухай обгүй бодон.
 Зай, ииһээр һүүлшын ажалшы мэнэ олдоо:
 Гавайиин набшаһан тамхин ууяа...

«ФРАНЦУЗСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»*Фрагмент панорамы*

Зима. Январь. Парижское предместье.
 Гортанный говор поздних патрулей.
 Фонарь в ночи. Развесистый каштан,
 мечтающий стыдливо о весне.
 Гарем кошачий. Жирный воробей
 (нет, не спешит быть поданным на стол
 семейства из соседнего подвала).
 Под аркой двое.
 Пожилая дама,
 студентик тощенький,
 в очках,
 в поношенных чиненых башмаках.
 Поглядывает робко, с недоверьем
 на бомбу в оттопыренном кармане...
 Гестаповец
 (его пока не видно,
 еще квартал езды до этой арки)
 сидит в машине, думает уныло
 о непонятном призрачном Париже.
 Полез под китель, щелкнул зажигалкой.
 Ну, вот и есть последнее занятие:
 гавайская дымится сигарета...

АМИДЫ ЗУЛАНУУД

Хүн түрэлтэндэ хатуу асуудал табигдаа —
зула-хүнүүд талмайнууд дээгүүр дүлдөө!
Нигүүлэсхы сэдхэл ула гэлсүүлэн,
нугын шүүдэр шороб болошоо.
Яажа үнэн сэхэмнай иимэ асуудалай
табигдажа байхыень зүбшөөрөөб?
Нью-Йоркын хүбүүн шатажа бүхээ
үхибүүн сэдхэлээр — жэхымээршье, бэлээршье.

Бүхы дэлхэйгээр шаналал зуралзаа,
зайн галай утаһаар гүйһэндэл.
Зүрхэнүүд гэгээрээ энэ гэрэлһээ.
Урна бодоо, Дурна хёмороо.
Эбсэхэ ёһогүй үхэхэдтэй сугтаа
дала модонуудай эбэй һүүдэрнүүд.
Таряашанай гарнууд номонуудые зөөгөө —
напалм залгяа будаата таряалан...
Зула-хүнүүд — өөһэдыгөө хороогшод гү?
Өөрөө мүндэлэн хашхарһан асуудал:
бии гү зүрхэнүүд соо үнэнэй ошон,
бии гү хүнэй нулимсада хаалта?
Буруушаагшад, шатан, хүсөө ха юм
нойрсоһон сэдхэлытнай нэрюулхээ —
өөрынгөө бэеын галзуу түймэрөөр,
сооро нэбтэлһэн һүүлшынгээ харасаар...

ЖИВЫЕ ФАКЕЛЫ

Страшный вопрос человечеству задан —
факелы-люди на площадях!
Прекраснодушие дышит на ладан,
стала роса солоней на лугах.
Как допустить справедливость могла
осуществимость такого вопроса?
Парень нью-йоркский сгорает дотла
с детским отчаяньем — страшно и просто.
Острая боль обегает планету,
как провода электрический ток.
Сердце прозрело от этого света.
Запад воспрял, негодует Восток.
Недопустимы с убитыми рядом
мирные тени тропических пальм.
Руки крестьянина носят снаряды —
рис на полях пожинает напалм...
Факелы-люди — самоубийство?
Самовоскресший кричащий вопрос:
есть ли в сердцах справедливости искра,
есть ли предел человеческих слез?
Ведь пацифисты, сгорая, хотели
расшевелить успокоенность в нас —
гневным пожаром на собственном теле,
взглядом последним пронзающих глаз...

НАМАРАЙ АЯЛГА

Алтанай тогтохогүй мүшэр дээгүүр:
 унана...
 набшаһад...
 намар...

Москва сентябрь соо бардам!
 Туулай бөөрэ, далдуу модод
 намарай добжоон дээрэ
 зоос мүнгөөр шэдэлээ...

Хото дороһоонь тодоно
 уһа орьёлооной аяга,
 сэсэрлигүүдэй домбонуудые,
 трамвайн сонхонуудые,
 оюутадай һарабша малгайнуудые
 хүгшэдэй гүльмэ туулмагуудые,
 нялхануудай тэргэнүүдые.
 Харин хамууршад хүмэдхөө буулган,
 эсэнгээр этэрнэд
 гоёлой энэ обоо-хүбөө.

Алтанай тогтохогүй мүшэрнүүд дээрэ:
 унана...
 набшаһад...
 на-мар...

ОСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ

Золоту не удержаться на ветках:
 падают...
 листья...
 осень...

Москва в сентябре щедро!
 Каштаны и липы
 на паперти осени
 грошами сорят...

Город им подставляет
 пиалы фонтанов,
 амфоры скверов,
 окна трамваев,
 кепки студентов,
 авоськи старушек,
 коляски с детьми.

А дворники, хмурясь,
 устало считают
 всю эту пышность.

Золоту не удержаться на ветках:
 падают...
 листья...
 о-осень...

ОЙ СООХИ ЗҮҮДЭН

Хушануудай дунда татаһан
 дүүжэн орон соо зүүдэн һайхан!
 Һагсайһан мүшэрнүүд
 нойрым сахижа,
 боргоһодтой тэмсэнэ.
 Хамар-Дабанһаа ходоро
 үлээһэн һалхин
 дүүжэн орым бүүбэйлнэ.
 Агаарай үлгы соохи
 зүүдэн бага һаһым бусаана...
 Арай элихэн нулимсым
 һулахан наран хатаана.
 Тоомгүй хэрмэхэн
 һамараар шэдээд,
 оножо ядана.

* * *

Боро хараан һүүдэрнүүдые тунаагаа.
 Зуһаланай нохойнууд
 хооһоор хусалдан,
 наһадай араар һарые оруулаа.
 Хара нэрһэн улам анхилаа.
 Бүрэнхы веранда дээрэ
 клавишануудые дарахань соностоо.

Тиһһээр һүни буугаа.

СОН В ЛЕСУ

Сон чуден в гамаке,
 подвешенном меж кедров!
 Разлапистые ветви,
 покой оберегая,
 воюют с комарами.
 Сквозной случайный ветер
 с вершин Хамар-Дабана
 баюкает гамак.
 В воздушной колыбели
 сон возвращает детство...
 Слезинки незаметные
 скупое солнце сушит.
 Проказливая белка
 орехами кидается,
 не попадет никак.

* * *

Сумерки тени размыли.
 Дачные псы
 лаем пустым
 загнажи за сосны луну.
 Сильнее запаха жимолость.
 На темной веранде
 пробежались по клавишам...

Потом наступила ночь.

НАРА ОРОЛГЫН ДУУН

Үдэшын шиигтэ нэбтэ нороһон
хажууртай басагад нугаһаа бусанад.
Наранай туяанууд һүүлшынхез ялбаад —
нүгшэһэн үдэрэй алтан илдэнүүдтэл
энеэрэн үхидэй нюсэгэн бэенүүдые,
дэн унтаргааһандал, сабшан бүхөөнэ.

Хүрин үхидэй дуун гүн сээжын уянгал,
харин нюурнуудын эдеэшэг гуа* мэтэл.
Нойрмог шааруул дууень гоншон дабтаа,
голһоо манан һэрюу татан дэгдээ...
Гэнтэ һүүлшын абяанай замхан байтар
зунай боро хараанай хүшэгэ буулай.

* гуа — дыня

ПЕСНЬ ЗАКАТА

С лугов возвращаются девушки с косами,
облитые щедро вечерними росами.
Сверкают последние солнца лучи —
умершего дня золотые мечи —
и рубят, как будто светильники тушат,
тела обнаженные тех хохотушек.
А лица смуглянок как спелые дыни,
смуглянки поют голосами грудными.
Протяжно и сонно им вторят цикады
в тумане с реки потянувшей прохлады...
И вдруг с замиранием звуков последних
спускается занавес сумерек летних.

* * *

Буурал хууршан аяшаран ганхана,
хүбшэргэйн гунигай эхи бэдэрэн.
Дээрэнь сэнхир аласта тархьяа нэжээ
эгтээ дайралдаһан хохор тэмээн.

Досоонь үерлэлэн мэдэрэлнээ тэсэ ядан,
мантан томо шанаархаг талын үри,
гэнэгүйхэн тэмээн сурхирса уйлаа,
нюдаргын тухай сэнхир нулимса дуһаан.

Тээд би дүлии нэм. Гомдолтой бэлэй.
Тэрэ тэмээн ха юм, харин би хүмби.
Зүгөөр нулимса зүрхэнһөөм бушхан,
бараан зубхинуудым заалаагүйл.

* * *

Седой хурчи раскачивался в неге,
ловя на струнах горестный прелюд.
Тряс головой в далеком синем небе
над ним слепой нечаянный верблюд.

С нахлынувшими чувствами в боренье,
дитя степи, громаден и скуласт,
рыдал верблюд, в нехитром умиление
роняя слезы, синие, с кулак.

А я был глух. И так обидно стало.
Вот он верблюд, а я ведь человек.
Но мне слеза, из сердца вырастая,
не раздвигала загорелых век.

ХОТЫН БОРОО

Түрүүшын дуһалнууд унаад,
гудамжа
һалбаран сэсэглээ:
намарай һубагууд соо
унаһан дэльбэнүүдтэл
эхэнэрэй эрезхэн шүхэрнүүд
ябаган замаар тамараа.

ДОЖДЬ В ГОРОДЕ

Упали первые капли,
и улица
распустилась цветами:
пестрые женские зонтики
по тротуарам плывут,
как по осенней канаве
опавшие лепестки.

НАМАРАЙ ЗУРАГ

Нууринай галнууд ялалзана.
Гуран шиирэн набирна.
Манан соо автобус
харгын талаада зогсоно.
Тэрэнэй саашалхада,
хооһорһон харгы дээрэ
басаганай дүрсэ үлөө,
эгээл наран сэсэгһээ
хобхорон унаһан үрэнһэндэл.

ОСЕННЯЯ КАРТИНКА

Мигают огни деревни.
Дождь моросит.
Туманный автобус
тормозит у развилки.
Когда он отходит,
на пустынном шоссе
остается фигурка девушки,
похожая на семечко,
выпавшее из подсолнуха.

* * *

Яаһан хабар бэ! Талмайнуудай хяраар
мойһоной һөөгүүд бушхалан сэсэглээд,
саб сагаан хун шубуудай хүрэг
агаарта ганганан дэгдэхээ байһаншуу.

Сагаан сэсэгээр хото шабхуурдуулаа.
Бишье дүлииршэнхэй ябаналби.

* * *

Что за весна! В оправах площадей
черемуха так буйно расцветает,
как будто стаи белых лебедей
с протяжной песней в воздухе летают.

Исхлестан город белыми цветами.
И я хожу с оглохшими ушами.

НАНАГДААГҮЙ НАМАРАЙ ҮДЭШЭ ЗУҢАЛАНДА

Сонхын саана саһан будараад,
 набшаһадтай тэбэрилдэн хийсэнэ.
 Хадажа хааһан зуһаланда
 зунай хангал үбэлжэнэ.
 Эндэш түлээн байхагүй,
 бээрэхээр.
 Сагаан бамбанууд тамараа...
 Али үбдэглэн һуугаад,
 зөөлэн һууряар пеэшэнээ түлихэм гү?
 Хүрэнхэй гуурһаа халуунай хэмжүүртэл
 һугадаа хабшуулаад,
 дулаасуулнам.

Гансаардалгын уянга тухай
 мүнүүд түрэнэ.

СЛУЧАЙНЫМ ОСЕННИМ ВЕЧЕРОМ НА ДАЧЕ

За окнами хлопья снега
 летят в обнимку с листьями.
 На заколоченной даче
 ароматы лета зимуют.
 Дров нет и в помине,
 зябко.
 Плавают белые розы...
 Усесться на корточки что ли,
 а креслом печь растопить?
 Грею замерзшую авторучку,
 сунув подмышку,
 как градусник.

И рождаются строки
 о поэзии одиночества.

ХАБАР

Түрүүн газар шэрүүн хаатаршан эмэдэл
сaһан нэмэргээ халуудаж шэдээд,
нялхые хүүхүлһэн эхэнэртэл
эшэгүүригүй нюсэгэлхэл сээжээ.

Хээрэ талаар шара уһан найлаад,
хөөрүү горход жэрьен баяраа мэдүүлхэ,
таабайн һахал хүүгэдэй уһан шэрэдэл
олон үнгөөр һолонготон һалбарха.

Хадын хүүрһээ бүдэнтэй нюуртай хүбүүд
сахариг соогоо нарые мухарюулха,
хүнэй үбэр соо хоолой шанга шаархайнууд
уурхайгаа заһахал, һэжэггүйхэн, юрэ.

БЕСНА

Вначале жаркий, снежный свой накид
сорвет земля, суровая чалдонка,
и груди нестыдливо обнажит,
как женщина, кормящая ребенка.

К полям прорвется полая вода,
журча в устах счастливым междометьем,
и расцветет у деда борода
по-детски буйным, пестрым многоцветьем.

Покатят солнце в обруче с погоста
под горку конопатые мальцы,
за пазухой доверчиво и просто
совьют гнездо горластые скворцы.

ТҮРҮҮШЫН САҢАН

Хара үүлэд нүүгээд, саһан ороо үдэшээр.
 Тэрэ бирагүйхэн, нойтон,
 улһан соо һаяхан түрэнэн
 сагаан тугалдал
 үсөөхэн һорьмоһоороо шабхасагаан
 хайлана,
 харгын зониие шүлһэдэн.
 Гоёлой үүдээр үхибүүд шууялдан гараад,
 ягаахан хэлэнүүдээрээ тодоно
 сүсэгүтэ миинтэ зайрмаг.
 Дуугайхан үбгэжөөл сонходоо зогсон бодоо:
 «Зай, иигээдшье үбэл ерэбэ
 хэбэрын, ута үбэл байха ха,
 тезд заатагүй хабараа угтах хэрэгтэй».

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Набежали тучи, и к вечеру повалил снег.
 Он был беспомощен и мокр,
 словно белошкурый теленок,
 родившийся в джут.
 Помаргивал редкими ресницами
 и таял,
 слюнявя прохожих.
 Дети с криками выбегали из парадных
 и ловили розовыми язычками
 даровое мороженое.
 Молчаливый старик у окна подумал:
 «Вот и нагрязнула зима,
 и, видимо, будет долгой,
 но непременно надо дожждаться весны».

* * *

Би таняагүйб
уһан соо өөрынгөө дүрсэ.

Хаанаб тэрэ хэзээдэ нулсаран нюдэтэй
үзэмжэгүйхэн, эшэмхэй хүбүүн?
Нам руу харана
хушуу нарин, жэбжэгэр буга,
омог эбэрээ огторгой руу соройлгон.

Хаанаб тэрэ уһабхитаһан нюдэтэй
үзэмжэгүйхэн, эшэмхэй хүбүүн?

Би мүнхын уһатай
хүбшын булагай дэргэдэ нуунаб.
Нютагаа һанаад, гэнтэ гунирааб.
Хотоһоо ерээлби мүнөө
тоһотой дэншээ автобусоор.

* * *

Ой соогуур һүниндөө бусажа ябааб,
тиин уужам соорхой дээр гарамсаараа,
хиргуулһан шэлэдээ хүйтэ сорьёһон
хэнэйшьеб амисхаал гэнтэ мэдэрээб...
Эрьелдэһымни гэдэргээ,
нам дээгүүр
сентябрь һарын ноб ногоон одод
һэрюун толоо эюулжэ байгаал газар руу.

* * *

Я не узнал
свое отраженье в воде.

Где невзрачный застенчивый юноша
со слезящимися вечно глазами?
Глядит на меня
тонкомордый стройный олень,
и рога его запрокинуты в небо.

Где невзрачный застенчивый юноша
со слезящимися вечно глазами?

Я сию у таежной криницы
с живою водой.
Я по родине вдруг загрустил.
Я приехал из города
на запыленном автобусе.

* * *

Я возвращался ночью через лес
и, выйдя на широкую поляну,
почувствовал на стриженном затылке
безмолвное холодное дыхание...
Когда я обернулся,
надо мною
зеленые сентябрьские звезды
на землю лили свой прохладный свет.

* * *

Тэнгэрийн орон хэрэггүй намда,
гэгээн тэрэ оршомдо жаргал үгы:
нарын толондо хээрын нүүдэлшын
сагаан нэеы гэрэй дэргэдэ
хараха гүб нюусаар айдар шинии дүрсэ —
гүлмэр урихан монгол үхинэй?
Нарин сурагар хүлэгөө
шууяһан хулһан соогуур хүтэлэн,
толи мэлигэр булагай уһанһаа
үдэшын сагаар уһалхашгүй,
дуулахашгүй гүб
аажам хүнээр гэдэргээ бусахадаа,
али нэгэ дуратай дуугаа...
Тэнгэрийн орон хэрэгтэй юм гү намда?

Хараха гүб тэндэ эжыгээ,
үлгын хажууда.
Шагнаха гүб тэндэ эжынгээ
үлгын дуунай үнжэгэн аялга,
үнгэргэхэ гүб һүнинүүдээ
амтан зүүдээ аятай манан?
Үдэшын хотоор алхалан,
золгохогүйб хүюу басагады,
намарай бороогой хүбшэргэй сохин,
шимни урдаһаам гүйхэгүйш.
Эгээл һайхан юртэмсэ дээрэ,
зүрхэндэм дүтэ хизаарта
угтахагүйлби үүрэй хүюун толо...
Тэнгэрийн орон хэрэггүйл намда!

* * *

Небесный рай не нужен мне,
нет счастья в той святой стране:
увиджу ль там, в долине лунной,
у белой юрты кочевой
украдкой милый образ твой —
улыбчивой монголки юной?
И тонконового коня
в шумящей роще тростниковой
из рук своих на склоне дня
в зеркальной глади родниковой
не напою и не спою,
несясь обратно в тишине,
невесть какую песнь свою...
Небесный рай не нужен мне?

Увиджу ль там у люльки мать,
услышу ль ласковое пенье,
смогу ли ночи коротать,
смыкая веки в упоенье?
Вечерним городом идя,
веселых девушек не встречу,
и ты не выбежишь навстречу
из струн осеннего дождя.
На самой лучшей из планет,
на близкой сердцу стороне
не встречу радостный рассвет...
Небесный рай не нужен мне!

ТАЛЫН ТҮРГЭН ШҮЛЭГ

Талын аласай холын хаяагаар
 нэргэг түргэн морин харуудал
 дүрбэн зүг руу үтэр шэглүүлээб
 тэсэбэригүй, хүлээнги харасаяа:
 үүрэй бүжэглэнэн толоной хүрээ соо
 ута дэлхэндэл харгын тооһо бурьюулан,
 нарин хүлтэ гүйгөөшөөрөө хабтайса дүүлинэгүй гү
 минии баяр—харахан гээгэгтэ Оюун?

Үдын наран толгой дээрэм жэргээ,
 үдэшын наран аласай хаяада жаргаа,
 бурьялнагүй гү ута дэлхэндэл тооһон,
 дабхинагүй юм гү гал дүлэ сасаруулһан
 түргэн түбэрөөнэй сууряа дэбэргэн,
 бүжэглэнэн толоной хүрээ соо
 минии баяр—торгон гээгэгтэ Оюун...

Боро хараата талаар минии морин харуул
 гэм зэмээ тохон шогшуулһаар,
 бууһан бүрэнхыһээ зайлан,
 нүдэнэйм сэсэгыдэ бусан шэргээ.

ЭКСПРОМТ В СТЕПИ

Словно чуткие верховые дозоры
 расставил я далеко в степи
 на все четыре стороны света
 зовущие нетерпеливые взгляды:
 Не заклубилась ли где долгогривая пыль,
 не стелется ли на тонконогом хулэге
 в ореоле пляшущих зорь
 радость моя—черноволося Оюн?

Солнце поднялось над головой,
 солнце упало за горизонт,
 не клубится долгогривая пыль,
 не мчится ко мне в фейерверке
 гулких горошин копытного цокота—
 в ореоле пляшущих зорь
 радость моя—черноволося Оюн...

И виновато скачут по вечереющей степи
 мои верховые дозоры,
 в глаза мои возвращаясь
 в бегстве от наступающих сумерек.

ЮЯ

Эдир грузин үхинэй
нэрэнь аялгатай.
Хулһанай үзүүртэ
үүрлэнхэйл тэрэ:
үлөзбэл аргаахан —
энезһэн абьяан
шубуундал гарһаам
дэгдэхэл өөдөө.

ЮЯ

Певучее имя
у юной грузинки.
Гнездится оно
на конце камышинки:
дунь осторожно —
смеющийся звук
выпорхнет в небо,
как птица из рук.

ГЭРЭЛ ЗУРАГ

—Хүүгэд,—гэбэ гэрэл зурагшан,—
наашаа харагты, нюдөө сабшангүй,
энээхэн түхэрээн нүхэнһөө
шубуун ниидэн гарахал.
Хүүгэд тэсэмгэй хүлээгээ,
теэд шубуун гараха юм бэшэ.
Дайнай жэлнүүд үнгэрөө,
мэхэшэн-гэрэл зурагшан нүгшөө,
хүүгэд ханаһаа шэртэнэн зандаал:
хаана юм, теэд, шубуун?

ФОТОГРАФИЯ

—Дети,—сказал фотограф,—
смотрите сюда, не мигая,
из этой дырочки круглой
вылетит птичка сейчас.
Дети старательно ждали,
но птичка не вылетала.
Годы прошли и войны,
фотограф-обманщик умер,
а дети глядят со стенки:
где же все-таки птичка?

ҮНЭ ЗАҢАДАГ ГАЗАРТА

Үнэ заһадаг ахатан,
 һамбайгым бү хайшалыт, гуйнаб!
 Хэды оролдон ургуулһыем,
 та оройдоошье мэдэнэгүйт!
 Далайдаш зайлааб,
 нарандаш хатаагааб,
 бороо соо норгооб,
 түргөөр ургахынь түлөө.
 Һамбайм — минии омог,
 ганса һанаха баялиг,
 бүхы зөөримнил...
 Хүсэнэб,
 һалхин хиисхүүлэг гэжэ һамбайгым,
 набша нэбтэлһэн наранай гэрэл
 һамбай соом наадаг.

Тиигээд үшөө, манай ангида...

Үнэ заһадаг ахатан!

В ПАРИКМАХЕРСКОЙ

Дяденька парикмахер,
 пожалуйста, чуб не стригите!
 Я столько его выращивал,
 вы просто не представляете!
 Купал его в море,
 на солнце сушил,
 под дождь выбегал,
 чтобы рос поскорее.
 Мой чуб — моя гордость,
 единственное богатство,
 все, что имею я...
 Хочу,
 чтобы ветер играл моим чубом,
 и солнце светило сквозь чуб,
 как сквозь листья.

И еще, в нашем классе...

Дяденька парикмахер!

* * *

Би мүнөө олзотойб,
баян гээшэм мүнөө—
хармаандам жэнгирээ
алтан зоос мүнгэн.

Бэшэнэб нүхэдтөө:
«Хотодомнай намар!
Арга боломжо олоод,
айлшалыт наашаа!»

Персиин хаан тайжадал
дугты бүридэнь
элбэгээр хэнэб
уляангирай набша.

* * *

Я нынче фатовый,
я нынче богатый—
в карманах бренчат
золотые дукаты.

Пишу я друзьям:
«У нас в городе осень!
С оказией первую
милости просим!»

И в каждый конверт,
как персидский царек,
я щедро кладу
тополиный листок.

* * *

Март нэн.
 Уһанай соргонуудай
 янгын тааруулна хабар.
 Саһан өөдөө дэгдээ.
 Хүбүүд гээзэгэ татанагүй.
 Шубууд нотодол эрезлэн,
 зайн галай утаһа һандайлна.
 Эжэл хоёр гулабхаа
 таалалдаа сонхо дээрэхи үүртээ.
 Али, магад,
 тэрэ гулабхаа үбшэлһэн
 эжэлээ хушуунһаа тэжээн,
 забгүй нэн гү,
 хабарыеш обёорхо?

* * *

Был март.
 Водосточные трубы
 настраивала весна.
 В небо снег улетал.
 Мальчишки не дергали косы.
 Нотами птиц
 провода зарябили.
 Голубиная пара
 целовалась в гнезде над окошком.
 А, может быть,
 с клюва тот голубь
 больную голубку кормил
 и было
 не до весны?

ХАРАЛГАН ҮҮНИ

Юун шэб балай, хараагүй хүниб!
 Бараан үүлээ огторгой татаад,
 одо мүшэдшье хорошобо,
 хэзээдэш үгы байһандал,
 орон соогоо хүбүүхэн нэрээд,
 өөрынгөө гар харабагүй.
 —Эжы! —гэн уйлаа хүбүүн,—
 би һохорби, наран үгыл.

Ороной захын дэн аһаагдаад,
 хүбүүнэй хараан бусаагдаба.
 Эхэнь үриез тарнидаһандал,
 нүдэ руунь үнэсэбэ.

НЕНАСТНАЯ НОЧЬ

Какая безглазая полночь!
 Задержнулось тучами небо,
 звезды и те попрятались,
 будто их не было вовсе,
 мальчик в кровати проснулся
 и рук своих не увидел.
 —Мама! —заплакал мальчик,—
 Я слеп, я не вижу солнца.

Включили настольную лампу
 и мальчику зрение вернули.
 Мать сына, как в заклинанье,
 поцеловала в глаза.

* * *

Шалбааг руу шэдэнэйб дорой Пегасые,
 хабһандаа хабшаһан уйгайнгаа ходортор;
 гэрэйнгээ дүтые эльгэ зүрхөөрөө ойлгон,
 хөөрдэм сэдхэлтэй үшөө нэгэ буряад,
 зүүдээ һанаад, түрэнэн һамгандал уйлан,
 хүдөө таладаа бусаһайб хабарай үезэр;
 шанаагаар элбэг нюурнуудаа хараад,
 зэрлиг ангай охёор дэлбэ баясан,
 бархираадш абахаб, тезд шаналхагүйб
 олон зоной шэгээтэй түб хотоёо нэгэш;
 хүбүүн шуналаар шангаар эльгэ хатан,
 тээрмын шулуундал үмдөө шобто хаяад,
 үүрэй толон руу гүйһэйб нүсэгэн зандаа,
 сууряата адуунай дэлһэ гартаа адхаад!

* * *

Кинуть в лужу дохлого Пегаса,
 покуда грусть меж ребер не погасла,
 хребтом почуять: дом твой где-то рядом,
 рыдать о нем роженицей во сне,
 в родную степь ввалиться по весне
 еще одним восторженным бурятом;
 скуластые вокруг увидеть лица,
 от радости звериной ошалеть,
 расплакаться, в душе не пожалеть
 о людной белокаменной столице;
 заготовать с мальчишеским азартом,
 содрать штаны, как тягостный жернов,
 бежать к заре, ныряя голым задом,
 держась за гривы гулких табунов!

* * *

Хүлнүүдни даа,
уйтан гуталда зада хабшуулан,
сиилэгэр, туранхай,
шала доро үндынэн ургамалдал.

Ай, нялхын зулайдал нимһалхан
табгайм яатараа гэжэгэнэхэб:
самнахаб,
ёолохоб,
эльгэ хатахаб,
абьяас онгоёо оруулһан бөөдэл!

Тиин унахаб,
үхэн гэжэгэнүүлээд сэсэгүүдтэ.

* * *

Ноги мои,
заключенные в тесную обувь,
худосочны, бледны,
как в подвале растущие стебли.

Возьму и разуюсь,
в пляс пушусь босиком на лугу!
Ох, и щекотно будет ступням,
беззащитным, как темя ребенка:
буду прыгать,
стонать,
хохотать,
как шаман в исступленном экстазе!

И—упаду,
защекоченный насмерть цветами.

* * *

Би,
 хабарай нубаг руу эгсэ шумбаһан
 хүүгэдэй шулгархай гуталхан мэтэ,
 мэдэнэгүйб,
 үглөөдэр юунэйш болохые:
 мартаһан нүхэрһөөм бэшэг ерэхэ гү,
 одо уналганаар шэбшэн хүсэлхэ гүб,
 али золгохо гүб,
 гэрэл зурагай тодордог уһан соо мэтэ
 аалиханаар дүрсэнь элирһэн
 тэрээхэн хүүхэнтэй?

* * *

Үнгэрһэн сагай хуудаһа иража,
 бүхы гашуун үгүүлэлын унша —
 ухаа нэмэн, шэнэ хилэнүүдые
 сэдхэл соогоо бодомжолон зура.
 Хуби заяанай ган забһар, хүнхэрөөр
 һайлан урдахыень хорижо бай,
 хахасахын тэбшэлгүй үбшэнтэй байхаар,
 хожом соносоходоо
 хүгшэнэй бүрэн дуу.

* * *

Я,
 словно облупленный детский ботинок,
 ныряющий круто в весенней канаве,
 не знаю,
 что завтра случится со мною:
 придет ли письмо от забытого друга,
 падучей звездой загадаю желанье,
 иль встречу девчонку,
 чей образ томится
 и зреет в сознание,
 как в медленном проявителе.

* * *

Перелистай минувшего страницы,
 все горькие цитаты перечти —
 и стань мудрей, и новые границы
 в душе своей рассудком начерти.
 Ты научи ее не растекаться
 по трещинам и впадинам судьбы,
 чтоб было больно с нею расставаться,
 когда услышишь зов
 старухиной трубы.

* * *

Бурханай үдэр
хүнүүд
хундага шэнхинүүлэн,
хуушан жэлэй хүүр дээрэ
даляараа дэрбүүлхэн
ягаан хасартай
нялхые амаршалнад,
мэдэнгүй,
тэрэнэй үбэртэ юунэйш байһые.

* * *

В час рождественский
люди
звонят в бокалы,
чествуют ангела
розовощекого,
бьющего крыльями
над могилою старого года,
не зная,
что у младенца за пазухой.

* * *

Сонхын арын набшаар
 ногоон нагшууртал нагшагдан,
 зунай боро хараан нэвтэрэн ороно,
 бүдэг-бадагта абяанууд дуулдана,
 хүршүндэ радио мушхан табиһандал:
 Зузаан уралтай бушмен тамшаагаа нойрмогоор,
 Тонкинай тохойдо загаһан шарбаа,
 шууяатай Гиндзэдэ эсэнги гейша мийнэлзээ,
 Фиджи аралай шоколадтал хүрин шунгааша хүбүүн
 хүлһөөр олоһон зэд мүнгээ алдаба —
 тэрэнь ханхинан мухаряа шулуун дээгүүр
 нойрсоһон хабшаахайе тэшхээн,
 «*C'est la vie*», —
 гүбэрөө дороо зайгуул зураашан,
 Парижай шантанда мартини аягалан.

«Тэнгэрийн сэлмэхэ ойртоо хэбэрын», —
 шэбэнээб бишье, нойрто абтан.

* * *

В окне сквозь зелень,
 как сквозь зеленое сито,
 просачиваются летние сумерки,
 в полумраке просыпаются звуки,
 словно у соседей играет радио:
 причмокивает во сне толстогубый бушмен,
 в Тонкинском заливе плеснула рыба,
 рассмеялась усталая гейша на шумной Гиндзе,
 шоколадный мальчик-ныряльщик на острове Фиджи
 уронил заработанную монетку —
 та со звоном покати́лась в камни,
 потревожив уснувшего краба,
 «*C'est la vie*», —
 тихо шепчет бродячий художник
 в парижском шантане за рюмкой мартини.

«Дело движется к ясной погоде», —
 бормочу, засыпая, и я.

* * *

Инагни,
 үдэшэ бүри
 намайе хүлээхэш,
 гэрэймни шаахайнуудые асаран
 дуулгахаш,
 хэды алаяһанууд мүнөөдэр үлүү сохигдооб
 үсэгэлдэрһөө.
 Шаахайнууд хэзээш хангирхагүй,
 харин гэрэймнай алаяһадай тоо
 зүб мүрөөр шиидхэгдэхэ еһотой.
 Тиин үдэшэ бүримнай бэе бээдээ адли һаань,
 дабхасуулан жэгдээр ябталбал,
 тэдэшни тааралдахал шэнэхэн картын
 багса мэтэ,
 һагшахаар байха тэрэниие хайшаншые гээд.
 Теэд ерэхэ нэгэ үдэр,
 зүб даа, үдэшэ,
 ши намайе угтахаш
 бэлдэхэн шаахайгаа барин
 алаяһадтай байлдаан тухай
 мэдээсэлтэй.
 Ойлгохоб гэнтэ,
 һаһанай — һа-һа! —
 үнгэрһынь!
 Тиигээд лэ би
 гарһаашни саб шүүрэжэ,
 хүл нюсэгөөр гүйлдэхэбди
 бороодо нороһон шоссе дээгүүр.
 Зон булта наадалха
 хоёр зүнтэгүүдые харан.
 Энеэлдэхэбди бидэшье:
 юундэб гэхэдэ, мүнөө
 хэншые зэмэлжэ шадахагүй
 дэмы ажаһуугаа гэжэ.

* * *

Милая,
 каждый вечер
 ты будешь ждать меня
 с моими домашними тапочками
 и сообщать,
 что сегодня убито на столько-то мух больше,
 чем вчера.
 Шлепанцам не будет износу,
 а в доме будет поддерживаться
 полагающееся число мух.
 И все вечера будут так похожи друг на друга,
 что если сложить их стопочкой,
 то они все совпадут, как новенькая
 колода карт,
 и их можно будет тасовать как угодно.
 Но наступит один день,
 вернее, вечер,
 когда ты будешь ждать меня
 с приготовленными шлепанцами
 и устной сводкой о положении
 на мушечном фронте.
 И я вдруг пойму,
 что жизнь — ха-ха! —
 прошла!
 И вот тогда
 я схвачу тебя за руку,
 и мы босиком побежим
 по мокрому от дождя шоссе.
 И все будут смеяться,
 глядя на свихнувшихся стариков.
 Вместе с ними
 будем смеяться и мы:
 потому что теперь
 никто не сможет упрекнуть нас в том,
 что жизнь прожита напрасно.

* * *

Бэшэ нэгэшье шара буртаг
 үбһэндэл үһээрээ шүдыем
 хадхахаяа болёош тонгойн,
 минии ород, гансахан андамини.
 Бархирдаг эхэнэрнүүдые хүлһэлхэ мүнгэгүйб.
 Монгол шарайта би, орохоб,
 сэмсэгэр славян хүмэ руу.
 /хүгшэд оруулха, ойлгуулхаб/.
 Табихаб нүхэртөө
 удаан бэшын наһагүйхэн хүшөө—
 үрөөһэн хүлтэй уйдхартай шубуун дэн.
 Шимни, шаргал ахам,
 эгээлэйл хүн ябаһандаа
 агуухэ бэлэйш.
 Тиимэһээ бадархал ёһотой дэн.
 Хэтэдээ.

* * *

Энеэдээр сасарһан трамвай
 һүниндөө арбуздал мухаряа.
 Доронь гүйһэн рельснүүдынъ
 зүрхэ руум сэхэ ороһондол.
 Би сошон мэгдээб:
 иимэ олон эльгэ хатаһан алмайнууд
 булта нам руу гү?
 Айһандаа талбар тээшэ гүйгөөд,
 хэнэйшьеб гашуун хапуустатай
 торхо руу хамараа зообоб.

* * *

Не будет больше
 тыкаться мне в зубы
 рыжим чертополохом волос
 мой русский, единственный кореш.
 Нет у меня денег на плакальщиц.
 Пойду, монгололикий,
 в опрятную славянскую церковь.
 /Старухи пустят, я объясню им/.
 Поставлю другу
 недолговременный памятник—
 печальную одноногую свечу.
 Но ты ведь, русский брат,
 был велик своей
 неприметностью.
 Значит, свеча должна гореть.
 Вечно.

* * *

В ночи катился арбузом
 брызжащий смехом трамвай.
 Рельсы под ним бежали
 прямо в мое сердце.
 Я испугался:
 столько хохочущих, беспечных людей,
 и все—ко мне?!
 В ужасе отпрянул я в подъезд
 и уткнулся носом в чью-то бочку
 с прокисшей капустой.

* * *

Залуу сэбэр бэлбэһэн эхэнэр
 хаа хаана, азагүй, шэрэн ябаа
 анханай дуранай
 хүлдэнь уяатай хүндэ шулуу.
 Түлэг дундаа, бээдээ найданги эрэшүүл
 забдаа шулууень таһалаад,
 шалбааг руу шэдэхээ.
 Теэд дэмы,
 хүхэ нүжэ, холонхойнууд
 саашалдаг һэн хооһоор,
 хүүгэдтэл бүлхын гомдоһоор.

* * *

Утаһата бүхы бахананууд
 хүндэ уялга дүүргэдэг.
 Тэдэ үргэлнэ мүр дээрээ
 миин утаһануудые бэшэ,
 тэрээн дээгүүр жэрэлзэһэн
 хүнүүдэй бодолнуудые,
 дэмы хэлэгдээгүй хадаа
 шэгнүүртэйл байгаа бээ.

Тиимэһээл энэ бахананууд
 мүшэрөөр омог һархайлдаһан
 модод болон һалбараагүй.

* * *

Красивая молодая вдова
 везде, несчастная, таскала за собой
 к ногам привязанный, тяжелый
 камень прежней любви.
 Цветущие самонадеянные мужчины
 пытались оторвать его
 и в лужу выбросить.
 Но всякий раз,
 в мозолях, в синяках,
 прочь отходили
 надувшимися карапузами.

* * *

Нелегкая, трудная служба
 у всех телеграфных столбов.
 Ведь они держат на плечах
 не только тяжесть проводов,
 но и бегущие по ним
 человеческие мысли,
 которые не впустую сказаны,
 а значит, имеют вес.

Оттого-то эти столбы
 так и не смогли разветвиться
 в горделивые цветущие деревья.

ГАНСААРДААН ЭРЫН УЙ

Ай, халаг — ябаа.
Бүриш голхормо юрөөр.
Эдээнэй таһаг руу
намда кофе шанахаяа ошоһондол.
Тиин өөрөө
тэнгэрийн хүүхэндэл сонхоор дэгдэшоо,
дуран тухайл ооглохо эрхэ намда үлөөгөөд,
өөртөө тезд —
харюугүй байхые...
Ай, халаг — ябаа.

МОНОЛОГ ВДОВЦА

О, ужас — ушла.
И до одури просто.
Как будто
отправилась в кухню мне кофе сварить.
А сама
вдруг феей летучей в окошке исчезла,
оставив мне право кричать о любви,
себе же —
молчать горделиво...
О, ужас — ушла.

ХҮН БА ДАЛАЙ

Ерэдэг нэн эрьедэ
далайн энгэртэ бархирхаяа.
Зүгөөр далайн аниргүй, шэрүүн,
һалхин лэ нулимсын аршаа.

... Гэртээ эшэнгээр тэхэрээ,
юшьеб гүнгэнэн хамар дороо.

ЧЕЛОВЕК И МОРЕ

Являлся на берег
поплакаться морю в жилетку.
Но море сердито молчало,
и ветер высушивал слезы.

... Домой возвращался стыдливо,
мурлыкая что-то под нос.

ОРООҢОН БА БУУГАЙ ҺОМОН

Хэн орооһые һомонтой
сасуулхаяа забдааб?

Түхэлынь адлиш һаа,
үзэн ядалга анханһаа нюугдаал.

Туулган тобшо—
сэмгэн буугай гашуун нёлбоһон,
табижа шадаха
үгүүлэлэй адагтал сэг.
Үрэгүй туулган—
өөрыгөө үргэлжэлхэ заяагүй.
Алтан орооһон—
хуряагдаһан туг
намартаа хаража жаргахал
хоолосто үнэр удамаа.

Хэн орооһые һомонтой
сасуулхаяа забдааб?

Түхэлынь адлиш һаа,
үзэн ядалга анханай нюугданхай.

Буугай һомон
хорото шарадал эрыюулнэ
энхэрэл дүүрэн
орооһо ургуулһан амиие.

Орооһон
тэсэмгэй
мүндэлүүлнэ дэлхэйдэ
һомон-тобшын
хоролхон намнаһан бүгэдые.

ЗЕРНА И ПУЛИ

Кто с пулями зерна
сравнить умудрился?

За схожестью формы
старинная ненависть скрыта.

Свинцовая пуля—
винтовочный желчный плевок,
и ставить умеет
лишь точку в конце предложенья.
Бесплодный свинец
и лишен своего продолженья.

Зерно золотистое—
свернутый флаг
и осенью счастливо видеть
потомство свое колосистое.

Кто с зернами пули
сравнить умудрился?

За схожестью формы
старинная ненависть скрыта.

Как осы,
гоняются пули
за жизнью,
что зерна любовно вскормили.

А зерна
упорно
на свет возрождают
все то,
что так злобно преследуют пули.

Орооһон һомон хоёрой
 харшал эсэсгүй,
 теэд захагүй арсалдаанинь
 хэтын хүдэлгүүр мэтээр
 урагшань дабхюулнал ажабайдал.

* * *

Нүгшэнэн эмгэйм абяагаар
 шэбэнээл аргаахан булаг.
 Үбгөөгэйм бээрэнэн хоолойгоор
 гомдолоо хэлэбэл хулһан.

Хэндэ, хайшаа орохо юм
 минии үншэрһэн хоолой?
 Бал суглуулдаг зүгйдэ гү,
 эдешэг шэмэтэ хоолосто гү?

Старинная ненависть
 зерен и пуль,
 их спор бесконечный,
 как двигатель вечный,
 толкает живое вперед.

* * *

Умершей бабушки голосом
 шепчет невнятно родник.
 Деда замерзшего голосом
 жалуется тростник.

В кого иль во что перейдет
 мой сирым оставшийся голос?
 В пчелу ли, несущую мед,
 иль в налитый соками колос?

ЕСЕНИНИИЕ ДУУРЯАЛГА*Ася Ш-дэ*

Нарын толон соо сэнхир хүүргэ дээр
Таврада намтай бү золгоорой.
Нөөлдэнхэй хоолойгоор гитара доро
дуулахадаа би хүрхэйш бэшэб.

Хэлээрээ би ородби. Тээд зүгөөр
шаргал Дурнымни үндэрлиг эжы
омог хүбүүдэйнгээ хүлдэ сахин,
хориг намда табиһан бэлэйл.

Буддадал адли зэртэгэр, жэгтэй,
өөрынгөөл гэртэ би гургалдайб,
хариин дуунууд, хари зоной хаба
Азиин зүрхэндэм һонин бэшэл.

Тиимэһээ һурахашье хэрэггүй.
Нарын туданан барюул тулгаад,
хадын хүүхэн, шамда зорюулан,
гунигтай серенада дуулахагүйб.

Хүүхэнэй сэнхир нюдэнэй гуниг
гитараар дуулан уйдаа цыганууд.
Хүхюун аялга наадан тоглохынь
найзгай эдээндэл ши хандаарай.

Нарын толон соо сэнхир хүүргэ дээр
Таврада намтай бү золгоорой.
Нөөлдэнхэй хоолойгоор гитара доро
дуулахадаа би хүрхэйш бэшэб.

ПОДРАЖАНИЕ ЕСЕНИНУ*Асе Ш.*

Не встречайся ты со мною в Таврах
при луне на голубых мостах.
Напевать с хрипотцой под гитару
никакой я вовсе не мастак.

Речью россиянин я. Но только
гордый дух сынов своих храня,
мать родного желтого Востока
наложила табу на меня.

Станный и раскосый, словно Будда,
лишь в своем дому я соловей,
песнь чужая и чужая удаль
сердцу азиата не новей.

Потому упрашивать не надо.
Опершись о лунный парпет,
не смогу я грустной серенады
для тебя, горяночка, пропеть.

Глянь, бренчат гитарами цыгане
про девичьих глаз тоску и синь.
Чтоб тебе веселое сыграли
этих славных малых попроси.

Не встречайся ты со мною в Таврах
при луне на голубых мостах.
Петь тебе с хрипотцой под гитару
никакой я вовсе не мастак.

ХҮХЮУН АЯЛГА

Алхам бүридэ
хүнүүдые
угтана хүлээгдээгүй ушарнууд:

хара миисгэйнүүд,
үмхи гэшхүүрнүүд,
ута хамартай гэргэд,
эмдэрхэй хүдэлүүрнүүд,
уйдаһаар үнгэрһэн мүнүүд,
сохын шэнэ уршалаанууд
гэхэ мэтэ олон
һанаа зобоомо жэжэ-божо зүйлнүүд.

Теэд тэрэ тамхияал аажам бааюулан,
тэнүүлэй хухюун аялга эшхэрнэл,
үглөө бүри тэрэнэй сонходо
найдалай ягаан далбага дэрбэлзээл.

БОДРАЯ ПЕСЕНКА

На каждом шагу
человека
подстерегают неприятности:

черные коты,
прогнившие лестницы,
длинноносые фурии,
неисправные тормоза,
печально уходящие следы,
и новые морщины на челе,
и много разных
раздражающих мелочей.

А он попыхивает сигареткой,
насвистывает бродячий мотив,
и бьющийся парус надежды
каждое утро в его окне.

* * *

Урма зориг бадаргаһан сэрэгшын
 рейхстаг дээрэ улаан туг үлгэхэдэнь,
 Байгалай эрьеын буряад эхэ уйлаа:
 —Ай, дэлхэйдэ буруул юумэн болоо!

...Энэл агшам зуур таамаг һомон хиидээд,
 хэнэйшьеб хүшөө дор хайран зээнэ унаа,
 зүгын үүртэл дүнгинэһэн үйлсэдэ
 Берлинэй талмайн ойро нүгшэбэл.

Уй гашуудалдаа диилдэн бүгтыгээ,
 буурал һаншагһаань хоёр нулимса унаа:
 нэгэ нулимсань — зээгээ шаналалгын,
 удаадахинь — Берлин абаһанай медаль.

* * *

Когда солдат в подъеме небывалом
 багровый стяг повесил на рейхстаг,
 заплакала бурятка у Байкала:
 —Ах, в мире что-то все-таки не так!

... А внук в тот миг шальной нечестной пулей
 отброшенный на чей-то пьедестал,
 на улице встревоженной как улей
 у площади берлинской умирал.

В подол упала, сдерживая муку,
 и две слезы скатились от седин:
 одна слеза — как скорбь ее по внуку,
 вторая же — медалью за Берлин.

* * *

Энхэ тайбан унтаридаа нэрюулэгдээ
хүлгүй старшина:

улхархайень сохёод гэрэл,
шэмээгүй үхээрэй байдал эбдэрээ
бомбын тэһэрээн шалыень доһолгоод.

Сонходоо гүйбэ мэгдүүгээр үбгэн:
үгы, дайн дахин үүдымнай тоншоо гү?
Тиин гэнтэ зуг татаа

жаргалтай, һайхан агшам
байна гэжэ нүдэндөө этигэнгүй,—

тэрэ хабарай фронтнууд үнгэрөөл
апрелиин соохорлоһон талын замаар!
Тэрэ модоной гүлгэд таршаганаад,
ногоон шүхэрнүүдээ өөдэнь буудаал!

... Бусаа бодол, тунгалаг ба нэмһэг,
тиин солдадай досоо гэнтэ шэмшэрээ.
Тайлаад табиһан баруун хүлынь
энеэн, шуранаар гэр соогуур дэбхэншээгээ.

* * *

Разбужен был безногий старшина
в постели мирной:

резал свет глазницы,
распалась гробовая тишина
и взрывы бомб шатали половицы.

Скорей к окну встревоженный старик:
ужель опять война стучится в двери?
И вдруг застыл,

в счастливый, чудный миг
глазам своим и веря и не веря—

то двигались весенние фронты
апрельскими маршрутами проталин!
То почки на деревьях грохотали,
стреляя вверх зеленые зонты!

... Вернулась мысль, прозрачна и нага,
и что-то больно дрогнуло в солдате.
Отстегнутая правая нога,
смеясь, скакала бойко у кровати.

НҮХЭРТЭЭ ХАХАСАЛГА*Бадмажабай дурасхаалда*

Үбиггүйхэн, нэбрэг байгаа тэрэнэй онгосонь...
 Асари ехэ, хүлгөөтэй бэлэй оршолонгой далай...
 Шангаар татуулһан омог далбага үгы нэн...
 Нэлжурэй орондо ажалша гарайнь альган байгаа...

Ондоо түбиин амитанай уншарагтай жэхымэ
 гашуудалай аянгаар
 зобошоһон эсэгын аманһаа
 залд гүүлэн гэнтэ дүнгинөө
 эржэн тана дунгар бүрээ—далайн уршалаатай үри.
 Нэгэ ангида һураһан гүлмэр хитүү басагад сүхэрэн уйлаад,
 нулимсын субад нүдэнһөөнь сэсэрээ
 хожомдоһон мүндэрөөр.
 Абяагүй гуниглаа хүбүүд, манан соо харааһаань дэгдэшоо
 хараасгайнуудай дүрсэнүүд...

Хуурсагта хэбтээ, холодон.
 Нүү!—
 Нүүдэр нюураарнь зуралзаа!
 Үгы...
 Үүлэн һалхинай тохорюун хүлөөр гүйгөөд үнгэршөө.

«Хайшаа ниидээб минии бүргэд?»—
 Һурагшалаа хүүхэнэй зүрхэн сэсэгтэ нугаһаа.

Сэсэгүүд, хэлэгүй байһандаа,
 хүүртэнь хэбтээ гүрлөө баглаагаар.

ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ*Памяти Бадмажаба*

Беззащитной и утлой лодчонка его была...
 Громадным и неистовым океан небытия был...
 Тугого и гордого паруса не было...
 Вместо весел ладони натруженных рук были...

Протяжным и хриплым голосом скорбящего
 существа неземного
 на измученных отцовских устах
 страшно и неожиданно затрубила
 перламутровая раковина—морщинистая дочь моря.
 Заплакали одноклассницы—смущенные юные девочки,
 жемчужины слез сверкнули отчаянием
 запоздалого града.
 Безмолвно грустили юноши, в тумане их глаз исчезли
 ласточек отраженья...

Лежал в гробу отрешенный.
 Чу!
 Тень по лицу промелькнула!
 Нет...
 Облачко пробежало на журавлиных ногах ветра.

«Куда улетел мой беркут?»—
 спросило девичье сердечко у пестрого луга.

Цветы, не владея словами,
 легли на могиле венками.

* * *

*Эрэ хүнэй сэдхэлдэ
эмээлтэ хазаарта багтах
(Буряадай оньһон үгэ)*

Хулагша гүүгээ эмээллээд,
хүхирэн самсаяа сэлижэ,
туршаа тэрэ адууһаа
үбэртэлхээ.
Багтаагүйл даа.
Ай, яха аахилһаар,
эмээлээ абаа,
дахин туршаад үзэбэ,
яаш ядалай.
Эрэдэ энэ ушар—
асари уйдхар!
Боогдохонь мүнөө,
үгыл.
Эшхэрһээр хүмнайш саашалаа.

* * *

*В сердце мужчины
поместится оседланный конь.
(Бурятская пословица)*

Оседлал саврасую кобылу,
расстегнул весело рубаху,
попробовал засунуть лошадь
в грудь.
Не влезает.
Досадливо крякнул,
снял седло,
поднатужился снова,
не влезает.
Горе для мужчины,
великое горе!
Сейчас повесится,
нет.
Ушел насвистывая.

ЗҮРХЭНДЭМНАЙ АДАШЬЕ ОРОЖО МАГАД

Метро дотор—үхэнхэй асари мана һохорой
 газар дорохи хүмэ соо—
 намда гунигтай урагшагүй юрын хүндэ,
 гэшхүүрэй табсангаар гүйдэһэн
 зүгын үүртэл исалһан хүнүүд руу
 бомбо хаяһайб гэжэ гэнтэ ханагдаа.

Оо, юун болохо гээшэ һэм!..
 Теэд агшан зуур, үхэтэрөө айнхай,
 гам хайрагүй ханаанайгаа морёо шабхуурдааб,
 оруулһанайнь түлөө намайе
 булангиртай һубаг руу.

ВХОЖ В НАШЕ СЕРДЦЕ ИЗРЕДКА И ДЬЯВОЛ

В метро—святилище подземном
 умершего гигантского крота—
 мне, грустному скромняге-неудачнику,
 вдруг захотелось швырнуть бомбу
 в толпу, гудящую, как улей,
 у лесенок бегущих эскалатора.

О, то-то было б зрелище!..
 Но через миг, напуганный до смерти,
 нещадно колотил я лошадь
 мыслей за то, что завела
 меня в канаву.

НЭРЭГҮЙ БУЛАШЫН ДЭРГЭДЭ

Юун аалин бэ эндэ. Шубуудшые дуугүй,
гургалдайн хухалгаар ой нэргэхэгүй,
сэсэгэй хангал, шоргоолзодой хүлһэн...

«Хэнэй хүнэнһэн буудалаа эндэ олооб?»

Һалхинай амяар гандагаари һэрезд,
уралымни үлэ мэдэг мэгдүү эльбээ:
Тс-сс...

У БЕЗЫМЯННОЙ МОГИЛЫ

Как тихо здесь. И птицы не поют,
не оживится лес коленом соловьиным.
Цветами пахнет, потом муравьиным...

«Чья здесь душа нашла себе приют?»

Дыханье ветра в бузине проснулось
и губ моих испуганно коснулось:
Тс-сс...

* * *

Үглөөн бүри
 нарата ганга эрьедэ
 боярай унжуу хормойто дэгэлтэй
 маараһан хүрэгөө абаашан,
 улаан нюдэтэ транзистораа аһаанам:
 Сагай—
 наранда сахалайтаһан,
 нулсаран нюдэтэй хүгшэнэй—
 шэнэ гүрэнүүдэй эрезэн халааһа
 нэмээжэл байдаг
 хэшээлэй хуушан зээрэмхэй,
 ходол шамарланги дэлхэй,
 юугээ гүбэрөөш?
 Олон хэлэтэ түбиин сууряан
 түлгэнэ мэгдүү
 үнгэ бүриин хууха ооһорнууд ба
 ялалзаһан элдэб оньһоной дундуур.
 Хари зоной хөөрдэм яряан
 боди зантай үбгэн хонишоной шэхэндэ
 уряар дуулдаа, дадалгүй, жэгтэйш бол.

* * *

Каждое утро,
 уведя на солнечный яр
 бляющих собратьев
 в боярских долгополых шубах,
 зажигаю красный глаз транзистора:
 о чем бубнишь,
 вечно недовольный мир—
 старый облупленный глобус,
 куда нашивает
 пестрые заплаты новых стран
 время—
 обветренная старуха
 со слезящимися глазами?
 Многоязыко эхо земли,
 которое мечется
 среди цветных пластмассовых веревок
 и всяческих блестящих штучек.
 Чужая взволнованная речь
 непривычно и странно ласкает
 ухо сердобольного чабана.

НОХОР ХҮН

Ябаган харгын заха зулан,
хатанхай тулуураар
аргаахан тоншоно,
бүдүүзгэй, янгархуу
үбшэнтэниие шагнажа байһан
хитүүшэг нэгэ эмшэндэл,
гансахан үри-скрипкээ
буляалгаад, уй гашуудалда
хухара дарагдаһан бэеын
тулгалха
үрэдэг номотойл үлөөд,
уйлаганаһан хүгжэмшэндэл...

Ябаган харгын заха зулан,
хатанхай тулуураар
аргаахан тоншоно,
үнэншэхээ хүсэһэндэл:
үнөөхиеэл хүл доронь зандаа гү
яндан газар,
нэгэтэ хэтын хэтэдэ
гэрэйн сонхын хаалгануудые хааһан,
дүшэн хараагүй жэлнүүдэй
хугасаа соо үргэлжэлһэн
эрэ бэеын тулалдаанһаа
зайлаагүйень шалган.

СЛЕПОЙ

Бредет по кромке тротуара,
осторожно постукивая
сухонькой палочкой,
словно застенчивый врач,
выслушивающий солидного,
капризного пациента,
словно плачущий музыкант,
у которого отняли
единственную дочурку-скрипку
и оставили лишь смычок,
дабы было на что опереть
надломленное горем тело...

Бредет по кромке тротуара,
осторожно постукивая
сухонькой палочкой,
словно желая убедиться:
по-прежнему ли под ногами
подлая земля,
на веки вечные однажды
в его дому захлопнувшая ставни,
не ушла от неравного,
мужественного поединка,
длящегося вот уже
сорок незрячих лет.

* * *

Соройгоо дошхоор хортогой морин —
 Дурна зүгэй Азиин хүр хүлдэ шүтөөн! —
 Түүни үзөөд, хөөрдэм омог дүлдөөгүй бол,
 хоёр хүлтэй хохимойн нэрэл зүүхээр!

Алишье сагта моринтой андабди,
 таряаландаш, дайндаш суг ябаабди.
 Хүнэй сэдхэл мориндо би сэгнэнэб,
 адагуусанай зан хүндэ байбал бузар.

* * *

Поднялся конь в порыве на дыбы —
 вот идол азиатского Востока! —
 Каким ходячим трупом надо быть,
 чтоб не сгореть от дикого восторга!

Мы с лошастью товарищи в веках,
 с ней хоть на пашню, хоть на подвиг ратный.
 Ценю я человечность в лошадях,
 но в людях лошадиное отвратно.

МОСКВАДАХИ БУРЯАДУУДАЙ ЭБЛЭЛ

Үнгэтэ шэл өөдэнь шэглүүлэн янзалһан
аквариум-кафе соо
европын гоёмсог түхэлэй хубсаһатай
оонигор нюдэтэй хүбүүд, басагадай
үймэлдэһэн һүүдэрнүүд һүүмэлзээ.
Нэгэ хүнэй арбан түхэриг хүлһэтэй
шара үһэтэй табан дууша хүбүүд
толи соо битлэнүүдэй наярһандал,
хэлсээнэй ёһоор адхаруулна
хүхюун аялгануудай бороо.

Хотын хилэ захын араар үлэһэн
түрэхэн дайдын хүсэтэ дуудалга
түншэтэй бардам ударидагшын
мантан Москвагай һаба соо
жэжэхэн элһэндэл
худхаран шэнгэһэн
залуу буряадуудаа ооглоһондол болоо,
тиин тэдэ хамта мүнөө сугларбал —
үсөөхэн тоото арадай
бүрин эрхэтэ түлөөлэгшэд.
Зоной аманда баруунай ерүүл аялга,
тиин ехэрхүү сохисынь һүрөөе даран,
хүрин шарайтай пластинка эрьелдээд,
сээжэ түбэнгиин, аяа
түрэл эхэ хэлэн дээр дуун зэдэлшоо.
Хитэлгын хаалта зада сүмэлэгдэн,
дурсалгын баярай одото саг буугаа.
Һөөргэдүү хүгжэмэй аниргүйдэ,
нүхэдэй харасануудай дэмжэлгэ доро
дуулалдаа ээлжэлэн буряадууд.

БУРЯТСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО В МОСКВЕ

В стеклянных разноцветных вертикалях
кафе-аквариума
сквозят, сквозят мятущиеся тени
парней и девушек с раскосыми глазами
в изощренных европейских костюмах.
Квнтет русоволосых юношей
зеркальных отражений битлзов,
нанятый по червонцу на брата,
аккуратно выдает на-гора
ливень веселых мелодий.

Могучий зов родных степей,
оставшихся где-то за городской чертою,
словно горделивый вожак
окликнул молодых бурят —
оторванных песчинок,
растворенных в громадном
московском сосуде,
и вот они снова вместе —
полномочное представительство
крохотного народа.
Нервный ритмический Запад
в танцах молодых бурят.
На устах мелодии-эмигранты,
но, заглушая торжество ритма,
завертелась смуглолицая пластинка,
поющая на гортанном,
до боли родном языке.
Прорвана плотина смущения,
наступил час триумфа ностальгии.
Запели по очереди буряты
в вызывающем молчании музыки,
под аккомпанемент дружеских взглядов.

... Гитарын хэбэл руу Баруун шаагдаба,
тиин найндэрэй шэрээнүүд дээгүүр
үглөөнэй тала нюргаа сэхэлбэ,
туруунай түбэрөөнэй сууряан зүрхэ дорьбоон,
гунигта булжамуурнууд
сэсэгүүдэй үзүүрээр дүүжэндээ.

... Забился в гитарные чрева Запад,
и над праздничными столами
выгнула спину утренняя степь,
цокот убегающих копыт кольнул в сердце,
и кручинные булжамуры
закачались на продолжениях трав.

НАРА МАНДАХА ЗҮГТЭ

Өө!—гэбэб үүрэй толые найхашаан,
 далайн миралзаа манан соо шэртэн.
 Өө!—гэжэ дабтааб, эндэ хэлэмээр онсо үгы
 олохогүйш хорбоо дэлхэй дээрэ.
 Өө!—гэжэ баясааб, сээжэ зүрхөө сэлижэ,
 нойрмог тохойн халхинтай тоглолдон...

Гэнтэ оог хуугайем дууряаһандал,
 түхэрээн улаан наран мандашоол.

1971 он

* * *

Эхэнэрнүүд
 зүрхэн дороо үринэрээ тээнэ.
 Найрагшад—
 түрүүшын номуудаа.
 Шүлэгүүд ба хүнүүд золгоно.
 Дахяад шэнээр
 гэрэлэй ба нигүүлэсхын
 үрэнэн бүрилдэнэ.

НА ВОСХОДЕ

О!—восклицал я, любясь рассветом,
 глядя, как море мерцает во мгле.
 О!—повторял я: поведать об этом
 не было праздничных слов на земле.
 О!—восторгался я, грудь обнажая,
 балуясь с ветром над бухтою сонной...

Вдруг, словно крикам моим подражая,
 выплыло круглое, красное солнце.

1971

* * *

Женщины
 носят под сердцем детей.
 Поэты—
 первые книги.
 Стихи и люди встречаются.
 И вновь возникает
 вечная завязь
 света и доброты.

ЯРУУНЫН ОЙ СОО НАМАР

Набшаадаа шаналан,
нэмнэг хүбшын уйлахань
жэл бүрийн лэ юрэ.

Энэ намар.

Сэнхир Яруунын халхи угтаһан
боржон шулуун хярын альган дээр,
соробхилоол түүдэгни хүртэй,
ная нааша залирхашье хэбэргүй.

Ямар шангаб эхымни шуһан!
Эшээн руунь ан гүрөөл тууһандал,
туунал иишэ,
үлгыем эндэ хүдэлгөөгүйш хаань.

Өө, Яруунам!
Далииншни дэбисэ үргэн.
Шамаё тойрохоо тэгүүлһэн
зээрэгхэн, хортогой гүрөөһэнэй
шандааһан хүлнүүдын урбахал.

Буртаг шэдхыншни нюуса хүртэшэгүй,
омог дайдын хизааргүй аглагта
набша, шулууншье илгаагүй
эхэ тоонтын сэнгүү охи шэнгээнэл.
Энэ үглөө угаа сэбэр агаар.
Огторгойн гүнһөө хүнхинэһэн хүгжэм
зуугаад хоолой ниилүүлэн ханхинаа.
Хилганын хангал,
нёдондоной саһанай гунигтал,
хиисхүүр.

ОСЕНЬ В ЕРАВНИНСКИХ ЛЕСАХ

Плач тайги обнаженной
по утерянным листьям
ежегоден и прост.

Это осень.

На ладони гранитной гряды,
ветру синей Еравны открытой,
бьется мной разведенный костер,
не желая так скоро угаснуть.

Как сильна материнская кровь!
Словно зверя в родную берлогу,
гонит в край,
где моя колыбель не качалась.

О, Еравна!
Размах твоих крыльев широк.
Мускулистые ноги изменят
диковой и резвой косуле,
пожелавшей тебя обежать.

Тайны дебрей твоих неприступны,
в гордой шири степей и лесов
каждый камень и лист
здесь на духе отчизны настоян.
Этим утром прозрачен так воздух.
Полифония гулко́го неба
стоголосым органом звучит.
Аромат ковыля,
как печаль прошлого́дного снега,
летуч.

Харин байгаалимнай
нөөхил тайлгаа тахяа:
хүндынүүдэй эб найраг хэлсээн,
хөөрэхэн хандагайн инагай хатар,
Гүүндын сээжээр
сахалиин гуниг дуун.
Үлэ-мэдэг заар тараан анхилһан
үргөөлгүй гүрөөһэдэй гүйдэл...

Шэмээгүйн һиирэг соо
урдын бууса гэнтэ үзэгдөөд,
абяанууд зэдэлбэл
үни холын элинсэгүүдэйм.
Амидырна тэдэмни, минии
галаб зрьюулэн сабдаһан мэтэ.
Хүнүүдэй хөөрэлдөөн,
зуун жэлэй саана соностоод,
бусаана мүнөө хадын хүнхэр,
хазаар морито хүбүүдэй дуу,
хонидой маараа,
сад дүрөөнүүдэй даршаа,
утаатай урса соо нялхын шашхаа,
бүд гуталай хүнгэн һаршаганаа.
Хуу элирээ намда
сагаар баллуулһан сэсэн хөөрөөнһөөнь
энэ дайдаһаа
намае хүлээнгүй,
намае хүлээнгүй
ошоһон үбгэдэй.

Набшаһадаа шаналан,
нэмһэг хүбшын уйлахань
жэл бүрийн лэ юрэ.
Энэ намар.

А природа вершит
сердцу милый осенний обряд:
ассонансы таежных долин,
пантомима влюбленного лося,
крики чаек
над Гундой печальной,
бег непуганых пестрых косуль,
источающих мускус неслышно...

И в прозрачной тиши
над лощинами стойбищ былых
слышу я голоса
неувиденных предков своих.
Оживают они, словно я
вызвать смог преставление света,
словно говор людской,
век назад отзвучавший,
возвращают распадки хребтов:
смех гарцующих в седлах парней,
гул овечьих отар,
звон чугунных стремян,
крик детей у задымленных юрт,
звук матерчатых легких гутулов.

Все является мне
в приглушенной годами беседе
мудрых предков,
ушедших из этих степей,
не дождавшись меня,
не дождавшись меня.

Плач тайги обнаженной
по утерянным листьям
ежегоден и прост.
Это осень.

Мүнөө досоом сэлмэгшье, гунигтайш.
 Хахасаха саг ерээ
 жэлээр гү, али хэтээр.
 Дуулаагүй нэм нэгшье,
 зүгөөр мүнөө
 хүбүүнэйш зүрхэндэ дуун түрэхэнь,
 хараасгай шубуунай
 далияа дэлиһэн шэнгээр.

Энэ— намарай дуун мүндэлхэнь,
 гуниг
 ното бүридэнь гүнгинэхэл.

Дууша галууд иижэл ганганадаг,
 тоонтоёо тойрон дэлихэдээ.
 Би дуулахам,
 хүбшэргэйнүүд хэрэгтэй
 дуугаа дэмжэхым түлөө,
 инагайнгаа гүрлөө эльбэһэндэл.

Хаанаб хуурни,
 талада элинсэгэйм булаһан
 нарин хоолойто, гунигтайхан хуур?

Хаанаб хуурни?
 Зүрхэнэйм дуун
 дуулуулхаяа хүсөөд,
 уралдам гэжэгэнээ.

Мне сегодня светло и печально.
 Я пришел попрощаться
 на год иль совсем.
 Никогда я не пел.
 Но сейчас
 в сердце парня
 рождается песня,
 словно ласточка
 крылья свои расправляет.
 Это будет осенняя песня
 и грусть
 прозвенит в каждой ноте.

Так поют длинногорлые гуси,
 над родными лугами кружась.
 Буду петь я,
 мне струны нужны,
 чтоб подыгрывать песне своей,
 словно пряди возлюбленной глядя.

Где мой хур,
 тонкошей тоскующий хур,
 что закопан в степи моим предком?

Где мой хур?
 Тонкошей тоскующий хур.
 Песня сердца
 быть спетой желает
 и щекочет уста.

ГАНСААРДАЛГА

Гэнтэ уйдхар буугаад,
 шүдөө хахинатараа гансаардаалби.
 Намарай боро хараанаар
 хотын арын захаар
 харбайхаш гараа
 өөрөөш мэдэнгүй,
 инагайнгаа матаргай бэдэрдэг
 үни буртиһан сагай заршамаар...
 ... Гансал агаар шэлжэн урдаа
 хургадайм дундуур,
 шэмээгүйдэ хүхы
 нугшараад абаха
 тэрэнэйм хүүрэй ойрохон.

ОДИНОЧЕСТВО

Вдруг станет грустно
 до зубовного скрежета одиноко
 в осенние сумерки
 на городской окраине.
 Протянешь руку
 машинально
 по привычке заплесневелых лет
 ища танцующую талию возлюбленной.
 ... Лишь воздух проструится
 меж пальцев
 коротко всхлипнет
 в тишине кукушка
 у кладбища с ее могилой.

* * *

Амарагууд,
шургаял харанхы
һүнийн бүрхээг руу!

Бии һуури тэндэ,
мүнхэ һайндэр мандуулхын:
Гургалдайн гулгаан мэтэ заг-зугхан
мана һохор, уйтахан үйлсэнүүдээр
яаран,
дурлан, уйдан, бүглэршэнхэй
кофейнийн шулуун хотируулга үмхэхөө,
шэрдэгдээгүй һандай дээгүүр бээрэхээ,
шаргал набшын хуйлаан соо таалалдан.

Һүнийн трамвай, сэсэрлиг ба талбарнуудаар
наадагдана харагдангүй, тон нюусаар
бишихан зүжэг
дурлаһан хоёр зүжэгшын хүсөөр.
Харагшадгүй,
шэмэглэлгүй,
альга ташалгашгүй.

Бүрхээг доро, һүнеэр ялабхилһан,
золголдоно зобоһон уралнууд
шуурган соогуур
үнгүүлһэн онгосонуудтал...

Дурланхайшуул,
шургая харанхы руу!
Сэнхир далбагаар дэгдээе һүнеэ
түрөөтэ зуун жэлэй юрьеэн дээгүүр!

* * *

Влюбленные,
бежимте в темноту—
под купол ночи!

Там место всем,
кто вечный знает праздник:
по узеньким, незрячим переулкам,
кривым, как соловьиные коленца,
спешить,
любя, скорбя и задыхаясь,
жевать в кофейнях каменные бублики
и мерзнуть на некрашенных скамейках
в поцелуях и осенних листьях.

В ночных трамваях, парках и подъездах
играются незримо, в страшной тайне
малютки-драмы
с влюбленными актерами двумя.
Без зрителей,
оваций,
декораций.

Под куполом, мерцающим в ночи,
встречаются измученные губы,
как корабли,
потрепанные в бурях...

Влюбленные,
бежимте в темноту!
И синим парусом взовьемте ночь
над буднями грохочущего века!

* * *

Мойһон нюдэтэм,
хөөрэхэ гээл һаа, ши
бидэ хоёрой дуран тухай түүхэ,
үүрэй огторгойдол
үндэрлиг тэрэ домогтомнай одоо
эхинһээнэ орохол гансата
хуушанай немецкэ рояль.

Адархан даа тэрэмнай, гунигтай...
Тээд хайшань хэлтэйб бэшэ,
инагхамни!

Һанаанда,
һанаандамнайл тэрэ үдэшэ!
Хүжэ арсын хангал тунан байгаа,
сонхо руу нэнгээ набша,
харин айлшадай таһагта
наманшалаа нүгэлөө рояль.

Адархан даа тэрэмнай, гунигтай...
Тээд хайшань хэлтэйб бэшэ,
инагхамни!

Харин хэзээб даа ши
наадахаш тэрээгээр ноктюрен
эрьегүй далайдал дуранай.
Сагаан һаншагууднай бидэнэй
хара лаагайнь толидо
хюруудал үзэгдэхэ.

* * *

Черноглазая,
если рассказывать
историю нашей с тобой любви,
то в эту поэму
огромную как утреннее небо,
вторгается в самом начале
старинный немецкий рояль.

Он такой ведь громоздкий, печальный...
Но куда его деть,
любимая!

В памяти,
в памяти нашей тот вечер!
Буддийским благовонием пахло,
зелень просилась в окна,
а в затемненной гостиной
исповедовался рояль.

Он такой ведь громоздкий, печальный...
Но куда его деть,
милая!

И когда-нибудь ты
наиграешь на нем мне ноктюрен
бесконечной, как море, любви.
И волосы наши седые
отразятся, как иней,
в черном лаке его.

ДУНГАР

Далайн онгосын хаб нохойдол,
үбгэн матросой камин руу харбайһан
альган дээрэ монсойгоо
галай улбар туяагаар ялабхилһан
дунгархан.

Олон юумые досоогоо багтаан,
хахад зуун жэл соо оршоо.
Хадагалаа үнэн нирбадал
гадаада далайн шууяа,
эрьеын сахалинуудай оог хуугай,
озолдооной нямняа сэсэг,
хэзээшьеб зэргэлээд ябаһан жэбжэгэр хүлнүүдтэй
хүүхэнэй нэрюун амисхаал.

Долгид аршаа
элһэн харья дээгүүр дандалдаа
үүсхэн
үргэншье, нариншье мүнүүдые.
Модон хүлынь үнинэй
хүгшэн миисгэйн набарнуудһаа
гэжэгэнэхее болинхой.

Гансал хүүхэн
тэрэ харуул, үүлэгүй оршонһоо
толотомо тэрээхэн эржэн тана дунгарые
нүсэгэн хүлөөрөө харбайн,
шэртэнэ ханаһаа.

Үхэлгүй шарайнь,
залуухан нюдэдэйн элшэ
аятай жэгнэнэ дулаахан дурсалгаар
үбгэжөөлэй ниилүүрээр зурамал,
үнсэл шэнгээн хатаанги, үлэ мэдэг
аагай сорьёлтой сээжэ.

РАКОВИНА

Корабельным песиком
свернулась на ладони старого матроса,
протянутой к камину,
мерцающая алыми бликами
раковина.
Многое она вместила в себя
и хранила полвека,
словно верная экономка:
шум огромного моря,
крики чаек над дебаркадером,
одуванчики поцелуев
и мокрое дыхание длинноногой девушки
которая когда-то шла рядом.

Смыли волны
широкие и узкие следы,
игравшие в догоняшки на песчаной
отмели.

Деревянная нога
давно не боится щекотания облезлого
кота.

Лишь девушка
из той безоблачной цивилизации,
подавшая босыми пальцами
сверкающую перламутровую раковину,
глядит со стены
бессмертным ликом.
Улыбка молодых глаз
приятно греет теплом воспоминаний
татуированную старческую грудь
с неуловимым терпким запахом
засохших поцелуев.

* * *

Зоос мүнгэ шэдээб
далайн онгосоһоо.
Инагхамни,
үнэн сэхэ байя, зүү,
тэрээхэн зэдэй
аян замай далайн оёор туласарынь.

* * *

Я бросил монету
за борт теплохода.
Любимая,
искренны будем хоть раз,
пока та монета
свой путь совершает ко дну океана.

ВАРИАНТЫ:

Я выбросил за борт
монетку.
Милая,
давай будем с тобой
на прощание искренны,
пока монетка
не ляжет на дно океана.

Я бросил за борт теплохода монету —
покуда монета
свой путь совершает ко дну океана,
о милая,
искренны будем хоть раз.

Я бросил за борт теплохода монетку.
Покуда монетка
свой путь совершает до дна океана,
милая,
искренны будем хоть раз.

Я бросил за борт теплохода монету.
О милая, искренны будем хоть раз,
покуда монета
свой путь совершает ко дну океана.

ХАБАРАЙ МОЛЬБЕРТЫН ДЭРГЭ

Гүн ухаатад,
 ханаанда бү абтыт балкон дээр хабартаа:
 Арайл дэлхэй абархагүйт
 ямар нэгэн холиртой мүргэлдөөнөөнь —
 зон соо үнгэрхэ сагаан набахагтай үхин,
 тиин убайгүй нюдэдын шэрбэхэл,
 нюур зураад, унашаһан одоншуу.
 Харин танай сэсэн бодолой жагсаал —
 логикин түб хэрэм, холиrhoош абаралга
 хандаршаха гансата үй хүрэн,
 набагшаа хэндэшьеб татуулһан мэтээр...
 Шэрүүн зантай басаган,
 хабарай булгяа уһан шэрын дуһал,
 Юу хэбэ гээшэбши?!
 Гүн ухаатад,
 ханаанда бү абтыт балкон дээр хабартаа.

У МОЛЬБЕРТА ВЕСНЫ

Философы,
 весной не размышляйте на балконе:
 едва вы мир спасете
 от столкновенья с какой-нибудь кометой —
 в толпе пройдет девчонка с белым бантом,
 звездой падучей чиркнет по лицу
 нахальный взгляд ее прекрасных глаз,
 и стройная колонна ваших мыслей —
 акрополь логики, спасенье от кометы —
 развалится в мгновенье на куски,
 как будто где-то дернули за нитку...
 Жестокая девчонка,
 мазок весенней буйной акварели,
 что ты наделала?!
 Философы,
 весной не размышляйте на балконе.

* * *

Халаадаа нэмэрезд, богоһодоо зогсоо,
этигэхэ болихоош мэдэнгүй,
шархатаһан шубуундал харгы руу забдаа,
харгын бэлшэртэ үлээһэн мүр тээшэм.

Декабристын һамгандал тэрэ гүйгөө,
баалинхаараа дүүрэн саһа удхан,
хашхаран араһаам хайратай гуйлтаар:
— Теэд хаагуур ябаабши, зүрюу амитан!

Зогсооб бинь гайхан — хэлэгүй юумэндэл,
бээрэшэнхэй шэрүүн Үбгэн Жабар.
Үргэбшөөр дүүрэн һэжэг жүтөө хэнхэй,
саһан хүүхэндэ гэгээн найрай бэлэг.

Барһамни, сошордонхой мадонна,
замһаа зайлан, саһан соогуур ошоо:
Нэмһэгээр, бахарданги, дурлангяар,
тиимэһээ шэнэ хүсөөр бадаран.

... Гурбадугаар гэмтэн харгын дэргэ зогсооб,
үхэн алдан, хүлисүүлһэндээ эшээд.
Тэрэл агшан зуур этигээб бурхадай
газарта хаа-яа буудаг байһанда.

* * *

В халатике застыла на пороге,
еще не зная: верить или нет,
метнулась птицей раненой к дороге,
где я тянул с разъезда пеший след.

Бежала декабристскою женою,
зачерпывая валенками снег,
кричала мне с щемящею мольбою:
— Да где же ты был, упрямый человек!

А я стоял — немой от удивленья,
замерзший и жестокий Дед Мороз,
который в рюкзаке одни сомненья
на рождество Снегурочке принес.

Она ко мне испуганной мадонной
по снегу убегала с полотна:
раздетой, растерявшейся, влюбленной,
и оттого по-новому сильна.

... И трижды виноватый у дороги
я умирал, прощенный, от стыда.
Тогда-то и поверил я, что боги
спускаются на землю иногда.

РОЯЛЬ ДЭЭРЭ НААДААН ЭХЭНЭР

Далайн эрьеын эзэгүй
 гэрхэн соо
 рояль дээрэ наадана эхэнэр.
 Сонхоор ба хүндырхэн веранда руунь
 зэрлиг үзэм шурган нэтэрнэ.
 Хари зоной алхамууд дулдаагүй,
 зүргөөр гүйхэн гүрбэлнүүды сошоон.
 Богоходонь үглөөгүүр хэбтээгүй
 шүүдэртэ нороһон сэсэгүүд.
 Эбхэрнэ гансал далай,
 үнөөхил
 эхэнэр наадана рояль дээрэ.
 Сэмсэгэр бүхы бэе соонь—хүгжэм,
 энгэй шунал өөртөө тэрэ дараал.
 Хүнгэн нэбшээнэй үлээхэн замагтал
 хэбрэг аялга миралзан найраад,
 хии мүлшэ зурагууд үзэгдэшоо,
 дүлии балай веранда руу мүлхин,
 усан үзэмэй нэбтэрхэншүү.
 Хара-сагаан клавишанууд дээгүүр
 нойрмог хургад аргаахан дэбинэд,
 намарай зүргэ дээгүүр эрьелдэн,
 сагаан сэсэгүүдэй бууһандал...
 Гансал сонхо бүтүүлээ набшаһад,
 далайнаа нэрьеэ нэбшээн.
 Үнөөхил
 эхэнэр наадана рояль дээрэ.
 Үе-үень, хүлээгдэнгүй гэнтэ
 зогсоожо хуйлаата аккорднуудаа,
 гарана аалин веранда руугаа
 ямар зуун жэл бэ гэжэ
 харахаяа.

ЖЕНЩИНА ИГРАЕТ НА РОЯЛЕ

В домике заброшенном
 у моря
 женщина играет на рояле.
 В окна и на гулкую веранду
 заползает дикий виноград.
 Здесь шаги чужие не тревожат
 ящериц, снующих по тропинкам,
 и не лягут утром на пороге
 от росы тяжелые цветы.
 Только море катится,
 и только
 женщина играет на рояле.
 Музыка в ее прекрасном теле
 все мирские чувства умертвила.
 Как под бризом водорослей ветви,
 возникают зыбкие созвучья
 и сплетают беглые картины,
 словно на оглошную веранду
 заползает дикий виноград.
 Чуть касаясь черно-белых клавиш,
 пальцы перепархивают сонно,
 словно на осенние аллеи
 опадают белые цветы...
 Только окна заслоняет зелень,
 тянет с моря свежестью,
 и только
 женщина играет на рояле.
 Лишь по временам она внезапно
 прерывает буйные аккорды
 и выходит молча на веранду,
 чтобы посмотреть:
 который век.

ХҮГЖЭМШЭН

Л. А.

Уян мэдэрэлтэ хургадшни эгээл
зураг дээрэ урда зүгэй хүүхэдэй
усан үзэм һарбайн байһаншуул.
Оо, хүгжэмшын үзэсхэлэн хургад,
аршаан хүртэһэн мэтээр тааланам!

Хүбшын булагай арбан урасхал,
арбан амтан усан үзэм одоо:
наранай туяа үнжэгэн хальһынь
гэрэлтүүлээд сооро, замаг мэтээр
яһан эшэнүүдын харлаал дооһонь...

Бээлүүлхэ гээд һанаандаа дүрым,
нюуртам хүрэхэш халта хургаараа.
Үзэгдөө гэнтэ: талада нойгооб,
зубхиим ходоро наран шарана.
Эрбэлзээ махаон хасар дээрэм,
эрезхэн далаяараа зуран сараа...
Тайлбарилашагүй жэгтэй байгаа һэн
ойром хүрэхэнь шэшэрһэн хургадай—
Багынгаа хүсэл, түрүүшын дураа
агсахал һэм аниргүйгөөр хүүхэнэй
жэгүүртэ гарай аялгын түлөө!

МУЗЫКАНТКА

Л. А.

Ты трепетные пальцы протянула,
как знойные южанки на гравюрах
протягивают гроздь винограда.
О, сладостные пальцы музыкантки,
которые целую, словно пью!
Вы десять струн лесного родника,
вы десять тонкокожих виноградин,
чья нежная просвечивает мякоть
на солнечном свету, а в ней темнеют,
как водоросли, стебли костяные...
Чтобы создать мой мысленный портрет,
ты чуть коснулась пальцами лица.
И чудится: блаженствую в степи,
сквозь сомкнутые веки светит солнце,
а по лицу порхают махаоны,
от пестрых крыльев оставляя след...
Так было странно и необъяснимо
прикосновение дрожащих пальцев—
все грезы детства, первую любовь
отдал бы за безмолвное порханье,
за эту музыку девичьих рук!

ШҮДЭРЛЭГДЭХЭН САХИЛГААНУУД

Эбсэхэгүйл суг шүдэр ба сахилгаан.
 Үгэнүүдэй удха —
 гал мүйлхэн хоёр.
 Түрбэлхөөн эдэ
 бэе бээдээ дайсад лэ.
 Эдэнэр
 хүршэ байбал,
 хюдалсахал сохом.

Сахилгаан юум?
 Хии дүрсэн, гэрэлэй агшам,
 ялас гэхэн хайран богони наһан,
 Газар дээрэ инаг хоёрой дуран.

Шүдэр — шүдэр,
 хүсэлэй хүгжэлтэдэ зүршөөл,
 гэдэргэнэ татахал гэгдээ үүргэнэ —
 номин тала нугануудай хэсээр
 табаран, эрхэ сүлөө олохоёо
 тэгүүлхэн омог азаргын уяа...

Яагаад далита сахилгаа тушалтайб?
 Яажа барихаб гэнтын гэгээн хараа,
 досоом гэнтэ туяа татан байтарнь,
 яажа бэшэн, зуран, үгүүлэн үрдилтэйб
 найраглалай тодо бэшэ шарай?

Шүлэг бэшэлгэн адлихан даа
 эдир зоологой оролдолготой:
 гэнэдхээн гүрбэлые баряад,
 Һоб! —
 Ногоон ошоор шулуун доогуур шургашоод,
 гартань үлэхэл шортоо һүүлынь.

Аадар хүсэлэн сэдхэлни зүгнэнэ,
 яагаад далита сахилгаа тушалтайб?

СТРЕНОЖЕННЫЕ МОЛНИИ

Несовместимы молнии и путы.
 Значенья слов —
 как от звезды к звезде.
 Природа их
 так глубоко враждебна,
 что они,
 соседствуя,
 друг друга истребят.

Что молния?
 Мгновенье света, призрак,
 немыслимо короткой жизни сполох,
 любовь двоих в истории Земли.
 А путы?
 Путы — путы,
 антоним диалектики желанья,
 консервативно их предназначенье —
 препятствие порыву жеребца
 копытами ударить гимн свободе
 в зеленый барабан степных долин...

Как молнию летучую стреножить?
 Как удержать внезапное прозреньё,
 залившее сияньем душу вдруг,
 как записать, нарисовать, озвучить
 поэзии туманное лицо?

Занятие поэзией похоже
 на юного зоолога старанья:
 подкараулит ящерицу,
 хлоп! —
 скользнет зеленой искоркой под камень,
 а в руке трепещет только хвост.

Душа живет предчувствием грозы...
 Как молнию небесную стреножить?

ТҮРЭЛ НЮТАГТАМ

Хүрилгы шарайтай
 эхэнэрнүүд наранда хээгүүр таалуулаад,
 хүөөр дэбэрэн хүсэлөө,
 нялхые тэжээхээ.
 Гайхал дүүрэн нюдэнүүд дээрэнх зурын,
 хараасгайн дали — нидхэнүүдэйнх нийдээн.
 Харин хүбүүд комбайнуудтаа дурлаа,
 адуугаа үбгэдэй энхэрхэндэл...
 Наранда таашаан үбгэд зэргэлэнхэй,
 үнгэрхэн үдэрнүүдээ дурсанад,
 хабар, намараа яаралгүй тоолон.
 Тэдэнэй яряан —
 арбан жэлдэ нэгэ сэсэглэдэг
 занданай хангалшуу.
 Ажаһуугаад,
 шубуудтал гү, али мододтол
 аялхадань, үлэ мэдэг миһэрхээр:

хүлөөрнь наадахал даа ерээдүйн сагта
 гэрынх залган бодхоохо хүүгэд.

В РОДНОМ УЛУСЕ

Здесь женщины смуглы —
 они в долинах миловались с солнцем.
 В них молоко томится,
 мечтая жизнь вскормить.
 А брови гнутые над изумленьем глаз —
 как ласточек стремительные крылья.
 В свои комбайны парни влюблены,
 так старики коней боготворили...
 А старики сидят на солнцепеке,
 прошедшие перебирают дни,
 считают весны, осени свои.
 Их речь скупая —
 аромат сандала,
 цветущего раз в десять лет.
 Они живут,
 как птицы иль деревья,
 и умирают, мудро улыбаясь:

в песке у ног играют дети,
 которые достроят дом.

* * *

Би мэдэрнэб,
нам сооноо аалжар ошон ошоно
саг.

Элхэн часьһаа
һэмээхэн хороно сагай үйрэг.

Нааданхай Буратинын бүд зүрхэн
хүйтэрхэнь лэ.
Сооронхой улаһаань
хибэдэһэн гоожоо.
Турана хүүхэлдэй.

Мүшэд айшанхай бодолһоо,
сая жэлнүүд соо унтархабди гэжэ.
Тээд яаха юм хүнүүд,
буу табигандал охор наһатан?

Харанхыда һаалишад энеэлдэн,
хүнэгүүдээ хонгируулна,
бэлшээриһээ бусана малнууд...

Абяан соо, үгэ соошье,
удага эрбээхэйн һүниин ниидээн соош
эрэмдэг шэхээрээ соносооб
сагай ябасые.

Элхэн часьһаа
һэмээхэн хороно сагай үйрэг.

Хүнэгтэй наһажал эхэнэр
булагай дэргэ уйлаа —
өөрыгөө уһан соо хараа.
Гэрэлэй урда хүбүүхэн
шэмхэнэ ургаһан наһал.

* * *

Я чувствую,
как медленно уходит из меня
время.

В песочных часах
тает легкая горстка

Холодеет тряпичное сердце
забытой куклы,
струятся опилки
из дырявой подошвы Буратино.

Звезды со страхом думают,
что погаснут через миллионы лет.
А каково людям
с их краткой, как выстрел, жизнью?

В темноте доярки смеются
и подойниками гремят,
возвращаются с пастбищ стада...

В каждом слове и звуке,
даже в шорохе ночных мотыльков
я слышу израненным слухом
движение времени.

В песочных часах
тает легкая горстка

Старая женщина с ведрами
плачет у родника —
себя в воде увидала.
У зеркала мальчик со смехом
щиплет пробившийся ус.

ЛЕВИТАНАЙ ЗУРАГАЙ ДЭРГЭДЭ

Сэдьхэл хайлуулма шаргал набша
 мүнгэн танхатай уһанай амтаншуу.
 Бал суглуулма набша сэсэг эдьхээн,
 нэрэһэн арза сөөрэм соо мэлмэлзээ.
 Намнагдаагүй шаргал сомоонууд
 анхилма зунай һаруул дүрсэ сахяа.
 Юуншьеб тухай бүдэг-бадаг дурсан,
 гуниг дүүрэн ойнууд шэрүүн зогсоо.
 Шэмшэрмэ гүнзэгы намарай оршон
 биирэдэ зураашын тудажа гэнтэ
 гайхамшаг юушьеб хүлээн этигэнэ:
 эди шэдитэ үгэ хэлэгдээд—
 хоолсто өөрын саг, зайтай болохол.
 Ньюр руу намарай һэрюу даагаад,
 мододой һиирэг оройнууд һэргэхэ,
 иммортель һэрээд, хангал татахал.
 Тэнгэри газар хоёрой забһар соохи
 шара-улаан шэрэ гамнуулһан набша
 гэнтэ һанахал, уляаһанай набшаб гэжэ,
 тиин һүүлшынхиеэ даллан ниидэхэл.

У КАРТИНЫ ЛЕВИТАНА

Пронзительное золото листвы,
 как вкус воды в серебряном кувшине.
 В пруду мерцает терпкое вино,
 настоящее на медовых травах.
 Неубранные рыжие стога
 хранят в себе пахучий образ лета.
 Леса стоят печальны и строги,
 полны воспоминанием неясным
 о клейкости зеленой первых почек...
 Осенняя щемящая душа,
 на кисть творца попавшаяся вдруг,
 томится в светлом ожиданье чуда:
 магическое слово прозвучит—
 холст обретет и время, и пространство
 в лицо повеет свежестью осенней,
 редящие кроны всколыхнутся,
 проснутся и запахнут иммортели.
 Продрогший лист меж небом и землей—
 скупой мазок багряно-желтой краски—
 припомнит вдруг, что он листок осины,
 и свой полет прощальный совершит.

«МОЙҮОН ҮАЛБАРНА»*Гэһэн зүжэгһөө шүлэгүүд*

Мэдэнэгши,
 Мойһон шүлэг бэшэдэг лэ
 Һүнии дүүрэн хабарай сагаар.
 Шагнаархалши,
 Дуула,
 ногоон аажамда
 сагаан мүнүүдэй мүндэлхые.
 Хүбүүд тэдэнии шэнхинэтэр бажуун,
 аалихан таһалан абагшал.
 Тиигээд зохидшоон һайшааһан үхидтэ
 хабарай сагта барюулагшал.
 Үглөөнэй шүүдэр набшаһаа халтирна,
 Бусалма хөөһэн соонь уйтадаад.
 Ай, эдэ, ай, эдэ, эдэ шүлэгүүд
 ногоон үшөөл үхинэй найраг!
 Эдэ мүнүүд амиды толо угтаад,
 шүүдэртэй, урматай, сэдхэлтэй.
 Бишье таһалаад, шамдаа бариһуулби
 дууша эдэ хабарнуудые!

«ЦВЕТЕТ ЧЕРЕМУХА»*Стихи из пьесы*

Ты знаешь,
 черемуха пишет стихи
 все ночи в весенние сроки.
 Прислушайся,
 слышишь,
 в зеленой тиши
 рождаются белые строки.
 Мальчишки их трогают звонкой рукой,
 и даже срывают тихонько,
 срывают и дарят весенней порой
 на память хорошим девчонкам,
 Им в белом кипении тесно.
 Ах, эти, ах, эти, ах, эти стихи
 зеленой еще поэтессы!
 Стихи, что встречали живую зарю,
 приветливы, трепетны, росны,
 я тоже сорву и тебе подарю
 все эти поющие весны!

НЕЙЛ АРМСТРОНГДА ХАНДАҮАН ХОЁР ГАШАЙ*Нэгэдэхи гашай*

Юу хэбэш, ахатан!
 Нүрөөд — нарада,
 Шэшэрээ зүгөөр Газар.

Хоёрдохи гашай

Нейл, шинии нүүлшыншни сэнгэлгэ
 Гэгээшүүлые яһалахан хонжоо:
 Сожоо татахагүй статистикийн тоогоор
 Христосой жиндагһаа
 Гурбан мянган аали хүнэнхэд буугаа.
 Яатараа үймөөн болоо нэм
 Наймаанай ба сэрэгэй зоной дунда?

Тээд зоболонто яруу найруулга
 Юунһээш ехээр хохидобол.
 Тэрэ сошожо гайхашоод,
 Һанаата болоо түрүүшынхиеэ
 Өөрынгөө удха шанар тухай.
 Эрезэн соохор бүмбэгэ түбээр
 Һаглагар поэдууд харайлдан,
 Гомдол дүүрэн хашхарнад:
 «Нүгэлтэ үйлэ!
 Мүнхэ найрагай хүлдэ бузараал!
 Мүнөө одоо яагаад һарые магталтайб?
 Сая сагта һаруул шарайдань
 Сабхиин мүнүүд таблагдаал!
 Һара таанарай хүлөөрөө дэбһэдэг
 Хууха бүмбэгэ бэшэ!»

Галта шуналаа дарыт, найрагшад.
 Гашуудалтнай намда дүтэ байнал.
 Уйтай Газараа дахин шэнжэлэн,
 Уутыень уудалаад үзэхэмнай гү?
 Магад, хуураймнай утаһа дайраадүй
 Үшөө юуншьёб олдогшо аа гү?..

ДВА УПРЕКА В АДРЕС НЕЙЛА АРМСТРОНГА*Упрек первый*

Наделал, брат, делов!
 Скок — на Луну,
 а затряслась Земля.

Упрек второй

Твоя последняя, Нейл, прогулка
 стоила кое-чего святым братьям:
 по данным флегматичной статистики
 из Христова стада
 сбежало три тысячи смирных душ.
 А сколько переполоху
 в коммерческих и военных кругах?
 Но многострадальной поэзии
 досталось больше всего.
 Она в полнейшем смятении
 и задумывается впервые
 над собственным своим смыслом.
 По разноцветному глобусу
 бегают нечесанные поэты
 и с обидой кричат:
 «Кошунство!
 Вечный символ поэзии осквернить!
 Послушайте, как же дальше
 мы можем Луну воспевать?
 Поглядите: на ней красуются
 неистребимые следы сапожищ!
 Луна вам не резиновый мяч,
 который похабить можно ногами!»

Умерьте жаркие страсти, поэты.
 Мне тоже крайне близко ваше горе.
 Но не лучше ли нам попробовать
 на своей скучной Земле пошариться?
 Может, что-нибудь там осталось
 не задевшее лир наших струн?..

ХОТЫН ХАРААСГАЙНУУД

Хараасгайнууд хото дээгүүр
 Агаар зуран нийдэнэл.
 Дуһалаар найлаа хабарые
 Далинуудтаа тээжэ асарбал.
 Бү үнгэрөөрэйт, шубууд, ойгуур!
 Сэнхир аласаа бугаарайт —
 Умдалуулхаб битнай таанараа
 Тунгалаг булагай уһаар.
 Харыт доошоо: түрэл хотом
 Хабтайнал наранай хайрсагтал —
 Нюдэдэй сэлмэгээр дүүрэнхэй,
 Зүрхэдэй элшээр толоронхой!
 Гуниглан зүрхэд дурсанхай:
 «Хэзээ шууян урдахаб мүльһэн,
 Хэзээ Сибириин хабар бусан,
 Набша сэсэгээр һалбархаб?»
 Хараасгайнууд, нийдэнгээ шэдээрэйт
 Хабарые минии нютагта.
 Дали бүхэндөө хабартай
 Дууша хүрэгөөр нийдэнхэйт.
 Олон хабарые эринэгүйб,
 Гансыел наашань буулгаарайт.
 Хараасгайнууд! Хотым зүрхэндэ
 Гурбан зуутань хэрэгтэйл!

СТРИЖИ НАД ГОРОДОМ

Стрижи над городом высоко
 Таранят неба крутизну.
 Они на крыльях издалека
 Несут капельную весну,
 Не пролетайте, птицы, мимо!
 Спуститесь с выси голубой —
 Я напою всех вас, родимых,
 Водой прозрачной, ключевой.
 Взгляните вниз: лежит под вами
 Мой город — солнечный ларец —
 Наполнен светлыми глазами
 Огнями радужных сердец!
 Сердец, тоскующих в забвеньи:
 «Когда ж взревет, ломаясь лед?
 Когда же в радостном цветеньи
 Весна сибирская придет?»
 Стрижи, вы киньте, пролетая,
 Весну моей родной земле,
 Ведь вы несетесь шумной стайей
 С весною каждый на крыле,
 И весен не прошу я много...
 Стрижи! Ну, сбросьте лишь одну —
 На сердце города родного —
 Его трехсотую весну!

НЭГЭ ТҮХЭРЭЭН ТАМГЫН ТҮҮХЭНЭЭ

Наядаа хосорхо үйлэтэй,
 Нунама эсэшэнэн хүн мэтэ
 Хүгшэржэ ехээр алдараад,
 Хэрэггүй болоһон ушараарнь
 Гансаардан үлэнхэн адууһа,
 Гансашье шүдэгүй циркын гүү
 Алуурай газар руу абаашаа.
 Энэ хэзээдэш шууяатай
 Эзэрхэг бүдүүлэг оршондо
 Яһархаг убайгүй үргүүр
 Евнухай хайрагүй хургаар
 Хүлһэтэй нугаһаань үргэжэ,
 Хара дабирхай руу гударбал.
 Байгаа дэлхэйн нүүлшын адууһан—
 Барһан, шүдэгүй циркын гүүн
 Наядаа хосорхо үйлэтэй,
 Нунама эсэшэнэн хүн мэтэ—
 Нанаа алдаад һамгандал,
 Налд гэжэ хүндөөр хүнтэрэн,
 Урдахи хүлэйнгээ шагай даран
 Унабал даа олон дабхартай,
 Матаргай нарин гэрнүүдэй дундуур
 Машинануудай гал сасараан соо.
 Тээд хэзээдэ шуяатай
 Эзэрхэг бүдүүлэг оршон
 Гашуудалай нулимса хараагүй.
 Нүүлшынь тэрэ агшамда
 Уйдхартай томонууд хоёр заан
 Хуурай нюдэдэйн оёрто
 Хоншоороо һэжэрэн зогсоо һэн.
 Тиин дайдын нүүлшын адууһан—
 Циркын шүдэгүй хүгшэн гүүн
 Наядаа хосорхо үйлэтэй,

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КРУГЛОЙ ПЕЧАТИ

Последнюю на свете лошадь—
 Беззубую цирковую кобылу
 С глазами давно обреченного
 И очень усталого человека—
 Однажды повезли на бойню
 По причине глубокой старости
 И полной непригодности.
 В этом вечно грохочущем,
 Страшно самоуверенном мире—
 Костлявый бесцеремонный кранишко
 Бесчувственными пальцами евнуха
 Взял ее за потные подмышки
 И опустил брезгливо на гудрон.
 И последняя лошадь на свете—
 Беззубая цирковая кобыла
 С глазами давно обреченного
 И очень усталого человека—
 Шумно, по-бабьи, вздохнула,
 Обмякла и грузно свалилась
 На передние дряблые бабки
 Посреди многоэтажных
 Тонкоталых бесчисленных зданий,
 В фейерверке снующих машин.
 Но не жалкие скорбные слезы
 Увидел вечно грохочущий,
 Страшно самоуверенный мир.
 В последние минуты ее жизни
 Два большущих печальных слона
 Стояли в огромных сухих глазах
 И с укоризной покачивали хоботами.
 Затем последняя лошадь на свете—
 Беззубая цирковая кобыла
 С глазами давно обреченного

Һунама эсэшэһэн хүн мэтэ—
 Хэнһээшье, юрэдөө, гайхангүй,
 Хэзээ сагай заншалаар
 Адуунайнь хорёогой үнэртэй
 Аалихан хайлаа дабирхай руу
 Унагааба одоо пяд гэтэр
 Утаархаг шаргал тонтоогоол:
 Үгы хэгдэһэн адуунай зүгһөө
 Үнинһөө ханилһан дэлһэтэ нүхэдтөө
 Урбаха һэшхэлтэй хүн гээшые
 Унгяарнь элирүүлһэн
 Баримта бэшэг дээрэ
 Түхэрээн тамга
 Табижа гэршэлээл.

И очень усталого человека—
 Нисколько не стыдясь своего поступка,
 С материнской строгостью
 Шлепнула на разнежившийся гудрон
 Трогательно пахнущую конюшней,
 Дымящуюся желто-бурую лепешку:
 Словно поставила круглую
 Обличительную печать
 От имени гордого
 Исчезнувшего лошадиного племени
 На документе грозного обвинения
 В предательстве гривастых братьев
 Подлым человеческим обществом.

ҮГЛӨӨНЭЙ ХОТО

Үүрэй хираан ягаараад зүүн тээгүүр,
 Үлхөөд үгөө шабга улаан туяа.
 Бэдэрэн байнаб нээлгээтэй сонхоор
 Бүхэн унтарһан ододой сараа.
 Халта соностоод аалин намдуу соо,
 Хэнэйшьеб яаруу алхам залиршоо.
 Зуугаад хоолойн абья ниилүүлэн,
 Зэдэлгээ эртын трамвайнууд...
 Үндэрлөө һэн наран тиин аргаахан
 Үнжэгэн толоо Сэлэнгэ руу адхан.
 Үү, сонходомни гэнтэ мийһэрбэл
 Үрөөһэн нүдэнэйн хурса туяа!
 Шубууд жэрьеэд сэнхир аласаар,
 Шэнэ үдэр эхилээ.
 Үйлсөөр хүнүүдэй уры адхараад,
 Үнгын долгидоор эбхэрээ.
 Улаан-Үдэ!.. Хүнхинөөл оройгоорш
 Үсэрхүүтэй, хахиршаг абяанууд.
 Үргүүрнүүд тэнгэри тулган хадхаа,
 Грузовигууд харгыгаар урилдаа...
 Онтохон мэтэ хото, жаргалай хото
 Одоо һайхан, эндэ би тэнжээб,
 Үглөөнэй мэндэ, хото. Мэндээ, мэндээ,
 Үүхэйлһэн найдалайм гэгээн оршон!
 Эртын түүхэтэ, эльгэ нимгэн хото,
 Энхэ байдалайш ульһаар дулаасааб.
 Үүрэй торгон толон соогуур һэтэ
 Үүхэйлэн нүдөөрөө шамай эльбэнэб.

УТРЕННИЙ ГОРОД

Сиреневый рассвет уж на востоке
 Соткал мне алую зарю.
 На тени звезд, погаснувших далеко,
 В окно раскрытое смотрю,
 Раздался в тишине, затем растаял
 Спешащий, гулкий звук шагов,
 Потом запели первые трамваи,
 Трезвоня на сто голосов...
 А вот и солнце медленно поднялось,
 Разлив свой свет над Селенгой,
 И... вдруг в моем окне заулыбалось,
 Прищуря глаз свой золотой!
 И новый день открыли песней птицы
 Ликуя в выси голубой,
 Людской поток по улицам стремится
 Веселой, пестрою волной.
 Улан-Удэ!.. Трубят уж над тобою
 Мятажные, чуть хриплые гудки
 Пронзают краны небо головою
 И по шоссе пыхтят грузовики...
 Мой милый город Сказки, город счастья!
 Как хорошо, что здесь я рос.
 Так с добрым утром, город
 Здравствуй, здравствуй,
 Мой светлый мир надежд и грез!
 О, древний, добрый, утренний мой город,
 Твоим виденьем я согрет.
 И обнимаю нежным, теплым взором
 Родной мой город сквозь рассвет...

БОРБИЛООГОЙ ДУУН

Хуйлаа халхин сэбдэг зайраар
 Хооһоршоһон үйлсэнүүдээр...
 Гансал борбилоонууд үйрэлдэн,
 Саһан дээр бэхын дуһалдал харлаа.
 Үгы, урда зүг руу ниидээгүйл тэдэ,
 Өөрынгөөл дуу эндээ татанал
 Ямаршые шуурга, жабар соо...
 Хүдэр лэ хүбүүдта, борбилоонууд!
 Уларилай шэрүүндэ хатуужаад,
 Урилхагүйл уургайгаа хари холуур.
 Габшагай барилгын шатануудтал
 Гэшүүһэд дээгүүр үймэлдөө тэдэ.
 Үбэлэй ягаан үүрэй толон
 Гал шэрээһээр хаха сасаран,
 Хуса һарын бордоһон соо
 Хушуудайнь үзүүртэ соробхилоо.
 Мүшэрнүүдэй мүрэй гоёолто
 Мүнгэн хюруугаар хязалан,
 Борбилоонуудай буумал сэрэг
 Бусаха хабараа сахинхайл.

ВОРОБЬИНАЯ ПЕСНЯ

Гонит ветер в стужу мимо окон
 По пустынным улицам шугу...
 Воробьи одни лишь одиноко
 Кляксами чернеют на снегу.
 Нет, они на юг не улетели —
 Распевают песенки свои
 В лютые морозы и метели...
 Крепкие вы парни, воробьи!
 Дух сибирский в них упрям и стоек,
 Не судьба им жить в чужих краях.
 Словно на лесах ударных строек,
 Суется птицы на ветвях.
 И на клювах радужно и ярко
 В снеговом безумье января
 Золотым огнем электросварки
 Раскололась зимняя заря.
 На ветвях — мохнатых аксельбантах,
 Отслужили вахту не одну,
 В стужу воробьиные десанты
 Стерегут идущую весну.

* * *

Хүдэр эрэшүүл сугларан сэнгэнхэйбди,
хүн бүхэндэмнай Чак Норрис нэринхэй.
Хажуудамнай эхэнэрэй үгы хада,
хүбүүд сүлөөтэйгөөр бэлиндэнхэй.

Азербайджан яһанай Аза
хара талханай зүһэмшүү хүрин
хамараа пивын аяга соо хэнхэй.
Тэрэ ородоор тал-мүл,
хэлэнхэн үгэнүүдынъ

хорогүй, гэнэн,
хонгор, зэмэгүй хүүхэдтэл нэн.
Тиин Аза оройдоош бэлиндэжэ
шадахагүй байгаа.

Тээд тэрэниие
хэзээшьеб хаяһан
арюухан Шеит тухай

домоглон байтараа,
харалгы үһөө нэжэрэн,
жэмэс, архи холиһон умданай
шалбааг руу
хэнһээшьеб дуулаһан нюруухан бэлин
шэдэжэрхибэ.

Зог татаабди бидэнь халамгайшаг сфинкснүүдтэл.
Эгээл шууяатай

Ваня Мокроусовнай
нейлон самсынгаа захын ара руу
хүйтэн уһа хүнэгөөр дүүрэн адхаба.

* * *

Мы пили грубой мужской компанией,
в каждом из нас просыпался Чак.
Парни освобожденно матерились,
потому что рядом не было женщин.
Топил свой нос в стакане пива
коричневый, как ржаной ломоть,
азербайджанец Аза.
Он едва говорил по-русски,
и слова его были

чисты и безобидны,
как угловатые и целомудренные
девочки.

И Аза совершенно не умел
материться.

Но,
рассказывая о бросившей его
прекрасной Шеит,

Аза встряхнул вдруг
пасмурной шевелюрой
и бросил в лужу крющона
на столе

услышанную где-то
совсем пустячную

матерную фразу.
Мы застыли подвыпившими сфинксами.
И самый горластый,

Ваня Мокроусов,
вылил за шиворот нейлоновой рубахи
целый ушат холодной воды.

АГША МОДОН

Голой эрьедэ намдуухан
Хүгшэн агша тонгойно.
Дороһоонь уһан аляархан,
Дуурама дуугаар жэнгирнэ.

Ори гансахан, золгүйхэн
Агша шагнана хужарлан,
Сэнхир нюдэтэ голой дуу
Сэгээн набшаар сэrbэлзэн.

Эсэсэй ерэхэдэ, ёолоһоор,
Эрьегээ унан хосорхол.
Уйдхарта абтаһан мүрэн
Урдуулхал агшын хүүрынь.

КЛЁН

Над рекою молчаливо
Наклонился старый клен.
А вода под ним игриво
Рассыпает тихий звон.

Горемычный, одинокий,
Шелестит листвою клен
Песен речки синеокой,
Не наслушается он.

Умирая, с горьким стоном
С бережка он упадет.
И река с печальным звоном
Тело клена унесет.

ОЛОН УДХАТА ҮГЭ ТУХАЙ

Хүн гүнзэгийгөө сошоод абаа,
 Һолоомондо тэрэ аһалдаа.
 Тээд амидарха хүсэлынь сараад,
 Уһан дээрэ гансал уйлхайнууд.

Энеэнэ шэл үлээгшэ хүүгэн,
 Энэ Һолоомоо тааз руу шэхээд,
 Эгээл ододтол, досооһоо гэрэлтэн,
 Сэнхир уйлхайнууд тойрон ниидээл.

Ямар хошон, мэхэтэйб үгэнүүд,
 Яаһан удхань согтой, залитайб,
 Яаһан удхань хүйтэн, аймшагтайб!
 Ямар хошон, мэхэтэйб үгэнүүд.

О ПОЛИСЕМИИ

Человек глубиною сражен,
 За *соломинкой* тянется он.
 Но, желанию жить вопреки,—
 Над водою одни *пузырьки*.

И смеется малыш-стеклодув,
 Ту *соломинку* в таз окунув:
 Словно звезды, светясь изнутри,
 Голубые летят *пузыри*...

Как лукавы, коварны слова,
 Как их суть то смешна и жива,
 Как их суть то страшна и мертва!
 Как лукавы, коварны слова.

ХАБАР

Хангал хабарай ерэлгэ яаралгүйхэн.
Холохоо ябаһан харгынъ зурына
Хонин һөөгэй шаархайн гэрэй ойгуур,
Хүлэрэ намагыш тойроод гарангүй.

Түрүүн хүдэһэн-саһан дэгэлээ
Тайлаха газар—түрмын шэрүүн һамган,
Эшэгүүригүй хүхээ харуулхал,
Эхэдэл мэтэ нялхаяа хүхүүлһэн.

Талаян руу харьялжа найрамай уһан,
Түргэн хэлээр шолшогонон найлахал.
Үбгэжөөлэй һахал һалбарха һаяар
Үхибүүдэй үнгын будагаар сэсэглэн.

Хүүр тээһээ сахаригта нара һуулгаад,
Хада руу гүйлдэхэ бүдэнтэй хүбүүд.
Үбэртэмни дуутай шуутай шаархайнууд
Үнэншөөд намда уурхайгаа заһахал.

ВЕСНА

Приход весны духмяной не поспешен,
Он долог по торопкому пути.
На сучья верб напаянных скворешен
И гатей—не проехать, не пройти.

Вначале жаркий, снежный свой накид
Сорвет земля, суровая чалдонка,
И груди нестыдливо обнажит,
Как женщина, кормящая ребенка.

К полям прорвется полая вода,
Журча в устах счастливым междометьем,
И расцветет у деда борода
По-детски буйным, пестрым многоцветьем.

Покатят солнце в обруче с погоста
Под горку конопатые мальцы,
За пазухой доверчиво и просто
Совьют гнездо горластые скворцы.

* * *

Уйтай мэдэрэлдээ хамаг зүрхөөрөө нэнгэн,
Унаагүй нулимсын сагаан дабһа гэшхэнэб.
Хабарай жэгүүрээр хүгжэмтэ алас руу зорин,
Хайратай гэнэн балшар хаһаяа орхиноб.

* * *

Я, сердцем прижимаясь к комку моей печали,
Иду по белой соли невыплаканных слез.
Иду с мечтой весенней я в песенные дали,
Покинув мир мой детский смешных, наивных грез.

МИНИИ ТЕЛОГРЕЙКЭ ТУХАЙ ШҮЛЭГ

Сээниг соо хэбтэнэ тэрэм мүнөө.
 Богоһо алхан орохо бүридөө
 Үүдээ саб гэтэр хойноо тээглээд,
 Эсэнхэй хүлөө үрэнэб тэрээндээ.

... Шэнэ газар хахалалгаарш ябааб,
 Хуби заяан найса намай угзараа,
 Алтайдаш олон хабар угтаа бэлэйб,
 Хаанаш муртэм—телогрейкэмнил сугтаа.

Орхёод трактораа бураздаа дээрэ
 Амархаш хаа-яа газарта хэбтээд,
 Гэрэй ами намда үгэн байһандань,
 Дулаан телогрейкээл магтахаб.

Гэр бүлэгүй хүндэ үнэн хани
 Галзуу шуурган соош дулаасуулаа,
 Талын дундахи шэрүүн байдалда
 Эхэ гү, али наһанай нүхэртэл бэлэй.

Анха түрүүн шүлэгөө уншаадам,
 Одото түбидэ бидэл хоёр нэмди,
 Гамгүй даргатайгааш тоосолдоод,
 Гунигаа тэрээндээл ганса найдаалби.

Шэниисэ үһэтэй хүүхэнэй мұрынь
 Шамайгаар нэмэрээб дуулим хүнээр.
 Яаһан халуунаар тэрэм шэбэнээ нэм,
 Яаража, ондоо хүндэ гарахал аад...

Ай, телогрейкэм—харгымни хани,
 Хүнэй шахуу намтартай эд зөөри.
 Зогсооб сээниг соо бодолдо абтан,
 Сээжынь гэшхээд үрөөһэн хүлөөрөө.

СТИХИ О МОЕЙ ТЕЛОГРЕЙКЕ

Она в сенях валяется теперь.
 И каждый раз, возникнув на пороге,
 Я, за собой захлопывая дверь,
 Тру об нее исхоженные ноги.

... Мы с нею обживали целину,
 Трясла судьба обоих нас немало,
 Она не раз алтайскую весну
 На жилистых плечах моих встречала.

Свой трактор заглушив над бороздой,
 Устало отдыхая в теплой пашне,
 Я был ей благодарен за простой
 И очень нужный мне уют домашний.

Она, вторгаясь в жизнь холостяка,
 Меня обогревала в злую вьюгу,
 В суровости степного городка
 Была за мать и верную супругу.

Когда стихи я первые читал,
 Мы были с ней одни под звездным миром,
 Свою тоску я ей лишь доверял,
 Солидно поругавшись с бригадиром.

Я ею грел в ночи у тракторов
 Ту девушку с пшеничною косою,
 Сказавшую мне столько жарких слов,
 А ставшую потом чужой женою...

Ах, телогрейка—спутница моя,
 Товарищ с человеческой судьбою.
 Стою в сенях, раздумья затая,
 На грудь ее шагнув одной ногою.

Һангирхай хамсы дороһоо шагаан,
 Уйдхартай нюдөөр тэрэм шэртээл,
 Досоонь мартаһан түүдэбшым ошон
 Бээрэһэн талада хэзээш носоһон!

... Оруулхам гэртээ олон үгэгүй! —
 Телогрейкэдээ үнэн байхаб үхэтэрөө,
 Һамгандаа зүрин, үгынь дуулангүй,
 Гардероб соогоо үлгэхэб, юрэдөө..

Глядит из-под облезлых рукавов
 Прожженных дыр печальными глазами,
 А в них огонь забытых мной костров,
 Горевших над озябшими степями!

... Возьму в избу и кончен разговор! —
 Я телогрейку, предан ей до гроба,
 Повешу там, жене наперекор,
 В горячие объятья гардероба.

ХҮҮР ДЭЭРЭ СЭХЭ БҮХЭЭ ХЭЛЭЛГЭ

—Зүб, ябуулааб дуратай басагаяа.
Тэрэш таалалдаа ондоо хүнтэй.

Шэмээгүй.

—Шамда найн гү, эжым, шиигтэй газар соо.
Амиды намдаш хэр бэ?

Шэмээгүй.

—Үгы, мэхэлээб, тэрэш зэмэгүй, харин би
Хэтэрмэ омог болооб.

Шэмээгүй.

—Нананагши, сэхэрмэг, найзгай хүбүүхэн байһым?
Шамгүй намда хүндэл, ажабайдал дан орёол.

Шэмээгүй.

—Инагтаа мүнөө ошохогүйб. Одоошье би
Эрэ гүб, эжы?

Шэмээгүй.

—Дуугай бү байгыш, намайе хүлээлгэжэ
Бү зобоогыш даа.

Шэмээгүй.

—Хэлыш даа, аргамни талаа, эжы!

Шэмээгүй.

—А-аа-аа-а!

КЛАДБИЩЕНСКАЯ ИСПОВЕДЬ

—Да, я прогнал свою возлюбленную
Она целовалась с другим.

Тишина.

—Тебе хорошо, мать, в сырой земле.
А мне-то, живому, как?

Тишина.

—Нет, я солгал, она безвинна,
это я стал невыносимо гордым.

Тишина.

—А помнишь, я был честным и добрым мальчуганом?
Трудно мне без тебя, уж больно жизнь мудрена.

Тишина.

—А к возлюбленной не пойду.
Ведь я теперь мужчина, мать?

Тишина.

—Не молчи, скажи хоть слово,
Не заставляй меня мучиться.

Тишина.

—Говори, я больше не могу, мама!

Тишина.

—А-аа-аа-а!..

Заримдаа эрхэ үнөөхинь
 танигдаагүй хэлэн дээр хашхаржа эхилнэ.
 Хаанаһаа хүгшөө мэдэхэб,
 хари хэлээр хэлэнэ гэжэ,
 ородооршье арайхан гэжэ тулмаашалдаг байһан юм аад.
 Хүнүүд хаанаб, тэндэ һураг.
 Хүгшэндэ комсомол аша зээнэрын болон,
 колхозой намын дарга хүрэтэрөө ерэнэд.
 Бүхэли оролгоор яринад,
 ямаршьеб эзэрхэг түримхэй янкинууд
 ба буряадтал шарайтай,
 ямаршьеб «вьетнамса» тухай.
 Нөөл һонюуша хүгшөөдэймнай
 арсалдаашанаар адли болонхой,
 дундууса оросолдоо.
 Тээд ойлгохо аал барһан
 юун хэрэгтэйб «амирхансада» «вьетнамсаһаа»,
 өөһэдэйн газар уһан багадаа гү.
 Иимэл асуудал табин,
 хонишон хандахаяа хүсэлөө
 эгээл ахамад «амирхансада»,
 зүгөөр үзэгтэ мэти байһанай,
 эрдэм ехэтэйдэ тоолон,
 гуйба ха юм намай,
 харюусажа ойлгуулхытнай Танда найдан.
 Харюусаха болтнай буряад хүгшэндэ,
 дуулгахаб би хаяг.
 Та, юрэдөөл, шамдаарайгты харюутаяа:
 һаяын сагта һаншаг сагаан хонишомнай
 гунигта ходо абтажа,
 үхэл намай мартаа юм гү гэжэ гомдон,
 зүрхэмниш ехээр хадхана гээ һэн:
 удаан лэ ажаһуугаа хүгшэн,
 харин түби үнөөхеэрээл тайбан бэшэ.

Иногда ее питомец
 начинает орать на непонятном языке.
 Откуда старухе знать,
 что эта речь иностранная,
 и по-русски-то она изъясняется с грехом пополам.
 Но где люди, там и молва.
 Приезжают к старухе внуки-комсомольцы,
 заглядывают на пастбище колхозный парторг.
 И судачат они битый час
 о каких-то самоуверенных «янки»,
 о каких-то «вьетнамса»,
 похожих лицом на бурят.
 Любопытная старуха
 вертится рядом со спорящими,
 встревает в разговор
 и не поймет, бедная,
 что нужно «амирханса»
 от мирных «вьетнамса»,
 разве мало им места на родине.
 Вот с таким-то вопросом
 хотела обратиться чабанка
 к самому главному «амирханса»,
 а так как не смыслена в грамоте,
 попросила меня,
 как более ученого строчить по-русски,
 написать, чтобы Вы объяснили ей все.
 Если ответите старой бурятке,
 я сообщу адрес,
 только уж Вы поторопитесь с ответом:
 в последнее время седая чабанка
 что-то много стала грустить,
 жалуется, что смерть позабыла о ней
 и нестерпимее колет сердце,
 точно укоряет:
 долго куковала старая,
 а на свете по-прежнему не все ладно.

УРИД ҮАНААТЫН ҮГЭЛЭЛГЭ

Бүхөөр хүрмэнэн хүйһэндэм адляар
 Хэзээшьеб досоом таһарха утаһан,
 Далда һүлдыем, зүрхэнэйм нюуса
 Долоодохи ухааеи даагаад,
 Эртын тэрэ эрэлхүү саг руу дахуулһан.
 Тиин би түрэлхи бүргэд хэлээрээ
 Гэгээрэн уйгаа, таташахаб дуугаа
 Сахилгаалһан бугуулинууд тухай,
 Хогоосоной сонхоор шагааһан
 Һүниин малшын түүдэбшэнүүд тухай,
 Сэрэгүүд, хятагар һэлмын хатар ба
 Һеы гэрнүүд, эмээлнүүд, үльгэршэд тухай,
 Ошон ошоһон нүүдэлшэдэй саг тухай,
 Интегралай зуун жэлэй бууһан тухай.

Дуулахалби, хэндэшье обёорогдонгүй,
 Гэрэлтэ шэнэ сагтаа уурлангүй.
 Хэнш намай һаатуулха мүнөө ёһогүй,
 Дуугаа дууһажа, зүрхээ һуулин
 Абаһуу дайсанай һуршын хухархай
 Эрэлхэг дээдэсыи онон харбаһан.
 Тиигээд бусахаб одоо энэ сагтаа,
 Һүниин хара зүүдэнһээ сүлөөрөөд,
 Шэнэ махабодоор шудхагданхай,
 Дахин зуун жэл һудал соом һэрихэл.

ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ МОНОЛОГ

Когда-нибудь во мне порвется нить,
 Как прочная тугая пуповина,
 Ведущая мой тайный дух и мой
 Седьмой, подспудный разум сердца
 К тем древним, величавым временам,
 И на родном орлином языке
 Я запою с печалью просветленной
 О высверке стремительных арканов
 И о ночных пастушеских кострах,
 Горящих ярко в окнах абсолюта,
 О цириках, о пляске гнутых сабель,
 О юртах, седлах, сказах ульгершинов,
 Об уходящем времени кочевий,
 О приходящем веке интеграла.
 Так буду петь я, никем не замечаем,
 Не разозлен на новый светлый мир.
 Никто мешать мне в этот час не должен.
 Вот допою, из сердца извлеку
 Обломки вражьих беспощадных стрел,
 Отважных предков ранивших когда-то,
 И в жизнь тотчас привычную вернусь,
 Освобожденный от былых кошмаров,
 Отлитый заново из свежей плоти,
 И века пульс во мне проснется вновь.

НҮХЭРЭЙ ДУРАСХААЛДА

Хуурсагта хэвтээш, мээл тарбаганшуу
Хэзээб даа шэрүүн нэмнайш, эрид шууд.

Садхалан оршонгоор зада харайлган,
Соорхой, хуушархан пиджагтай бурхан.

Эгээлэй хара зондо хүүр малтааш,
Эхэнэртэй суг хэвтэхээ арсааш.

Гартаа гансал гуурһаяа адханхай,
Газары дуун—гэрээр дүүргэхэм гэнхэй.

Хаанаб, тореро, корридынш дунгынш?
Хабтагай тэбшэ—ондоо юунш үгыл.

Баяр хүргэе, зүгөөр, хуурсагта
Бурхан, барлагшые досоонь амарха.

Хүлисэ, нүхэр, анда бидэнии
Үхэлдэ шамай үгэхэгүйбди.

Хуурсаг соо, хэлэнүү, хүүр бэшэ,
Хараа үзэл хосоролгүй гээшэл.

Томошуулые дууряадаг хүүгэд,
Тииһээр хуурсагуудшые сэн нэмэдэг.

ПАМЯТИ ДРУГА

Лежишь в гробу, как загнанный сурок.
А был когда-то грозен и суров.

Хотел загнать, как лошадь, сытый мир—
Бог в пиджачке, истасканном до дыр.

Копал могилу гнусному мещанству
И с женщиной в кровать не умещался.

Мечтал срубить с пером одним в руках
Поющий дом на всех материках.

Так где ж, тореро, плод твоей корриды?
А вот оно—дощатое корыто.

Но дань отдать нам должно и гробу:
Покойно в нем и богу, и рабу.

Прости, старик, приятелям своим,
Но умереть тебе мы не дадим.

В гробу не труп, как может показаться.
Идеи, брат, живучи по-кошачьи.

Ведь взрослым часто дети подражают,
Да и гробы, есть слух, подорожают.

УЛААН-УДЫН ХАБАР

Ж. Ж.

Апрель ерэбэ. Үбэлэй түгшүүрил
 Арһан захадал мүрһөө унана.
 Хээрын малшанай ошоожо ябаһан
 Харгынууд шарлан, дуугаар анхилна.
 Хэнэйбш далда нэрэ хайлан,
 Хүнгэхэн амяар уралһаа дэгдэнэ.
 Гүлгэдэй түлхисэ һөөг мэдэрээд,
 Гүрбэлзэн, мэгдэн мүшэрөө шэнэлээ.
 Сонхоор зайна буурал тагтаанууд
 Сэнхир уудам руу саһан дуугай хиидээ.
 Зүүдэндээ залд гэнэн номгон хүбүүндэл,
 Зүрхым тамалаа залуугай мэдэрэл.
 Айлшархан хараасгай үдээ һамнаа,
 Арбагар бээлэйгээ һамгад һугалаа.
 Абааштай машбюрогой басаганда
 Алдуунь олошороо хуудаһандань...
 Апрель гараа. Араарнь урдахи рамын
 Аймхайхан һалхинай эшхэрээн дуулдаа.
 Нёдондоной хатанхай боро набшын,
 Сахилгаан мэдээсэл сонходо буугаа.
 Амарагууд золгоно «Танкын» дэргээр,
 Алаг туун буугай хоолойдо уургай заһаа.
 Хубисхалша хабар харшанууд соогуур
 Хиисхээ тугтал угаагдаһан хубсаһа.

УЛАН-УДЭНСКАЯ ВЕСНА

Ж. Ж.

Апрель нахлынул. Зимние тревоги
 Спадают с плеч, как тяжкие меха.
 Запахли песней рыжие дороги
 Проехавшего в поле пастуха.
 Запретное оттаявшее имя
 Незримым выдохом слетает с уст.
 Затрепетал побегами своими
 Почуявший биенье почек куст.
 Гуляют в окнах голуби седые
 И в небо улетаёт молча снег.
 Как тихий мальчик, вскрикнувший во сне,
 Забились в сердце чувства молодые.
 Роняет первый стриж своё перо,
 Снимают жены душевные перчатки.
 У девушки в горластом машбюро
 Все чаще на страницах опечатки...
 Апрель нахлынул. За нагретой рамой
 Раздался ветра тёплый, тайный свист.
 Бессвязной и зовущей телеграммой
 В окно влетает прошлогодний лист.
 Влюбленные встречаются у «Танка» —
 Там в душе вьёт грач гнёздышко своё.
 Как флаги, по дворам весна-повстанка
 Вывешивает хрусткое бельё...

ВЬЕТНАМАЙ ТАРЯАЛАН ДЭЭГҮҮРХИ ААДАР

—Эжы, хаанаһаа энэ уляан бэ?
Дээрэм тэнгэри няжаганаа гү?

—Энэ аадар наашаа ерэбэл ха,
Хатанхай таряаламнай уһалха.

—Хара шубууд дээгүүрнай ниидэбэл,
Юундэ теэд даляараа намда һэбезгүйб?

—Шубууд ниидээ сэнхир далайн саанаһаа.
Ехэ гайхал тэндэ, гашуудалшые ехэ.

—Юундэ хара шубууд ууртай гээшэб,
Һүрөөтэй, хара, амидыш бэшэ ха!

—Наран доро эдэнэйш һэшхэл дараатай...
Хэбтэ дором, бү ай, бишыхамни.

—Эжы, аадар арилшоо хайшааб даа!
Одоо айгааб даа баһал!... Эжы, унтаагши?

ГРОЗА НАД ВЬЕТНАМСКИМИ ПОЛЯМИ

—Мама, откуда пронзительный вой?
Небо гремит над моей головой?

—Это гроза приближается к нам,
Влагу несет пересохшим полям.

—Черные птицы несутся над нами
И почему-то не машут крылами.

—Птицы летят из-за синего моря.
Много диговин там, много там горя.

—Черные птицы какие-то злые,
Черные, страшные и... неживые!

—Это их совесть под солнцем распята...
Ляг подо мной и не бойся, малыш.

—Мама, гроза убежала куда-то!
Ух, напугался я!.. Мама, ты спишь?

ВЬЕТНАМАЙ ЗҮРХЭН

Түбиин досоо—
асари томо, нойргүй—
hanaa алдан эрьелдэнэ хүнхинэн,
Вьетнамай шуһаар лэбшэһэн зүрхэн.

Мартагдаһан хуушанай часы
Гэнтэ амидыраад харанхы подвал соо,
Шангаар сохилон дэлхэйдэ дуулдаа.

Хүнхинөө,
Дүнгинөө,
Дуулаа Вьетнамай зүрхэн,
Томо үрэхэндэл найдалаар ехэжэхээр.
Бамбайна, монсойно Газар дэлхэй
Ягаан дэльбын һалбархые хүлезн,
Байнгүй дабтаһан хүндэ сохилтоһоо
Шэшэрээ хаданууд,
Хотонууд, заводууд,
Машинанууд, пальманууд,
Юрэнхылэгшэд һууридаа...

hanaa алдан эрьелдэнэ хүнхинэн,
Вьетнамай шуһаар лэбшэһэн зүрхэн.

СЕРДЦЕ ВЬЕТНАМА

В земной груди—
огромно и бессонно—
вздыхает и ворочается гулко
Вьетнама окровавленное сердце.

Забывтые старинные часы
вдруг встрепнулись в темноте подвала
и громким боем мир оповестили.

Гудит,
шумит,
поет Вьетнама сердце,
гигантским семенем томясь и набухая.
Вздымается и пучится Земля,
вся—ожиданье алого бутона.
От мощных несмолкающих ударов
Трясутся горы,
города, заводы,
машины, пальмы,
президенты в креслах...

Вздыхает и ворочается гулко
Вьетнама окровавленное сердце.

ГАСУУДАЛТА ХҮГЖЭМ

Нара урид,
 хүхюутэй нэгэ арадай найр наадан соогуур
 юрэ сэнгэгшэдэй нүдэд соо
 һүүнтэ хэмжүүртэ халамгай шубуун дэнгүүдэй
 ялбайран байтарынь,
 гэнтэ наһажаалнуудай гэрһээ нугын таягтай
 тээрэнги амисхаалтай хүгшэн гараад,
 юухэгүй мэти аляархаад,
 хаалгын наагуур мухаринхай
 улаан нюуртай хамууршанай хабһа руу хадхантарынь,
 тэрэ зайн гэрэлтэ үдэшэ
 ресторанай тулга шэрэйн саана
 ошотонги костюмтай бүгтэгэр эрэ зогсоо.
 Эгсэ табан жэл үнгэрөө тэрэнэй
 найрай ошодой сасаран байтар гэрһээ
 галда шаташанхай
 сусалдал һамга хүүгэдээ гаргаһаарнь.
 Тиимэһээ жэл бүридэ
 энэ хүхирмэг хонгёо найр дээрэ
 хотын зоной ягаарһан шарайһаа
 тэрэ хэды нэгшэбэшье ойр-зуур,
 уйдадаг,
 харлажа шатаһан танил бэенүүдэй
 нюдын бүглэмсөөр.
 Тиин эльгэ хатаад,
 буржагархан сэхэрмэг хүбүүн
 гитараар наадан, үнгэрһэн юумэ орогүй
 хаяжа,
 бэлбэһэн баян һамга олохын тухираа.
 Уй гашуудалай һүр һүлдэ—
 евангели бариһан сагаан шара хүүхэн—
 эрэшүүл сэдхэлгүй гэн зэмэлээд,
 уйлана,
 сайбар үһээ нарбуулан һагад.

РЕКВИЕМ

Месяц назад,
 на одном из веселых народных праздников,
 когда в глазах у прохожих
 горят яркие фунтовые свечи хмельного благодушия,
 когда в астматической старухе с костылем,
 выползшей из пансионата престарелых,
 просыпается кокетка
 и игриво тычет под бок
 свалившегося у ворот меднорожего дворника,
 в тот залитый огнями вечер
 я увидел за ресторанной стойкой
 сгорбленного мужчину в искристом костюме.
 Прошло ровно пять лет, как он вытащил
 обугленные трупы детей и супруги
 из дома, сгоревшего
 во время праздничных фейерверков.
 И оттого каждый год
 на этих роскошных гуляниях
 ему становится и весело
 при виде пунцовеющих горожан,
 и грустно,
 когда знакомые почерневшие тела
 заслоняют взгляд.
 Беззаботный смех—
 кучерявый рубаха-парень—
 бренчит на гитаре, советует плюнуть на прошлое
 и подыскать богатую вдовушку.
 Человеческая печаль—
 белокурая девочка с евангелием—
 укоряет в мужской бессердечности
 и плачет,
 вздрагивая русыми локонами.
 У мужчины сердце не из воловьей шкуры.

Эрын зүрхэн тээд сарай арһаар хэгдээ
бэшэ.

Баар руу шэглээ,
тиин Архи—
дуурама һайзгай дуу хатарша эхэнэр—
тархи эрьюулэн,
буржагар хүбүүн ба евангелитай
басагыг
хүн сэдхэлэй нарин утаһа дайран
эблүүлнэ.

Тулга шэрээн араар
байһан эрэ талмайран,
өөрыгөө үргэн табгайта танк сооб
гэжэ һанаад, хооһон шэл һабануудаар
буугай амаар—сагаалсалаа
бүжэглэгшэдэй һүүмэлзэһэн хүхюун дүрсэнүүд руу.

Он идет в бар,
и водка—
томная добродушная шансоньетка—
кружит голову,
примиряет
кучерявого парня с и девочку с евангелием,
играя на струнах человеческой слабости.

Обмякнув за стойкой,
мужчина снова видит себя
в рычащем широколапом танке
и целится грозными дулами
порожних бутылок
в нечеткие веселые фигуры танцующих.

ЗҮҮДЭН МЭТЭ МОРИД

Хужар дээгүүр машинын мүннүүд, утаан,
ургын дуун үнихэнэй дуулдаагүй.
Гансал наранда шарлашанхай үрхэнүүд
боро юрьеэндээ эшээ зулан гүйлдэнэд.

... Һүниндөөл зүүдэнүүдни абаашана,
хилганата талаар наранай жаргаха
зүг руу хии зураг хүлэгүүдни дабхина.
Туруунуудһаань тооһон лэ баглайна.

Табараан соо урганууд эшхэрэлдээд,
зэрлиг азаргануудые бугуулидаа.
Зүрхэндэмни Һэргэнэ урданай дүй дүршэл,
элинсэгүүдһээм дамжан ерэхэн.

Һалхи Һүриһөөр нюдэмнай уһатаа,
гэдэргээ мушхан сагнайш эрьехэнь.
Һүни богони, нойр зүүдээ Һэтэ
нараа угтан үрдихэмнай болтогой.

... Теэд зүүдэндээ моридоо бүүхэн намныш —
нараншье, сагшье хүсэгдэхэгүйл.
Гансал морид харайлдаал талаар —
һула табигдаһан, эзэгүй морид...

КОНИ КАК СОН

В солончаках следы авто и гари,
который год арканы не поют.
И только суслики в оранжевом загаре
по норам обывательски снуют.

Лишь по ночам уводят сновиденья
ковыльной степью в солнечный зенит:
несутся кони, словно привиденья,
и только пыль летит из-под копыт.

Арканы просыпаются под топот
и настигают диких жеребцов.
И сердцем вдруг мы слышим древний опыт,
пришедший к нам от дедов и отцов.

Нам встречный ветер вышибает слезы,
и время поворачивает вспять.
Ночь коротка, а нам сквозь сны и грезы
еще до солнца надо доскакать.

Но, как сквозь сон, коней не торопи —
ни времени, ни солнца не догоним.
Одни лишь кони скачут по степи —
без седоков, расседланные кони...

* * *

Хүбшэргэй хослоод, хүхюутэй хүүгэн
 Баряанай шубуундал скрипкэнь дэрбээ.
 Айлшадай таһаг руу аялгын сэрэг
 Ором гуримгүй нэбтэрэн тэшхээ.

Бимба гараг хүгжэм даган намнаад,
 Дүйрэмэ сахариг тойрон ядараа:
 Дэлхэйдэ үзэгдөөгүй арюун гайхал
 Зоболон дабан олохоо забдаа.

Тезд халамгай абань үүдэ тулгаад,
 Шалаатай нюдөөр хүбүүгээ шэртээ.
 Сарса шэрээ тас-няс гэнтэ шаагаад,
 Жэргэмэлэй хоолой отолбо гэхээр.

* * *

Вилял смычком счастливый карапуз.
 Синицей пленной скрипка трепыхалась,
 В гостиную врывалось войско муз,
 Царил кругом смятенных звуков хаос.

Гонялся за мелодией Сатурн,
 Вертясь в кольце сплошного неуменья:
 Знать, добывал в таинственном мученье
 Не явленную миру красоту.

Но тут отец косяк подпер в дверях,
 Взглянул усталый, пьяный на мальчонку,
 Затем в сердцах о стол дубовый—трах-х!
 Как перерезал горло жаровчонку.

ТАНИГДААГҮЙ ХҮНТЭЙ ЗҮРШЭЛ

Буряад ороноо бү жэшыш Кавказтай.
Тойроод хатарнал орьёл үндэрнүүд:
бүргэд үбсүүтэй, дорюун түхэлтэй,
очир эрдэни — саһан дуулгатай.

Эндэмнай зүргэнүүд тойруулхагүй
уйтан хабшалаар хазаар мориты.
Нойрһоош захиран һэрюулхэгүй
сонгоһон мяханай обтой анхилаар.

Шархатаһан андал доошоо халин,
сууряалан дүүрэхэгүйлши эндээ.
Үльгэрһөө субаһан хадын хүүхэд
домбоёо үргөөд, гол руу буухагүйл.

Омог джигидүүд сухалаар орьёлоод,
эмээлдээ собхорон дайгаар занахагүй.
Хонхор нюдөөрөө ошо сасаргаад,
дамас илдэээ һуга татахагүй.

Хабсагайнууд зүршэн тэмсэхэгүй,
дүрөөнүүдээ огсомоор даршуулан.
Галта лезгинкын угалза зураг
гонгинуур зурна таталуулхагүй.

Буряад ороноо бү жэшыш Кавказтай,
буу моринһоо түрүүн, харыш, нүхэр.
Ажабайдал сэгнэхээр бэшэл мэти,
хүнүүдышье шалгажа һайса хэлэ.

Анхан үндыһэн таламнай одоо
гэгээн юм лэ, юрэдөөл, өөрымнай.
Дуудал даа буряадаа ондоо тээшэнь,
хариин хүйтэн ямаршьеб дайда руу.

ВОЗРАЖЕНИЕ НЕЗНАКОМЦУ

Не равняй Бурятию с Кавказом,
Где высокогруды и круты
В белых шапках, вышитых алмазом,
Пляшут кругом горные хребты.

Здесь у нас тропа вертеть не будет
По ущельям тесным седока,
Из дремоты властно не разбудит
Несравнимый запах шашлыка.

И сорвавшись в пропасть, как подранок,
Не забьется эхо вдалеке.
Вереницы сказочных горянок
Не сойдут с кувшинами к реке.

Здесь не будут пылкие джигиты
Прыгать в седла, недругов кляня.
И с глазами, впавшими в орбиты,
Рвать клинки дамасские с ремня.

Не сойдутся скалы в поединке,
Весело хватая стремяна.
И узоры огненной лезгинки
Не совет визгливая зурна.

Не равняй Бурятию с Кавказом,
А сойди с коня вначале, друг.
Надо жизнь оценивать не сразу
И людей оценивать не вдруг.

У степей, где вырос я когда-то,
Красота святая и своя,
Ты попробуй позови бурята
За собой в далекие края.

Туламаар мүнгэ найдуулаад турша,
боориин шэнээн алтан тухайш хэлэ.
Гараал дэлгээхэ тэрэш эшэмгэй —
хүлни таладаал үндэнхэлшөө гэхэ.

Дүүрэн шарайтай буряад эхэнэр
Үүрээр тууһан хонидоо захадан,
Гүбээ дээр дуугаа татан һуухадаа,
Эбэр зүүгээр дуу нэхэн байһаншуу.

Дулаан тэнгэрим урбалдашоо гү,
гуталайм ула шэрбэжэ байнал.
Тээ тэрэ хонид зүрхэ руум урдаад,
мянган долгёор хөөһэтэн мушхарбал.

Адуушан баряад дүрэгүй янзаар
эльбэнэ аалихан морин хуур.
Хоёр хүбшэргэйнэ — мянган аялга,
нэгэниинь нүгөөдэнхөө уянгатай.

Посули рубли ему мешками,
Золотые горы посули.
Он смущенно разведет руками —
Мол, корнями ноги в степь вросли.

Смуглая, скуластая бурятка,
Выйдя в степь с отарой по утру,
Вместе с песней весело и гладко
Вяжет песни, сидя на юру.

Ласково тугое небо бьется
О подошвы стоптанных унтов,
Через сердце стадо мерно льется
Тысячею пенистых валов.

А табунщик неумело вроде
Хур ласкает медленно рукой,
Пара струн — и тысяча мелодий,
И одна напевнее другой.

* * *

Түймэр сарадаг машина
 Тэншүүрхэндэл улихал,
 Гэдэһэ руугаа наншуулһан
 Жэрмэсэн эхэнэр мэтээр
 Шуһа бушхаһан холиртол
 Хүндэрхүү бээе түймэр тээшэ шэглүүлхэл.
 Зайрмаг наймаалагшадай зэлые гансата
 Дүлиирүүлээд.
 Тиин шишье, эгээлэй үнгэрэн ошогшо,
 Мүн лэ шэхээе бүглэршэнхэй,
 Гэнтэ ан гүрөөлдэл харанхы руу
 Гүйхээе хүсэлхэш хойноһоонь,
 Тишээ, оройн тулгын шатаан руу,
 Нюргандаа үргэлэн гаргахаяа
 Нарайе гү, али эдирхэн үхиниие гү,
 Үгышье бол,
 хүлгүй үбгэжөөлые.
 Нигүүлэсхы сэдхэлдэ бүрин абтан, ганса
 һайн пиджагайнгаа шагтын тайлан,
 Дүүлинтэрээ халта...
 Гэнтэ һанахалши һая угааһан,
 Сардамал самсатай байһанаа,
 Харин гарташни шамайе сүм эзэлһэн
 Малига сэсэгшүү нюдэтэдэ гэнэн
 Ялабхима хоншуу магнолиин баглаа.
 Тиин ши зэмээе мэдэрэнгээр
 Хоргодожо үрдихэлши,
 Һүнии дүүрэн газировка наймаалан хоногшо
 Эрэдэл һамганай бүдүүлэг нюргаар халха хэн.
 Энэ үйлэ шинии түрүүшын алхам
 Һүнэһышни шобтолһон,
 Тэндэһээ хүнүүдэй наһаараа
 Өөдөө гарахаяа тэгүүлдэг,
 Оёоргүй унуулиин гүн руу,
 Хуурсагай хадуулха забдын түерөөн хүрэтэр.

* * *

Взвоят в исступлении над ухом
 Пожарная машина,
 Словно беременная женщина,
 Которую пнули в живот,
 И кровавым метеором
 Пронесет свое грузное тело к пожару,
 Оставляя позади себя вереницы оглохших
 Мороженщиц.
 И тебе, самому заурядному прохожему
 С гудящими перепонками,
 Вдруг по-звериному захочется
 Побежать туда, в темноту,
 Где рушатся горящие стропила,
 И вынести на позвоночнике
 Младенца ли, хорошенькую ли девушку,
 А то и безногого пенсионера.
 И ты уже растегнешь в благородном порыве
 Единственный выходной пиджак,
 Подашься вперед...
 Но с болью вспомнишь,
 Что на тебе свежевымытая
 Накрахмаленная рубашка,
 А в руках букет сверкающих магнолий
 Для жасминоглазого создания,
 Которое тебе безразлично.
 И ты виновато спрячешься
 За полотняную спину мужеподобной бабы,
 Упрямо торгующей в ночи газированной водой...
 И это будет твоим первым шагом
 К той бездонной пропасти
 Вечной кастрации души,
 Откуда люди мечтают выбраться
 Всю свою жизнь,
 До грохота заколачиваемого гроба.

ХОТО

Хото—
 эрьен харалгын асари үргүүр мөөрз:
 кассада түлөөд
 хори сагаа—
 эдир хаһа
 үнгэтэ орон тухай һанаа
 хүдөөгэй малай хүлэй тооһон
 соогуур балшар үеһөө сэдхэхэнээ—
 тиин кабина соо һуухадаш,
 тэрэш өөдөө дэгдэн—
 дорошни одоо
 нам руу харана гэжэ
 ойлгонгүй хэбтэһэн хото,
 хабсагай дэрлэһэн лусууд хүүхэндэл
 наранай дулаан толон соо налайжа умбанал.

Хото—
 барилгын маягуудай шулуун баглаа:
 романай, готикын,
 тон юрын, таарамжа хараһан гэнэн бодолто,
 хүйтэн шанарта кубнуудай хэмжээ түхэл
 болон зургаан булантанууд.

Һэй, хүнүүд!
 Ямар эльбэ жадхын хүсэн
 таанарые зүгын үүр
 болгон суглуулна хаб?
 Бага юм гү Газар,
 үргөөлгүй зэрлиг хүрэгүүды
 хизааргүй тала дайдаараа гүйлгэдэг?

Хото—
 Бамба сэсэгэй анхилма һөөг.

ГОРОД

Город—
 гигантский и солнечный круг колеса обозрения.

Платишь в кассе двугривенный,
 неистраченной юности пыл
 и цветную мечту об огромном штормующем мире,
 что вынашивал с детства в себе,
 погоняя в пыли деревенских коров.
 Поднимает кабинка тебя к облакам,
 а внизу
 обнаженно бесстыдно и сказочно нежится
 город,
 словно нагая русалка на солнечных скалах,
 не замечая твой жадный восторженный взгляд.

Город—
 каменный мертвый букет
 обессмерченных зодческих стилей:
 томные флоксы романской медлительной мысли,
 строгие кактусы нового трезвого века.

Эй, люди!
 Какое наваждение заставляет вас слетаться
 в гудящие рои?
 Разве мала Земля,
 на бескрайних степях которой
 клубятся стада непуганых зверей?

Город—
 цветущий сиреневый куст.
 На его аромат,
 словно пчелы за сладким нектаром,
 из далеких окраин несутся ватаги парней—

Бал тээшэ тэгүүлхэн зүгынүүдтэл
Хүдөөгэй хүбүүд иишэ яаранад лэ—
Тэдэ сэбэр, омогууд, өөртөө найдангинууд.

Хото—
халуун дүлэтэ түүдэбшэ—
галынь хараад, ниидэн ерээ үхид
хүдөөгэй сэлээнүүднээ,
отог бүриин хүүхэдүүд,
гэрэлдэ субаһан хүниин эрбээхэйдтэл—
дуранай дүлэндэ шатан хосорнол дэмы...

Хото—
гадаа далайн хабхар
оёорһоо үндын бодоһон шүрын арал:
дун хорхойнуудтал хойно хойноһоо хосорнол
үе бүриин зон,
харин хото туяаран наран өөдэл дабхья.

самоуверенных,
смуглых,
красивых
и сильных.

Город—
пылающий жарко костер.
Прилетают к нему из глубинных проселков девчонки,
словно ночные беспечные бабочки к яркому свету,
и сгорают в огне
вулканической первой любви.

Город—
коралловый остров,
встающий из темных глубин океана:
Вымирают одно за другим поколения,
словно моллюски,
а город, как луч, поднимается к солнцу.

* * *

Нойрсоо хото.
 Нүнийн хундага соо дабхар хүүргын галнууд.
 Тамарна гэрнүүд, оёорой нойрмог загаһадтал.
 Хороонуудай набаар аалин байдал урдаа.
 Хотын захын уляаһанай хөөбэртэ нюугдаһан абьян
 хабхар дуугай долгиной залаа дээгүүр ерээ.
 Бүглэд гэнхэй үзэмжын бүрэнхы сонхонууд соо
 амигүй хэмэл эхэнэрнүүд зогсон,
 дорьбогүй, зайгуул миисгэйнүүдтэ маягта хубсаһа харуулна.
 Харанхы, аниргүй, шэмээгүй:
 шуяата хотын далбагар томо шэхэниинь
 бөөн үүлэдэй боро хүбэнгөөр шэглэгдээ.
 Бай!
 Углуугай саана
 хуушарһан гуталай тахын асфальт сохихонь
 дуулдаа зайданда:
 тоб-тоб-тоб...
 Гаража ерээ яруу найрагша —
 бага-сага халамгай,
 хармаануудын уб улаахан алимуудаар дүүрэнхэй.
 Хэмэл эхэнэрнүүдые обёороод,
 эрхэбэшэ харбайна гараа
 хуушан сэмбэ малгайдаа.
 Тээд, харин
 тэрэн үгыл толгойдонь, мүнөө
 һая музейн дэргэ шулуун арсаланда үгөө —
 гунигтай һэн, халзан
 тэрэ ан, бороодо ороод,
 үбшэлхэ һэн бэээ, барһан.
 Аягүй байдалда ороод найрагша
 хэмэл тэдээхэндэ алимууды харбайгаа.
 Тэдэнь
 эдихэ юм, эдээшэг шүүһэ сэсэргэн
 үзэсхэлэн маягай платинууд дээрээ.

* * *

Город спит.
 В кубке ночи мерцают огни эстакад.
 Проплывают дома, как глубинные сонные рыбы.
 В лабиринтах кварталов течет тишина
 и приносит с окраин на гребне безмолвной волны
 звук опавшей во мглу тополиной чешушки.
 В притемненных безжизненно бледных витринах
 манекены /застывшие мертвенно женщины/
 рекламируют модные платья унылым бродячим котам.
 Темнота, немота, глухота:
 словно ухо огромное шумного города
 ватой облачных серых кочевий заткнуто.
 Чу!
 Шаги за углом
 бьют подковки поношенных старых штиблет
 о пустынный асфальт:
 цок-цок-цок...
 И выходит, конечно, поэт —
 он чуть-чуть под хмельком,
 а карманы набиты головками красных яблок.
 Увидав синтетических женщин,
 он, конечно же, тянется
 к старой велюровой шляпе.
 Но, увы,
 он ее только что одолжил
 у музея застывшему каменному льву —
 лев ведь грустен и лыс,
 ну, а в дождь, понимаете,
 как для здоровья опасно.
 И сконфуженный робкий поэт
 подает манекенам по красному яблоку.
 Те
 съедают их, брызжа налившимся соком
 на чудесные модные платья свои.

Тиин сасуунь амигүй синтетикэ сээжэ соонь
 бии болонол эхэнэрэй улаан зүрхэнэй түхэл шэнжэ.
 Харин үхээрэй хүлмэгэр гарнуудынь шуһа гүйлгөөд,
 үзэсхэлэн маягай платинуудаа заһаха юм.
 Жэгтэй тэрэ найрагшын ами оруулһан абхайнууд
 эсэшэһэн сурагар сагаан хүлнүүдээ һайса нидхэржэ,
 дүлииршэһэн хүнийн хото соогуур зайхаяа гараад,
 халуун шуналта хүсэл доро дороо бөөмэйлөө
 өөһэдыгөө үргэлжэлхын...

Найрагша алад гараа,
 альган дээрээ гансахан алим баринхай,
 үшөө нэгэ амигүй хэмэл эхэнэртэ хүртээхээ.
 Юрын хүнэй дураар зүрхэнийн һабаа.
 Гэнтэ урдаһаань мододой хажууһаа
 сухигар нэгэ һүүдэр һүүзын харагдаа...
 «Хэмэл абхай хатан,
 энэ алим танда, эдижэ хайрлыт,
 Танай зүрхэндэ дуран һэрихэл:
 Та ойлгохот, уралнууд үгтөөгүй юм
 тэдээгээр конвертэл няахын тулада...»
 «Та, ойлгооб, поэд хат:
 хүнindөө зайжа тэдэл ябадаг,
 үшөө эзэгүй миисгэйнүүд.
 Эдигты алимаа өөрөө,
 намда тэрэ мүнөө туһагүйл.
 Дэлхэй дээрэ биил даа дуран,
 тээд дуун шэнги тэрэ гансахан лэ.
 Дураяа би гээгээ һэм нэгэтэ,
 хабхар хүнээр бэдэрнэб, тээд олохоёо мэдэнэгүйб.
 Намда, Та, харгы гаргаха гээ гүт?
 Тээд юндэ?
 Һүүдэрби би, Таниие һэтэ
 бээгүй агаар соогуур мэтэ ходорхоб.
 Заа, баяртай, бурхан Таниие хараг,
 һалхинда найгаһан һүүдэр болохогүйетнай...».

И тотчас в синтетической мертвой груди
 появляются формы пунцового женского сердца,
 а согретые кровью безжизненно бледные руки
 поправляют невольно чудесные модные платья.
 Оживленные странным поэтом безмолвные дамы
 разминают отекие стройные белые ноги свои
 и уходят бродить по ночному оглохшему городу,
 заклеянные страстной и жаркой мечтой
 о своем продолжении...

А поэт идет дальше,
 держа на ладони своей одинокое яблоко,
 чтоб в еще одной мертвой искусственной женщине
 сердце забилося земною любовью.
 Вдруг у сквера навстречу поэту
 появляется бледная зыбкая тень...
 «Госпожа Манекен,
 вот Вам яблоко, съешьте его
 и тотчас
 в сердце Вашем проснется любовь:
 вы поймете, что губы даны не затем,
 чтоб заклеивать ими конверты и письма...»
 «Вы, наверное, поэт:
 ночью бродят одни лишь поэты
 и бездомные кошки.
 Съешьте яблоко сами,
 оно мне уже не поможет.
 Ведь на свете бывает любовь
 лишь одна, словно сладкая песня.
 Я свою потеряла любовь
 и ищу ее ночью слепою: не знаю, найду ль.
 Вы хотите мне путь уступить,
 а зачем?
 Я ведь тень и сквозь Вас,
 как сквозь воздух бесплотный, пройду.
 Ну, прощайте, не дай Вам господь
 обратиться в размытую ветром дрожащую тень...»

Мэндэ, инагни!
Энэш миин лэ зүүдэн.
Ши өөрынгөө орон соо
статистикэ шудалааш нойртоо.
Бишье хүнгэн зүүдэндээ хөөрэн дэгдэлэйб.
Бурхан зайлуулаг даа,
һүниингээ зүүдэндэ
халуун улаан зүрхэгүй һүүдэрнүүд лэ бү байял.

Здравствуй, любимая!
Все это лишь сон.
Ты в кровати своей
и статистику учишь во сне.
Ну, а я тоже в снах легковесных витаю.
И не дай нам господь
повстречаться в ночи,
словно тени без жаркого, ало горящего сердца.

ЗУУН ЖЭЛТЭЙ ХӨӨРЭЛДӨӨН

Би—XX зуунай буряад,
 малша юрын арадай удамби.
 Дээгүүрни ялалзан,
 неон наранууд носоно.
 Үлгымни болоо
 шулуун балгаасан.
 Даршаан соо тамын машинануудай
 тамарааб туладал.
 Тулгымни гал гэхэдэ—хии зууха,
 жонон хонгорни зүгөөр—трамвай.
 Хооһон талмай, шардааг, тагтаануудай
 байрын сүлөөтэ амин
 нам соо.
 Орхигдоһон хуушан хүмэнүүдэй,
 харшын араархи нюусанууд
 мэдээжэл баганаам.
 Гудамжануудай хан түрэ,
 үйлсэнүүдэй бурьяан
 ород хэлэндэ намайе нургаа.
 Тэрэ
 эхымни шуһандал досоомни юм.
 Үдэр бүри өөрыгөө нээнэб
 оршолонгой марьян соо.
 Үсэгэлдэр мэдээгүйгөө
 үхибүүндэл гайханаб.
 Өөдэгүй үдэрнүүдэй тудабал,
 нэгшээнэб өөрөө зүрхөө
 енгүүтэйхэн шогоор.
 Харин жэлдээ нэгэ
 холын хүдөөгэй сэлээнһээ айлшаар
 зуу хүрэнэн үбгөөмни ерээд,
 гансал хундагаһаа талмайран,
 мартагдаһан урданай аялга

РАЗГОВОР С ВЕКОМ

Я—XX века бурят,
 скотоводов безвестных потомок.
 Надо мною горят,
 солнца горят из неона.
 Каменный город—
 моя колыбель.
 Я как рыба в воде
 в какофонии адских машин.
 Очагом мне служила конфорка,
 иноходцем рысистым—трамвай.
 Вольный дух пустырей,
 голубятен чердачных—во мне.
 Тайны тихих задворков,
 заброшенных старых церквушек—
 мне ведомы с детства.
 Царство шумных проспектов
 и улиц бурливых
 русской речи меня научило,
 она—
 материнскою кровью во мне.
 В пестром мире страстей
 каждый день я себя открываю
 и по-детски дивлюсь:
 как я был ограничен вчера.
 А в дни неурядиц случайных
 я бодрю свое сердце
 иронией едкой.
 Но когда раз в году
 из улуса глухого к нам в гости
 приезжает столетний мой дед
 и, от чарки одной захмелев,
 стоя песню тянуть начинает,
 позабытую старую песню—

утаар таталуулан зогсоходонь,
 яатараа бээм нуларнаб,
 түбэнгидэм орилоон зарсашоод,
 юундэ нюдэмни уһатан,
 бэлтысэрээ нулимсаар дүүрэнэб?.

Би—

бүхэдэлхэйн джазай үри—
 яатараа уйлабабиб?

«Нулимсаһаа эшээд яалтайб,
 энэ—шэнэ саг ерэнхэй бшуу,
 үсэгэлдэрнай мүнхэрэн ошоо.
 Хахасалга—уйгай эгэшэ,
 теэд ши элинсэг дээдын удамши,
 тиимэнээл тэдэнэй абяан шинии досоо.
 Үнгэрһэн сагай һайханш бол,
 үглөөдэрнай бүришье сарюун.
 Түүниие урдуул мэдээд,
 шамайе гэмнээгүй»,
 гээл намда минии ухаан.

почему я слабею,
 рыдания горло мне душат,
 а глаза набухают,
 вдруг огромней от слез становясь?
 Я—

вселенского джаза дитя—

почему я рыдаю?

«Слез не надо стыдиться,
 это новое время пришло,
 а вчерашнее в Лету уходит.
 Расставанье—печали сестра,
 ты ведь предков достойный потомок,
 оттого голоса их живучи в тебе.
 Прошое тоже прекрасно,
 но прекраснее завтрашний день.
 Это пращурьы знают
 и тебя не винят»,—
 говорил мне мой разум.

НЮУСА БЭШЭГ

*Хадамда гараад,
Хүүгэды түрөөд,
Бэшэгтэл эльгээхэ
Ерээдүй тээшэ сэхэ.
(Арво Метс)*

Большевигууд бэшэдэг нэн бэлэй
нюуса далдынгаа бэшэгүүдые —
нүн шуһан хоёроор
худхагдан, агуухэ хубисхалай
һуури табигдажа байгаал.
Тэрэ нюуса бэшэгыг анхан
эхэнэрнүүдһээ абаа:
Галабуудай эхинһээ
Тэдэ нангин һүөөр бэшэдэг лэ
Нээлгээтэй ягаан саарһаншуу
Нялха нарайнуудай уралнууд дээрэ,
Арбаад жэлнүүдэй үнгэрһэн хойно
Түбээр гоё ордонгуудай бодоод,
Хүхюун дуунуудай зэдэлхын түлөө.

ТАЙНОПИСЬ

*Выйти замуж
Рожать детей
Посылать их
Как письма, в будущее
(Арво Метс)*

Большевики писали молоком
Незримые секретные посланья —
На молоке и крови
Замешивался исподволь фундамент
Той революции...
Заимствована тайнопись была
У мудрых женщин —
С сотворенья века
Они священным пишут молоком
На страждущих младенческих устах,
Как на раскрытых розовых страницах,
Заветные, стыдливые мечтанья,
Чтобы потом, спустя десятилетия
Над миром встали дивные дворцы
И прозвучали радостные песни.

МИНИИ НҮХЭР БАЙГАЛДА

Бүгдэгэр минии бэеын бүрбьһөөр,
 Боориин оройгоор харагдан сасуу
 Асари ташууртал гүрбэлзэхөөр,
 Аянгын дуун нээрээ тээ саагуур.

Хай, Байгал гүш энэ? Яабаш иихэдээ!
 Хайра ямба минии түлөө бэшэл:
 Дуутай шуутай, гоёмсуу алдар суу
 Дабхин зүргөөр намайе хүсэхэгүйл.

Яабаш талам гээд эгтээ баясаад,
 Ямарш байбални, мэндэшэлээ нааш,
 Нарбайһан гарайш түлөө баясахаб,
 Нүртэй хүндынш түлөө найнаа хэлэхэб.

Шагнахадам, хаа-яань дошхордог гүш?
 Шууя багха, үбгэжөөл. Тамхилхам биш.
 Нүүлдэнь, холын замда гарахын урда,
 Нанаан бодолоо найдуужаб даа шамда.

Үнинэй одоо харилсанабди иижэл:
 Үйлын үриин урма баяр үршөөбэл,
 Түөрһэн гал тэргээр иишээл шамдааб,
 Түрүүлэн ашаагаа шамдаа ябуулаад.

Эгээ шим нэгэтэ урмаар халин,
 Эрьеэ сохин, шуургаар дабхяагүй наа,
 Аляа долгёор эльбэхэлши, гүнгэнэн,
 Алтан хөөһэтэ нара жаргаха хаһаар.

ДРУГУ МОЕМУ БАЙКАЛУ

Когда моя сутулая фигура
 Возникла силуэтом над бугром,
 Подобием гигантского ташура*
 Приветливо вдали ударил гром.—

Ах, это мне, Байкал? Ну, что ты право!
 Совсем не для меня такой почет:
 Ведь громкая, нарядненькая слава
 За мной сейчас проселком не придет.

Но если просто рад ты мне как другу,
 Приветствуешь меня, какой я есть,
 Спасибо за протянутую руку,
 Спасибо за оказанную честь.

Ты, говорят, лютуешь понемногу?
 Ну, что ж, шуми, старик... Я покурю.
 Потом, вставая в дальнюю дорогу,
 Как прежде по душам поговорю.

Давно ведь так ведется между нами:
 Коль радостью судьба не обойдет,
 Спешу сюда шальными поездами,
 Свой груз деля с тобою наперед.

А если ты обрадован когда-то
 И штормами не рвешься к берегам,
 То в брызгах златопенного заката
 Капеллой волн ласкаешься к ногам...

* Ташур (бур.) — бич, хлыст

Харин уйдхар гомдол ерээд туршуужаг,
Хадамайм хүүхэн үлүү найнииш олог,
Уригүй далаймни, яабашье дахин
Уулзахаб шамтай, хабсагайдаш зогсон.

Асари нюрууш эб түбшэн үзэгдөөд,
Алиш харгым тооно гүбин хиидхүүлхэл.
Энеэдэтэй жэжээр ханагдахал мүнөө
Эбэрээн мэрэнэн уйтай түгшүүрил.

Но пусть придет обида или горе,
Уйдет невеста лучшего искать,
Я все равно, неласковое море,
Приду на берег ломаный опять.

Ведь у твоей громадности спокойной
Вся горечь неоправданных дорог
Покажется смешной и недостойной
Душевного страданья и тревог.

* * *

Буурал Россидаа, эхэ орондоо дурлал—
 Батаар этигэхэб мүнөө, хожомш—
 Дабашагүй эрэлхэг, сэхэ байжа,
 Дайсанда үбсүүгээ тодохо бэшэ.

Юун урдань бэ, бурханай мэдэлэй,
 Юрын зайгуул үгүтэй аяншан,
 «Моринһарлаг» балган Риогой баарта
 Мүн уйгай хорхой зэргэ бисалгаа.

Барһанда садхалан бармен дүтэлөөд,
 Булхайша солиг хэлэхэ гэнтэ: «Үхөө,
 Үхэшөө тэрэ танай ород һамган,
 Үгы, юрэ Росси нэн гү даа нэрэнь».

... Шанаань һогтуугай нулимсаар бороод,
 Шаналан мэдэрхэл үншэршэһэнөө.
 Туулган ангелай далииень хухалан,
 Толгой, һаншагаа зада наншахал.

* * *

Любовь к Отчизне, к седенькой России—
 Я буду верить яростно и впредь—
 Не только значит чистым быть и сильным
 И грудью на врага ее переть.

Но это значит нищим пилигримом,
 Без родины, бог весть что впереди,
 Тянуть коньяк в вонючем баре Рио
 С пиявками ностальгии в груди.

Тут подойдет к бродяге сытый бармен:
 «Слышь, умерла»,—объявит мерзкий плут,—
 «Нет женщины, какой-то русской бабы,
 Ее Россией вроде бы зовут».

... Слезой пьянчуга скулу обольет,
 Свое сиротство с болью понимая,
 И ангела свинцового забьет
 В седой висок, крыла ему ломая.

ТАЛЫН ШУУРГАН

Шонын уляанһаа нэмһэг тала дайганаа,
Шара дэнгүүд хүнээр дүүрэн хатараа.
Тэшхэнэн сэрэгэй тэрьелхэ зуураа
Түүдэг табин хүлэзһэндэл үүр-хираа.

Һохор тэнгэрийн ада шүдхэр хиирээ,
Һүрэг адуунай нюрга хухалан наадаад.
Ханхайһан дайдын оёоргүй ама руу
Харайлдаа зуугаад дошхон оронгонууд.

«Хара нохойш, яатараа дошхорбоб!» — гээд,
Хараал табья нойтон моринһоо буряад.
Элдэб аргаар адхан абахаа хүсөө
Эмниг гүүн — саһа шуурганай һүүлһээ.

Ёололдоо шононууд бээрэһэн талаар
Ёлогор нюдэд — хаанаш хадха хургаа.
Жэхымэ юрын лэ тэдэнэй дуунууд,
Жэгтэйл дуудалгань элинсэгэй дуундал.

БУРАН В СТЕПИ

Стонала стая в стынущей пустыне.
В ночи плясали волчьи фонари,
Как будто войско в бегствии постыдном
Там жгло костры в томленьи до зари.

Слепых небес витийствовали бесы,
В холмах ломали спины табуну.
И на краю разверзнувшейся бездны
Носились с воплем сотни снежных гну.

«Чего ж ей, стерве, сдалось кобелиться!» —
Хрипел бурят на мокром скакуне
И ухватить пытался, как умел
За хвост пургу — бухую кобылицу.

Стонала стая в стынущей пустыне.
Кругом волчье, куда перстом не ткни.
И песни их, до ужаса простые,
Как зовы предков властно гнали к ним.

ШҮЛЭГҮҮД БА СЭСЭГҮҮД ТУХАЙ БОДОМЖОЛГО

Та шууяатай,
 эдээшэг хоолостол нагсагар нахалтай поэд,
 олон дабхарай барилгын даргын бүдүүн хоолойтойт.
 Та дурланхай байбал,
 үнэхөөр дуратай хаа горкомхозой машинисткада,
 юундэ тээд
 нойгоһон хотын гудамжаар алхалуулаабта
 хүршэ гарнизоной
 зэд хоолойто хүгжэмшэдые?
 Тиин басаган
 үглөөнэй нараар һэриһээр,
 сонхынгоо табсанда харуужаг лэ
 ягаан сэсэгэй хоншуухан баглаа.
 Тиигэбэл дурантнай
 аниргүй байһанһаа дундарха юм гү?
 этигыт, суг ажалтам:
 гансал үхэр буунуудай сэмгэнүүд бэшэ,
 зүгөөр юрын сэсэгүүдшье
 дабашагүй хэрэм абадаг байнал.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ЦВЕТАХ И ПОЭЗИИ

Вы—шумный
 поэт с шевелюрой, как спелая рожь на ветру,
 и басом прораба на стройке высотного дома.
 Если вы влюблены,
 действительно любите машинистку из горкомхоза,
 то к чему
 прогонять по улицам сонного городка
 медногорлую музкоманду из соседнего гарнизона?
 Пусть девушка
 проснется солнечным утром
 и увидит на подоконнике
 букет благоухающей сирени.
 Разве ваша любовь
 станет слабее от этой немоты?
 Поверьте, коллега:
 не только рявкающие жерла пушек,
 но и скромные цветы
 берут неприступные города.

СЭСЭГ

Нэгэтэ үглөөгүүр обёорооб
талада бишыхан сэсэг.
Тон харуул, үнжэгэн нэн тэрэ,
ойгуурнь үнгэрхын аргагүй.
Хээрын харгыда ургаал тэрэ,
үйлынь үри гашуун нэн даа:
Хэнэйбш хүлнүүдэй дэбхэхэдэ —
тонгойн унабаш, тэсэдэг нэн.
адуунай дорой ганхаа дээгүүрнь,
ябууд гэшхээ, хүнүүд субаад —
хабтайн доогуур уйдан уйлаа,
үнгөө буураал дэльбэнүүдын...
Таһалаад сэсэг дээшэнь үргөөб,
нариихан эшынь эльбэхэдэн.
Сүршүүлхэб олзоо бороо дор —
миһэлзэшэхэл сэсэгни!
Шэнхинээтэ үдэшөөр тэрэм
Үдэшэлсэхэ нара намаг дээр.
Инагайнгаа гарнуудта тэндэ
сэсэгээ дуугайхан барюулхаб.
Нэшхэлтым үһэндэ ялбалзаад,
наранай элшэхэн залирхал!
Нүүлшынь туяагаар аалиханаар
бишыхан сэсэгни бүхэхэл!..
Амидарха үйлынь ээлтэйш хаа,
баярай ошоор бадархал —
Хэбтэхээ болихол харгыда
баһуулһан дорой барлагтал.
Одондол гэрэлтэн бадараад,
дэлхэйе дэнзэлхэл дээгүүр.
Өөрын эрхэгүй согшон,
хүүртээ ошотороо байнхаар...

ЦВЕТOK

Однажды поутру заметил
я в поле маленький цветок.
Он так был нежен, так был светел,
что мимо я пройти не мог.
Он рос на полевой дороге
и горек был его удел:
его топтали чьи-то ноги,
а он склонялся и терпел.
Над ним брели уныло клячи
и проносились ходоки,
а он пластал, от горя плача,
поблекшие уж лепестки...
Сорвав, его я поднял к свету,
расправил тонкий стебелек.
В дожде обмою радость эту —
заулыбается цветок!
Со мною он в вечернем звоне
пойдет на гать
встречать зарю.
И там любимой на ладони
цветок мой молча подарю.
В локонах милой вспыхнет светом
в лучах заката огонек!
С заходом солнца незаметно
умрет мой маленький цветок!..
Цветочек проживет немного,
но вспыхнет радостным огнем,
не будет больше на дороге
лежать приниженным рабом.
И так же лучше ведь над миром
звезде подобно вспламенеть,
чем, тлея, до своей могилы
страдать, рыдать, хотеть, не сметь...

АВРОРА

Далайн эрьедэ зуун жэл аалин хороо.
 Юуень нюултайб, яһалахан хүгшэрөө
 хубисхалай дайшалхы хани нүхэр.
 Үзэмжэгүй, бээгүйхэн
 сахилма сагаан, мантан
 лайнернууд-зээнсэрнүүдтэйн жэшэжэ харабал.
 Тээд наһажаал эхэнэрнүүдшье
 Хэзээ нэгэтэ залуу, сэбэр ябаа
 Али олон дахин баатаршалгашье гаргаа.
 Боржон шулуун набадаа хүртэй
 балхалзан урдаһан Нева—
 хэтэ сагай байрань үншэдэй.
 Нойргүй хүнинүүдээр тэрэ
 прожекторой багса гэрэл-зүүгээр
 нэхээ үглөөнэй Ленинградтай тэнгэри.
 Хайрата Россиин байгаа сагта
 хубисхалша хүгшэн хэзээш сүлөөгүй байха,
 эпохын тайлдашагүй таабари таан:
 яагаад хооһоор буудаад,
 бай онохо байгааб?

АВРОРА

Кукует век, притихшая у мола.
 Что там скрывать, и вправду подрыхлела
 боевая подруга революции.
 Крошечна и неказиста
 рядом с белоснежными
 величественными племянниками-лайнерами.
 Но ведь и старые женщины
 были когда-то юны и прекрасны
 и совершали немало громких подвигов.
 Гранитное грозное ложе
 и зыбкий оком Невы—
 вечная ее богадельня.
 Бессонными ночами
 вяжет спицами-прожекторами
 завтрашнее небо над Ленинградом.
 И покуда жива Россия,
 мучиться старой революционерке
 неизъяснимой загадкой эпохи:
 как могут холостые выстрелы
 попадать в цель?

* * *

Ай, инзаган нюдэтэ хүүхэн
 шууяатай хотын түб талмайда
 богонихон мини юбкэтэй,
 нариихан мэлигэр сарбуудаа
 мантан томо часы зүүнхэй.
 Бү хоргодыш зон соо,
 намһаа нюугаад хүхэ бала болонхой
 үндэр малагар магнайгаа.
 Би энээгээрш мэдэнэб,
 энэ наһан соогоо шинии
 гансал бообо зооглонгүй,
 бүдэрэнтүү ябадаг байһыеш.
 Эхэнэр хүнэй нэрэ хүндэ
 сахижа ябахашни хүндэхэн.
 Бү эшыш даа, тэнэгхэн,
 хүнһээ дээгүүр гараагүй
 хоер адли золгүйшуул
 ойлгохолди бэе бээ.

* * *

Ах, оленьеглазая девушка
 в самом центре горластого Улан-Удэ,
 в трогательной юбочке-мини,
 с громадными часами макси
 на матовой хрупкой кисти!
 Не прячься в толпе,
 не закрывай от меня высокий лоб
 с огромным лиловым синяком,
 который поведал мне,
 что не об одни пряники
 приходится спотыкаться тебе в жизни,
 что дорого обходится
 сбереженная девичья честь.
 Не стыдись, дурочка:
 ведь двое обойденных,
 двое неудачников
 всегда поймут друг друга.

* * *

Яруунын талаар «ДэТэ» таршаганаад,
Хурса анзаһан газарта зоогдоо.
Хүбэнтэй дэгэлээ гартаа баряад,
Хүшүүргэ шадмар хүбүүн татаа.

Атар газар хэрэмдэл тулалдаад,
Хүлһэнэйн шүүдэр наранда ялалзаа.
Арын шагаабаряар мэти шагаан,
Хүхэнэн гүбэрөө юуншьеб тухай.

Шэлэйн араар амарагын тамараа,
Шагтага дээрэ нахилзан найгаад.
Хун шубуунай далидал гараараа
Хүбүүндэ даллана халуун инагаар.

Хотын болбосон гэрнүүдээ орхёод,
Хоюулан һаяхана иишэ ерээ.
Сэнхир Яруунын долгёо эбхэхэн
Шэрүүн уларилта атар дайда руу.

Анзаһан отолуураар хүрьһэ зүһэн,
Арьбан газарай охиень дэлдэхээ,
Шүлэг сооһоо тэдэ хоёр гаран,
Дуран «ДэТэ» хоёроо нэгэдхээ.

Хүдэлгүүрэй хүүэндэ халта ойгоод,
Тохорюудай дуугаар тала дэлбэрээ.
Омог ехэтэ залуушуулай сортоон
Одоо булишагүй гэжэ ойндoo мэдээ.

... Тэдэнэй замынь бүхэтэр талаар
Тэнгэрийн хаяада хүрэн тулгаа.
Анзаһанайн араар хүрилһэн газар
Амтан хүбэригэй үнэрөөр анхилаа.

* * *

Кряхтел «ДэТэ» в еравнинских степях,
Вгрызаясь в землю острыми плугами.
Парнишка с телогрейкой на руках
Орудовал проворно рычагами.

Он целину, как крепость, штурмовал,
На лбу смеялось в каплях пота солнце,
О чем-то нежном парень ворковал,
Поглядывая в заднее оконце:

Там девушка любимая плыла,
Качаясь на прицепе целиною,
Движеньем лебединого крыла
Махала парню смуглою рукою.

Презрев уют насиженных квартир,
Они сюда приехали недавно:
В целинный край, в степной суровый мир,
где плещется озерная Еравна.

Они пришли поднять на лемеха
Пласты земли, сочащиеся кровью.
Они пришли — как вышли из стиха —
Вдвоем с «ДэТэ» и со своей любовью...

А степь тонула в криках журавлей,
Вздремнув под гул охрипшего мотора,—
Успев понять, что совладать не ей
С упрямством комсомольского задора.

... Их путь лежал горбатым колесом
На горизонт, где вдруг кончалось небо.
Коричневела пашня за плугом
Ломтем пахучим будущего хлеба.

* * *

Шарайгаар нюруу, дохолон басаган
 Һөөгүүд дээгүүр үдэрэй дүлдөөнөөр
 Хонгёо абья сонхо доогуур гарган,
 Хуурай тулгуураар тоншон үнгэрөө.

Һаалидаа яаран үүрэй толоноор
 Хооһон хүнэг гартаа хонгиргон,
 Улаалзай мэтэ сэбэрхэн пулаадаар
 Ягааран ошоно шамдуу гэшхэлэн.

Сэнхир нүдэтэй хүбүүн тухай дуу
 Хоройн захаар гүнгэнэн үнгэрөө.
 Бүдэнтэй нюурнууд сонхоор миһэлзээд,
 Шаргал үһэтэй хүүгэд үлылдөө.

Залуу басагад хүбүүдэй үдэшээр
 Зоной дунда зугаалан ябахада,
 Хүгжэм доро хүхилдэн хатархада,
 Хүгшэдэй дунда хэншьеб уйдана...

Угаа хүсэнэб, эсэнги хоолойншни
 Уудамда дэгдэхынь гургалдай мэтээр.
 Шэг шарайеш халиргай бүтээгшэ
 Шэнэлэн заһаг, алдугаа мэдэрээд.

Ойн сооромо оршон гэнтэ тогтоод,
 Тулгуурнуудайш хүсэниинь буураһай.
 Шинии шарайтай зэргэсүүлгээ
 Һайхасаанууд огтолон мартаһай.

Эжэл суг хун шубуудтал хабартаа,
 Инагтаяа ололсон тамарһайт.
 Хүдэр улаан хүбүүд эмээлһээ буун,
 Хүлдэшни унажа, хүгэдэн байһай!

* * *

Хромая, некрасивая девчонка,
 Лишь прянет день над шапками раки,
 Под окнами прерывисто и звонко
 Сухими костылочками стучит.

Спешит деревней к ферме спозаранку
 С раскатистым подойником в руке,
 Похожая на летнюю саранку
 В пунцово-алом стираном платке.

И песенку о парне синеоком
 Несет с собой в подоле вдоль плетня,
 Смеется вслед веснушками из окон,
 Из подворотен рыжих ребятня.

А ввечеру, когда с парнями девки
 Кружат, смеясь, у многих на виду,
 Под музыку, под шумные припевки
 Сидит-грустит в старушечьем ряду...

Как я хочу, чтоб голос твой опавший
 Высоким жаворонком зазвенел,
 Чтоб негодяй, лицо твоё создавший,
 В короткий срок свой брак пересмотрел,

Чтоб вдруг сошло внезапное прозреньё
 И силу потеряли костыли,
 Чтоб о своем с лицом твоим сравненьи
 Красавицы и думать не смогли,

Чтоб плыли вы с любимым в паре
 Подобием весенних лебедей,
 Чтоб жилистые, яростные парни
 К твоим ногам кидались с лошадей!

ПОЭД, ЗУН БА ШАБХАН ТУХАЙ

Халуун июльдэ шаруулаад,
 Зохёохы ордоһоор шатан,
 Ангаһан поэд оробол
 Ниитэлһэн шабханда.

Бага гэмэрээ:
 — Ай, халуун!
 Дачадаа, хотоһоо гараад!

Уһаар дүүргээд ванная,
 Марь Иванны дуудаб,
 Түргөөр тиишэ асархыень
 Ажалайнь хэрэгсэлнүүды.

Одоо һанаашаар һэрюухэн даа,
 Дэбтэрын, шэлтэйхэн лимонад —
 Поэдтэ юун үшөө хэрэгтэйб?
 Заа, зохёохо сагын ерээ...
 Мэнэ гуурһанайнь үзүүрһээ
 Саарһанда унахаар бэлэн
 Бэхын дунһалаар үгэ.

Шүлэгшэн бодолдо абтаа,
 Юугээ мүнөөдөө зохёолтойб?
 Таарамаар зуугаад темэнүүд
 Һанаандань ерээ
 Тиин байһаар
 Поэдэй тархида ороо
 Тоонто тухайгаа дурдахаа.

Анхарха хэрэгтэйл бэээ
 Багынгаа нютагы хээээдэш.

Тээд хэрэгтэй хэды зүйлнүүдын
 Мартагдашоо сагай ябасаар.

О ПОЭТЕ, ЛЕТЕ И ТУАЛЕТЕ

Жарой июльскойю палим,
 Тоской по творчеству томим
 Забрался страждущий поэт
 В универсальный туалет.
 С досадой крякнул:
 — Ну, жара!
 На дачи, за город пора!

Водой наполнив ванну,
 Он крикнул Марь-Иванну,
 Чтоб принесла скорей сюда
 Орудия его труда.

И вот желанная прохлада,
 Тетрадь, бутылка лимонада —
 Чего ж еще поэту надо?
 Заняться творчеством пора...
 И с кончика его пера
 Скользнуть на лист готово
 Чернильной каплей слово.

Стал стихотворец размышлять,
 Чего б ему зарифмовать?
 Достойных музы сотни тем
 Мелькнули в мыслях...
 Между тем
 Поэту в голову пришло
 Родное описать село.

Вниманием, конечно, стоит
 Деревню детства удостоить.

Вот только нужные детали
 С годами забываться стали.

Ай, бараг даа!
 Һанаагүй юумээ —
 Зохёожорхиходо болохо.
 Дээдынгээ бадарал алдангүй,
 Шүлэгөө түргэхэн захиалуу!
 Гуурһаяа хазаарлаад,
 Поэд,
 Тойрон хараба шабхан...

Зай, даа —
 Уһан!
 Үтэр барихам
 Ойн аалихан горхохоние,
 Ангуудай бороолиг талмаие,
 Зэдэгэнэ, ойн эзэ, хүхы!

Гуурһан гүйнэ,
 Табан агшам —
 Уянгата этюд бэлэн.

Бааниин улһан? Заа, болоно:
 Үлэн жэлнүүд, үбэл, шуурган,
 Оргоожоор бүглэһэн онгоошхо,
 Пеэшэндэ шиигтэй шархи,
 Үрмэдүүл хэһэн халааша...

Юун бэлэй үшөө... Аляһан гү?
 «Һүниин адуулга. Шара шубуун.
 Нойрмогоор боргооһод тойроо
 Дүлэтэй түүдэбшын ойгуур.
 Үнэһэн соо тоомгүй хүбүүд
 Хартаабха булаа. Тээ саана
 Моридой турьяха дуулдаа.
 Һүнеэр шүдхэр тухай хөөрөөн...

Ордоһолоо онгод шабхан соо;
 Намаршье, зуншье шүлэглэгдээ,
 Зэргэсүүлгын сүршүүр сэсэргээ,

Ах, ерунда!
 Чего не помнит —
 Воображение восполнит.
 Не проворонить вдохновенье,
 Скорей начать стихотворенье!
 Взяв под уздцы перо,
 Поэт
 Окинул взором туалет...

Ах, да —
 Вода!
 Скорей на мушку
 Лесную тихую речушку,
 Зверей, дождливую опушку,
 Малину, леших и кукушку!

Скрипит перо,
 За пять минут
 Готов лирический этюд.

Рогожа банная? Ага:
 Голодный год, зима, пурга,
 Деревня, вечер непогожий,
 Окно, закрытое рогожей,
 Сырые лапти на печи
 И с лебедою калачи...

Так, что еще... На стенке муха?
 «В ночном. В чащобе филин ухал.
 Кружилась сонно мошкара
 Вокруг трескучего костра.
 Мальчишки шумные пекли
 В золе картошку. А вдали
 Глухое фыркание коней.
 Всю ночь рассказы про чертей...»

Бушуют музы в туалете;
 Стихи об осени, о лете,

Урлиг үгын шаазан шэнхиргээ.
 Үндэр бадаралай дүнгүүд—
 Шаархайн мүннүүдтэл бадагууд—
 Сагаан дэвтэртэ шэлжэнэ.
 Бүтөө холбоо. Хэблэл мүнөө!

Сизифэй ажал дүүргэмсээрээ,
 Табан агшамгүй классик
 Ехээр нанаа алдажа,
 Шүлэгэйнгээ тон адагта
 Гар табяа даруу:
 «Петр Шкуль.
 Семеновка тосхон. Июль».

Фонтан божественных метафор,
 Изящный слог звенит, как фарфор.
 И вдохновения плоды—
 Куплетов галочки следы—
 Ложатся в белую тетрадь.
 Ну, цикл есть. Теперь в печать!

Закончив сей сизифов труд,
 Наш классик без пяти минут
 Со вздохом облегченья
 В конце стихотворения
 Поставил скромно:
 «Петр Шкуль.
 Село Семеновка. Июль».

ЭЭРЫН ХАРМААНАЙ ТҮРГЭН САГ

Оюутад—анханһаа һонюуша зон,
Урагшаа гүйһэн ээрын түргэн саг.
Бурханда эсэргүү үзэлэйнь булаг,
Буурай Грецидэл эхинэйн эхин.

Тэндэ, зуун жэлнүүдэй зэрэлгээн соо
Андромедын манандал бүри холо
Аристотель сэсэн һургаал айладхаа,
Афинын сэсэрлиг соо шабинартаа.

Платоноташаяангыг шүүмжэлээд,
Мэдээгүйл мэргэн, алиш баримтын
Зүбшэрхэб, арсахаб ерээдүй сагта
Зүйл бүригэе һэжэглэдэг оюутан.

Эсэргүү Галилейн үхэлгүй ухаан
Дундада эртын үеиг үндылгөө,
Дэмы сэсэрхээшэд, һүмын нялуун—
Эды мунхагһаа мултарха хүсэл үргөө.

Барселонын буһалгааша оюутад
Бунхан зураа элһэн дээрэ үнэнэй,
Гурим, ном хаяад бурхан шажанай,
«Гаудеамус» дуулалдаа, суг найрлаад.

Тиин—ондоо үеын оюутадай саг ерээд,
Һэльбэгдэн бүхэжөө шэнэ хараа үзэл
Һэргэлтын Үе сахилгаалан буугаад,
Хаан шэрээ мэрээ термидэй үүртэл.

Үнгэрһэн зуун жэлы буһалгаанууд һэжээ.
Үнэншэ, хүлээгдээгүй Маркс бодон ерээ.
Оюутадай бүлгэмэй һалхин далбуур
Орогүй эрьелдүүлээ мушхарһан агаар.

ХРОНОМЕТР ЭРЫ

К Международному Дню студентов

Студенчество—пытливый древний род,
Хронометр вперед бегущей эры.
Родник его богопротивной веры
Начало в древней Греции берет.

Там, за туманной дымкою веков,
Далекой, как туманность Андромеды,
Вел Аристотель мудрые беседы
В садах Афин в кругу учеников.

Развенчивая чувственность Платона,
Не знал мудрец, что каждый аргумент
Оспорит или примет убежденно
Грядущих лет скептический студент.

Бессмертный дух упряма Галилея
Питал средневековые умы,
Вселил надежды вырваться из тьмы
Схоластики, церковного елца.

И, строя замки правды на песке,
Крамольные студенты Барселоны,
Махнув на богословские каноны,
«Гаудеамус» пели в кабачке.

И—новое студенчество шумит,
Крепчают и свежуют убежденья.
Мятежная идея Возрожденья
Монарший трон точила, как термит.

Минувший век крамолы всколыхнули.
Поднялся Маркс—правдив, внезапен, нов.
И флюгера студенческих кружков
На свежий ветер века повернули.

«ЭБ НАЙРАМДАЛАЙ ТҮЛӨӨ»

Франци. Париж хото.
Утаатай огторгой. Харланги хана.
Хаана, яана шэмээгүй,
Хуугайн дохёол уйтайгаар улина.

Энэ нэгэ гудамжа.
Барагар байранууд тэндэ.
Талмай харагдана холо,
Тэндэ зон обоорно.

Дуулдана ооглоон, хашхараан:
«Эрхэ сүлөөтэй болог Алжир».
Буржуйнуудые жададал хадхаал
«Эб найрамдалай түлөө!» гэхэн уряал.

Таршаганаан буугай мэнэ дуулдаад,
Талмай руу сэрэгшэд ерэбэ.
Зада шиидамаар мунсадаад,
Зониие хайрагүй наншаба.

Үйлсэдэ дуулдабал
Үхибүүнэй аргаахан гүйхэнь.
Ханын харанхы араһаань
Хүбүүхэнэй шэбэнээн соностоо.

Харагдаба тиһээр бултайн,
Хүбүүхэнэй ганса толгойнь.
Улаан тоорсог малгайтай,
Удархай пиджаагтай хэбэртэй.
Ханын саана зогсоод нүгөөдэнь
Ханалгатай шэртээ үйлсэ руу.

Үндэршэг болохын тула
Марена хүбүүн Твенэйнгээ

«ЗА МИР»

Франция. Город Париж.
Дымное небо. Черные стены.
Везде, повсюду тишь,
Только уныло воют сирены.

А вот и улица одна,
И мрачные жилища вот.
Площадь вдалеке видна,
Там толпится народ.

Доносятся возгласы, крики:
«Да будет свободен Алжир!»
И колют буржуев словно пики,
Громкие крики: «Мы за мир!»

Но вот застучали автоматы —
На площадь пришли солдаты.
И пошли, пошли дубинки в ход,
Бьют, избивают народ.

Послышался на улице одной
Тихий ребяческий топот,
И слышен за темной стеной
Чей-то мальчишеский шепот.

И вот из-за стены видна
Мальчишки голова одна.
Красный берет на нем сидит,
Ветхий пиджачок на нем висит.
А другой за стеною стоит,
Вдоль улицы он пристально глядит.

А мальчик Марена,
Залез на друга Твена,

Нюрганда аһалдан гараад,
 Тоһон шэрээр бэшээ:
 «Эрхэ сүлөөтэй Алжир болог!
 Дайн хэрэггүй, эб найрамдал мандаг!»
 Тэдэнэй ойро жэжэ хүбүүн
 Баанхатай шэрэ баринхай
 Хоер гарханаараа.

Хэды багануудшые бол,
 Тэдэ дай хүсэнэгүй.
 Тэдэ Алжирай сүлөөгэй түлөө,
 Тэдэ тэмсээ энхэ тайбанай түлөө!

Чтоб было повыше
 И краскою пишет:
 «Пусть будет свободен Алжир!
 Мы против войны, мы за мир!»
 И возле них стоит мальчонка,
 И банку с краской держит он
 Обеими ручонками.

Хоть малы еще они,
 Они не хотят войны.
 Они за свободу Алжира,
 Они борцы во имя мира!

ДЕКАН ТУХАЙ ДУУН

Шаархайн гэр ормоглоhon хүбүүхэндэл
Ороод, модон хүлөөр тоншохол
Бүмбэрсэг дээрэ ори ганса декан,
Бууралхан толгойто шэдишэн.

Багсаамжа, тодорхойлолын далайгаар
Бидэнээ дахуулхал капитан.
...Хубилган шэнэдхэгшэ Петр хаан гэхээр
Хуушан маяг харуулхал декан.

Энэ бэээрээ далайн онгосодол
Ендэрынъ харагдаад орхихол.
Бидэ юнгэнүүд, эдирнүүд—шэнхинээ
Дээгүүрнай Григэй мүнхэ хүгжэм.

Эйнштейнэй элшээр нюдэдынъ сасарна—
Эдээнһээ нюугдахын аргагүй.
Нэргээнэ, нэрюулнэ, нэргээнэ бидэндэ
Хүүгэн хаһымнай зурагууды.

Декамнай шэртэнэ эсэнги нюдөөр
Дайнай үеын гэрэл зурагнаа.
Хэзээ үниин дайнай урда бидэнэй
Хатуу шалгалта бариһаншуу.

Замнай халаатаха, харин шэдишэн
Зүгөөр хэзээшьеб гэнтэ золгоод,—
Ядуу сагтам модон хүлөөрөө тоншоод,
Зүрхэн соом оршон байхал декан.

ПЕСЕНКА О ДЕКАНЕ

Зайдет, постучит деревянной ногой,
Как мальчик, крепящий скворешню,
Декан наш—волшебник с седой головой,
Единственный в мире, конечно.

Он нас поведет за собой, капитан,
По морю гипотез и формул.
... Слегка старомоден и важен декан,
Как Петр, вводящий реформу.

И кафедра тотчас в глазах у ребят,
Как контур скользящего брига,
Мы юны, мы юнги, над нами звенят
Мелодии вечного Грига!

Лучится он светом эйнштейновских глаз—
От них никуда нам не деться,
И будит, и будит, и будит он в нас
Картины ушедшего детства.

... Как с фотки военной, декан наш родной
Усталыми смотрит глазами,
Как будто и впрямь перед прошлой войной
Мы держим суровый экзамен.

Пути разойдутся, волшебник седой.
Но верю я: это случится—
В отчаянья час деревянной ногой
Мне в сердце декан постучится.

УЛАРИ ҲАРЫН САҲАН

Гайхуулаа намар
Улариин саһаар.
Хасуури, нарһад
Сардуулаа мүнгөөр.

Нэгэтэ һэрэзб
Буурал үһэтэй—
Мүнгэлиг манаар
Бүрхөөгдөө газар.

Жэгтэйхэн намар—
Набшаһан, саһан.
Буулгаатай зубхяар
Шэбэрээ гуниг.

Нулимсын дуһал—
Дуранай гэршэ.
Онтохон дүүрээ—
Үнгэрэн ошоо.

Саһанай удаа
Набшаар хаялаа.
Бүглөөтэй сонхоор
Бүжэглөөн дуулдаа.

Вальс нааданал
Дүрбэлжэн гараар.
Саагуурнь намар
Саһаар шэдэлнэл.

СНЕГ В СЕНТЯБРЕ

Странная осень—
снег в сентябре.
Ели и сосны
стоят в серебре.

Ветви окутал
серебряный дым.
Словно вдруг утром
проснулся седым.

Странная осень—
листья и снег.
Грусть из-под белых
заснеженных век.

Слезы осенние
первой любви—
сгинула сказка,
зови не зови.

За снегопадом
идет листопад.
В окнах зашторенных
вальсы звучат.

Играются вальсы
в четыре руки.
За окнами осень
играет в снежки.

ДАХИН НАМАР

Дахин намар хүүен, гэнтэ буугаа,
сэсэрлиг соо эсэнгээр набша унана —
энэ бол ши бидэ хоёрой дуранда
эсэс ерээ гэхэн тэмдэг

Урда зүг руу дууша шубууд зорёо
эрьен бусахал заатагүй хабартаа,
зүгөөр минии намарай мэдэрэл
намтаяа эндэ үлэхэ.

Гээһэн набшаяа шаналһан дуун
хүндырһэн сэсэрлигһээ соностоо,
харин залирһан дуранһаа
эшээдшье яалтайб даа.

Тээд тоосоолдош һаа, бидэнэй
аргадаха үгэнүүдышье олонгүй,
нойтон баглаа сонходо хэбтэхэл,
хүлисэл гуйһан мэтэ.

Намарай Шэбэр* дээгүүр ниидээ
алтан уляангирай мирэлзээн,
бидэ хоёрой сэдхэл сэбэр, гэгээн,
элинэ хүнгэн аминдал.

Дахин намар хүүен буугаа,
сэсэрлиг соо эсэнгээр набша унаа —
энэ ши бидэ хоёрой дуранда
эсэс ерээ гэхэн тэмдэг.

* Шэбэр—Сибирь

СНОВА ОСЕНЬ

Снова осень нахлынула вдруг.
В скверах падают листья устало —
это значит, и в нашей любви
тоже осень настала.

Птицы с криками к югу летят,
чтоб опять возвратиться весною,
а осенние чувства мои
остаются со мною.

По утерянным листьям скорбят
голоса опустевшего сада,
но своей онемевшей любви
нам стыдиться не надо.

Ну а если поссорились мы,
и ты слов не найдешь в утешенье,
ляжет мокрый букет на окне
как мольба о прощенье...

Над осенней Сибирью летит
золотых тополей полыханье,
наши чувства светлы и чисты
и парят как дыханье.

Снова осень нахлынула вдруг,
в скверах падают листья устало —
это значит, и в нашей любви
тоже осень настала.

* * *

Рождествогой бордоһон—
 тугалай бэлшээриһээ гараагүй
 бээрэнги хүшэн эхэнэр—
 задагай галаа түлиһэн гэрнүүдэй ханаар тоншон,
 хашартай нэтэрүүгээр дурадхаа
 сахилма сэбдэг бараагаа.
 Нюдөө шаалгаһан шэрэм дэнлүү
 үрөөһэн хүлөөрөө тулгаһан хилэндэл,
 бүүлхын мухалагта нэнгэн дуурд гээ.
 Тэрэнэй шанаагаар мүлһэн унжаад,
 зайгуул хүбүүнэй нюһа һануулаа.
 Үбэл...

* * *

Рождественская вьюга—
 простуженная молочница
 с провинциальными манерами—
 стучится в дома с затопленными каминами
 и назойливо предлагает
 свой белый холодный товар.
 Чугунный фонарь с подбитым глазом,
 словно аистенок на одной ноге,
 прикорнул у булочной.
 На скулах его замерзли
 подслеповатые сосульки,
 как сопли у бездомного мальчишки.
 Зима...

ҮЗЭЛ БОДОЛ

Тэнгэрийн аянга дуунтай
 тэрэнэй ерэлгыг сасуулмаар.
 Өөрыгөө хүсэд бэшэб гэжэ
 саадын нүгэлтэ бодолтой,
 эсэнги нулсаран нюдэтэй
 шүрдэгэр хитүү хүбүүн—би,
 ялхигар шэрээ дээр тонгойн,
 хүнээр дүүрэн тиихэдэ бэшээ бэлэйб,
 ханаандаа байгуулхан басаганда
 шүлэгэй мүннүүдые удхалан.
 Шубуун дэн аалихан эмнээ,
 саархан дээрэм тархаанууд гүйлдөө.
 Тиин гэнтэ толгойем наншан буугаа
 зохёолгым соробхилмо дүлэн руу—сог дээрэ
 зурагшанай урда хатархан
 сэбэрхэн басагандал,
 нүсэгэн үзэл бодол.
 Намда тэрэ үзэгдөө горхондо шунгаһан
 Фламандиин малша хүүхэндэл.
 Хирэгүй арюухан тэрэнэй нүсэгэн бээ
 хамаг ойлгосын удха нуури нэлгээ,
 амидарал үхэл хоёрыг холбон.
 Зүрхэмни зогсоо шуухиран,
 араата оньһоёо ханхиргаад,
 жэхымээр бэлэй,
 абарал тээшэ лаагтай туфлеэр
 мүйһэн дээгүүр холжорһондол.
 Зуг татама сошолгом үнгэрөөд,
 халуун хүлһөөр нэбтэржэ эхилээб.
 Эдир хүбүүнэй гүлмэр бээ соо
 эрэ хүн мүндэлөөл.
 Одоо тиихэдэ эшэмхэй
 минии гэнэн бодолдо
 басаганай уралнууд
 хорюултай үгэдэл ягааран байгаал.

ИДЕЯ

Разве что с ударом грома
 сравнимо ее появление.
 Застенчивый тощий юнец
 с вымучившимися глазами
 и демонической мыслью
 о своей неполноценности
 горбился я той ночью
 за письменным шатким столом.
 Строил воздушные замки
 блаженного миропорядка.
 Корпел над стансами для девушки,
 которая была лишь фикцией.
 Мирно мигала свеча,
 и по бумаге шуршали тараканы.
 И вот она обрушилась мне на голову
 в бодром огне высоких абстракций—
 голая та идея,
 прекрасная как натурщица,
 танцующая на углях.
 Она напоминала фламандскую пастушку,
 купающуюся в ручье.
 Перед наготой ее и целомудренностью
 сместились все понятия,
 жизнь и смерть слились в единый символ.
 Сердце остановилось,
 слышался краткий возглас
 скрежетавших его шестерен,
 стало жутко,
 словно я в лакированных туфлях
 спасался по скользкому льду.
 Но исчезло оцепенение,
 жарким потом выступила усталость.
 В тщедушном мальчишеском теле
 родился мужчина.
 А ведь даже девичьи губы
 в стыдливом моем сознание
 алели запретным словом.

* * *

Үнеэнэй нюдэд соо наран шэнгээд,
үбһэнэй сарайгаар нөөлдэшэнхэй
хоолойтой эрэ тахяа хуугайлаа:
хашартай болооб үүр хираан гэхэншүү.

Шанха дээрэм булангиртай тэбшэ соо
шаргал нарын шанага намараа.
Долоон Үбгэд далаганаа ууртайгаар
долонгир нохойнуудта набаагаараа.

Аргалай гашуун утаан нуунагтан,
абата бөөгэй сан-бун хануулаа.
Бала нохор, туранхай шабганса
бурханай урда зулаа бадаргаа.

Харин хорёо соо эльгэ хатан эгтээ,
Хүхиргөөнэ нойтон мунса өөрыгөө.
Хүйхэр муяа модондо бүгтэргөөд,
хүлэртэрөө барлагаа боожоор сохёо:

«Яг бү гэтэ убайгүй нюдөөрөө,
Яяр яндан, юрэндэггүй бузгай,
Үшөө гүйлши хүнindөө, ала салдан,
сэлееэнэй үмдэгүй коммунистууд руу!...»

Боожо эшхэрээд, нэбюурэй орондо
боро хараан руу ёолоон тамараа.
Шунахай баянай нэгшээн соогуур
шуна лэбшээ хитад үзэгөөр нюрган.

... Ойлгоошгүй гээбы урматай аахилһан
тоһобхи тэрлигтэй шалхагар ноён
хан гэхэ зөөригүй хоһон барлагай
хахархай самса дор юунэй болоһые:

* * *

Закат в глазах коровьих потухал.
Над ветхой ригой, благостно изранен,
Плясал скорбящий голос петуха:
Как долго ждять, поющему, мол, рани.

Над головой, в мутнеющей лохани
Бежал луны желтеющий черпак.
Семь Старцев* над улусом посохами
Махали зло на лающих собак.

Дымились кучи горького аргала*,
Как фимиам гигантского жреца,
Лампадки у бурхана* зажигала
Иссохшая слепая шабганца*.

А во дворе, смеясь беспричинно,
И с радостью своей наедине,
С вожжами хекал потный кулачина,
Переломив барлака* на бревне:

«Не пьаль, не пьаль бесстыжие глаза ты,
Такой-сякой, юродивый, хамло,
Не будешь бегать ночью, голозадый,
К бесштаным коммунистам на село!..»

Вожжа свистела вместо опахала,
И вздохи в сумракплыли от бревна.
И под смешок кулацкий опухала
Иероглифами алыми спина.

... И вряд ли знал, когда довольно охал,
Нойон мордастый в сальном тэрлике*,
Что под дырявой потною рубахой
Вершилось чудо в нищем батраке:

Амидын тама, зоболон үзэхэн,
 үзэн ядаһан барлагай зүрхэн соо
 сабидар азаргын соройн дэбхэржэ,
 сабшан байхыень, шүдэрөө таһалан.

В бедняцком сердце, полном возмущенья,
 Истерзанном, измученном вконец,
 И вырастал, и бился в исступление,
 И путы рвал багровый жеребец.

- * Семь Старцев—созвездие Большой Медведицы
- * аргал—кизяк, высохший коровий навоз
- * бурхан—молитвенник с буддийскими иконами
- * шабганца—старуха
- * барлак—батрак
- * тэрлик—вид стеганого халата или полупальто

* * *

Хүхюутэй ногоон гүрбэл мэтээр
 түргэн поезд ходорон ошоо.
 Юун нэм бэ тэрээндэ,
 түмэр замшанай шарахан басаганай
 кинозүшэгшэндэ нюусаар дурлахада?
 Түргэн поезд үнгэрэн ошоо
 хуй халхиндал,
 яларма баяртай түби дэлхэйн
 түермэ хэсэг.

Дэрэ модон дээгүүр харайн дахаа
 хүүхэнэй хитүүхэн хүсэл,
 улаан шарахан эзэндээл
 тоогүй бүдэнтэй.
 Тиин гал тэргэ хүсэнгүй,
 тэрэ амидаад,
 гэнтэ үхэшэнэ наранай жаргаан соо,
 үүрэй сайлганаар дахин рельсээр гүйхэээ.

* * *

Зеленой веселой ящеркой
 проносится курьерский.
 Какое ему дело,
 что стрелочника рыжая девчонка
 в киноартиста тайно влюблена?
 Проносится курьерский,
 словно смерч,
 грохочущий осколок
 сверкающего радостного мира.
 И вслед ему бежит, бежит по шпалам
 застенчивая девичья мечта,
 в веснушках вся,
 как рыжая хозяйка.
 И, поезд не догнав,
 от бега задохнувшись,
 Вдруг умирает на луче заката,
 чтоб на заре опять бежать по рельсам.

ХҮБҮҮНЭЙ ШҮЛЭГ

Заримдаа намда
гэгээн бодол айлшаар ерэдэг —
сохо дээрээ одотой
танигдаагүй хандамаа.
Нэрхигэр халхабшань
нюдыеень бүглэнхэй.
Гансал намда зохид,
наартайл угаа, энээн тушаа хашхархайб
үйлсөөр халирхан юрэ ябаашадта:
«Нэй, хүнүүд, бодогты!
Мянган жэл соо нэгэ дахин
хаягты ажалаа,
тиин гэртээ шамдан ошогты!
Тэндэтнай гайхал түрөө:
хүн бүхэнэй хуушан торхо соо
хатаһан фикусууд сэсэглэшоод,
тэдэнэй хангалһаа, дүйрэмэ анхилаанһаа
танай бууралтанги һамгадай
толгойнь эрьенэл.
Хүршэнэрэй нюдэн дор
нэргэн һалбарнал тэдэ,
эдир хүүхэд болон хубилнал,
хадамай басагад болошонол.
Тиин гүнгэнөөл алая дуу,
үнгэрһэн жэлнүүдээ
уярма гэнэхэн
мэхэгүй хонгор романсаар бусаан».

МАЛЬЧИШЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Ко мне иногда
вдруг является светлая мысль —
непонятная фея
со звездой на лбу.
За прозрачной вуалью
ее глаз не видать.
Только мне хорошо,
до того хорошо, что я крикнуть хочу
погрузневшим усталым прохожим:
«Эй, люди, восстаньте!
Впервые за тысячу лет
бросайте работу,
спешите скорей по домам!
Ведь свершается чудо:
У каждого в старой кадушке
расцветают зачахшие фикусы,
и от их аромата, дурмана дурманов,
кружатся головы
ваших седеющих жен.
И они молодеют,
на глазах у соседей
превращаются в юных девушек,
превращаются в прежних невест.
И мурлычат с любовью
сентиментальные
глупые романы
тех девичьих, вернувшихся лет».

* * *

Одоо бэшэ уулзахагүйш
 жэгтэйхэн тэрэ хүнтэй.
 Үдэшын бордоһолиг гудамжаар
 ябаһан һонюуша хүгшөө
 нюдэндөө хүхэльбэ уһанай шэлтэй
 ямаршьеб хүбүүе гайхаба:
 — Яашаһан хүбүүн гээшэб?
 Юрэдөө, тойроод шэб балайл!

— Нюдэнэйм орондо наран юм,—
 гэжэ гунигтай харюусаад тэрэнь,
 зон соо орон, зайлашоо хараһаань.

* * *

Уже никогда не встретить
 того странного человека.
 На вечерней завьюженной улице
 любопытная старушонка
 изумилась какому-то юноше
 в темно-синих пляжных очках:
 — Что за странная причуда?
 Ведь не видно ни зги кругом!

— У меня вместо глаз — солнца,—
 Ей печально ответил юноша
 И побрел, в толпе затерялся.

ЯБАГАН МҮРНҮҮД

* * *

Ай, эхэ оромни,
харан сасуу шамаяа,
дуумни залирнал хитүүгээр.

* * *

Бишыхан ягаан тугтал
түби дээрэ хиисэнэ
минии эхэ нютаг—
Буряадни.

* * *

Ай, булжамуур—
 годлинуудһаа тэрьедэһэн
 тэнгэрийн зүрхэхэн!

КРАТКОСТИШИЯ

* * *

О, родина,
лишь гляну на тебя—
моя песня умолкает смущенно.

* * *

Крохотным алым знаменем
над планетою бьется
отчизна моя—
Бурятия.

* * *

О, жаворонок—
 сердечко неба,
 убегающее от стрел!

БАСЁ

Шинии номноо гурбан хуудаһа уншааб.
Ай, сэсэн япон хүн, дуугай!
Сабшагдаагүй нуга руу гүйхым таби,
шумуулай уншарагтай шарьяан соо хэбтээд,
эгтээл огторгой руу шэртэхым.

БАСЁ

Три строчки я в книге твоей прочитал.
О, мудрый японец, молчи!
Дай мне убежать на некошенный луг
и, лежа в трезвоне цикад неумолчных,
бездумно на небо смотреть.

* * *

Хүгшэн абам һангирхай хуушан эмээл
хододоол шэрээд ябадаг бэлэй.
Жэгтэй хүн һэн,
багха зүнтэгэй һууритай.
Тиибэш эмээлынъ хаяхаа би зүрхэлнэгүйб.

* * *

Эмнигыг һургана буряадууд.
Унаган хаһатаяа хахасахаяа айн тэрэнь,
хазаар хаяулаад, инсагаалаа, үншэрэн.
Бишье иимэл мундуу, дошхон байгааб
табан хабарай урда.

* * *

Хүбүүгээ эльбээд,
залд гэшооб:
сагай толи соо
өөрөө өөрыгөө
хараһаншуу байгаал.

* * *

Мой старый дед всегда возил с собой
морщинистое рваное седло.
Чудак он был,
свихнувшийся рассудком.
И все ж седло я выбросить не смею.

* * *

Буряты коня укрощают.
Он ржет сиротливо и бьется в уздечке,
страшась распрощаться с детством.
И я был таким же упрямым и сильным
пять весен назад.

* * *

Погладил сынишку
и вздрогнул:
как будто увидел
себя самого я
в зеркале времени.

* * *

Мүнөө хүнийн зүүдэндэ
бараан шарайтай уг эсэгэм үзэгдөө.
Дэрээрни нуужа, түбэнгийн дуу татан,
оглообли сэхэ хүлнүүдым
урмаа таһарангыар һабардаа.

* * *

«Эмээл дээрээ үхэнэйб
ёһотой буряад эрэдэл,
зэбээр зүрхөө онуулаад!»

... Ай, тэнхээгүй сэхээтэн
юугээ дахин хүсэлбэб.

* * *

Холо хариин газарта
эхэ нютаг тухай бодол
һаруул, һайхан лэ.
Ори ганса юм тэрэм гэжэ
ойндоо хурсаар мэдэрнэб.

* * *

Сегодняшней ночью
приснился мне смуглый предок.
Он пел в изголовье гортанные песни
и с жалостью шупал мои
прямые, оглоблями, ноги.

* * *

«Умереть бы в седле
со стрелою под сердцем,
как истый бурят!»
... Ах, опять размечтался,
неможный интеллигент.

* * *

Вдали, на чужбине,
о родине мысли
светлы и прекрасны.
Острой ощущаю:
она у меня одна.

БАЙГАЛАЙ ЭРЬЕ ДЭЭРЭХИ ХҮҮХЭН

Унаад
бүлээн элһэн дээр,
долгиной дуунһаа аяшараа,
хасараарнь гоожон үлөө
нулимсын сайбар һаба.

ДЕВУШКА НА БЕРЕГУ БАЙКАЛА

Лежит,
упав на теплый плес,
уснув под песнь волны,
а на щеках ее видны
сухие русла слез.

* * *

Мэдэрнэб,
хаанашьеб нэгэ дүүхэй бии.
Эшхэрбэлнь —
гүйхэб хойноһоонь
хаб нохойдол.

* * *

Мүнөөдэр бүхөөг дор
инагтаяа тоосолдоод,
гэнтэ зүрхэм яншашоо,
хитад болор хундагын
ганташаһан мэтэ.

* * *

Хашаа соо түрэбэ хурьган.
Саб сагаахан тэрэ,
тон аршагүй бээдээ,
хушалтын забһарай наранай туяа
толгойень зураа хутагадал.

* * *

Чувствую:
девушка где-то есть.
Свистнет —
за ней побегу
собачонкой.

* * *

Сегодня под аркой
при ссоре с любимой
вдруг екнуло сердце,
как будто надтреснул
хрустальный китайский бокал.

* * *

В кошаре родился ягненок.
Он был белоснежен
и так беззащитен,
что солнечный луч из прорехи на крыше,
как нож, полоснул по головке.

* * *

«Арбан наймадахи хабарни
дахаяд намда бусахагүй»,—
гэжэ үсэгэлдэр бодооб.
Тиин шурхирса уйлааб,
досоомни юундэбшье шэмшэрээд.

* * *

Ай, тэрэ ямар найхан
сэдьхэл доһолмо агшам нэм!
Тээд тэрэ хаһые бусалтагүй
абаашаа ууса дээрээ тээн,
сагай хүлэг...

* * *

Хүүгэндэл юундэ
сэбэр саарһанай урда
зүрхэ алдаабиб?
Ажамидархым дахяад
зүбшөөрхэ байһаншуу.

* * *

«Никогда мне не будет больше
восемнадцати весен»,—
подумал вчера я.
И горько заплакал,
так больно вдруг стало.

* * *

О, это было прелестное
трепетное мгновение!
Но его безвозвратно
унесла на своем крупе
лошадь времени...

* * *

Что заробел я
перед чистым листом,
как ребенок?
Словно заново жизнь
разрешили начать.

* * *

Үбгөөмни сабшадаг нэн
үдэрэй гектар хадалан.
Энэ хабар нүгшөө.
Би—ашаньби.
Нэй, хэн намда харбайхаб хажуур?

* * *

Хахад жэл соо эмээл дээрээ ганхахаб,
зэрэлгээтэ, адуун талаяа хүрэтэрөө.
Бишыхан хүүгэээ гэртээ
орхиһондол харууһагүй,
досоомни хүлгэнэ, нютагаа һанаад.

* * *

Балшар хаһадаа нэгэтэ
худаг руу энеэһээр шагаагааб:
жэхыгээб одоо, айдаһам гэнтэ хүрөөд,
нэрюу дааһан, сууряатай гүнзэгьдэ
мүнхын шарайн харагдашаһандал болоо.

* * *

Мой дед выкашивал
гектар травы на дню.
Весной он умер.
Я—внук его.
Эй, кто одолжит мне литовку?

* * *

Полгода в седле мне качаться
до марев табунной отчизны.
Тоскую о ней и волнуюсь,
как будто ребенка
оставил в дому без присмотра.

* * *

Однажды, еще карапузом,
в колодец, смеясь, заглянул я:
и стало так жутко и странно,
как будто я в гулкой прохладе
бессмертья увидел лицо.

* * *

Ай, тэнюун балшар
бага наһанайм нарата хашаа!
Ши бишыхан,
татуургатай үмдэн мэтэш —
тэрээн сооһоош үнинэй ургааб!

* * *

Сэнхир бага наһаяа зүүдэлээб:
булгяа морин хүүгэдэй шоглоон дор,
хүл нюсэгэн намайе ногоон дээрэ хаяал.
... Тиин би шала дээрэ һэришоод,
һанаа алдааб харанхыда, һахалтай хүн.

* * *

Гунигтай гурбан
буурал дэгдээхэй
зүрхэн дороо тэнжээгээб
урагшагүй уйтай үдэрнүүдтээ:
«Се ля ви».

* * *

О солнечный двор
безмятежного детства!
Ты крохотен,
словно штанишки с подтяжкой —
из них безнадежно я вырос!

* * *

Приснилось мне синее детство:
коняга под хохот ребячий
босого в траву меня сбросил.
... И тут на полу я проснулся,
вздохнул в темноте, бородатый.

* * *

Трех грустных
седых аистят
вскормил я под сердцем
в тоскливые дни неудач:
«Се ля ви».

* * *

Һүниие дүүрэн үүр хираанай сайтар,
сэсэрлигэй зүргөөр бодомжолон тэнээб
ажабайдалай гүн нюуса тухай.
— Юу гээгээбши? — гэжэ
асуугаа хамууршан абгай.

* * *

Уйланги зубхинууд дээрэм аалаяр
уляангирай набша унана.
Абаад тэрэниие бодооб: «Хүнэй
зүрхэн иимэл эгээлэй гээшэ аал?»
Өөрөө өөртөө харюусааб: «Үгы».

* * *

Тэрэ хабарай үглөө
гэнтэ
зуу хүрэнэн адуушанай нүгшэхэдэ,
модон гэрэйн сонхын хаалгада
туунай дальбараа хальһаа соолоо.

* * *

Ночь напролет до самого рассвета
бродил я по аллеям, размышляя
о глубочайших тайнах бытия.
— Что потерял? —
спросила дворничиха.

* * *

Тихо на заплаканные веки
опустился тополиный лист.
Взяв его, подумал я: «Неужто
сердце человека так же просто?»
И ответил сам себе я: «Нет».

* * *

Тем утром весенним,
когда
вдруг умер столетний табунщик,
меж ставен его пятистенки
грачонок разбил скорлупу.

* * *

Найхан сэдхэлтэй
намда хүндэл
дайсадгүй байхань.
Бии аад нэгэн
наһа бараал тээд.

* * *

Минии мэдэлэй алба хаагшад соо
тэрэ хүбүүе танижархёоб,
халааһатай оодон үмдэтэй
оромгүй тэрэ багадам наншаад,
хүхэ бала болгоо һэн нюдым.

* * *

Сэлезнэй арын буддын шажанай хүүр дээр
һарагүй һүнеэр жэгшүүритэй улилдаа
галзуу зольбо нохойнууд,
тииһээр тэдэниие буудаа бултынъ.
Шэмээгүй...

* * *

Трудно мне,
доброму,
жить без врагов.
Был один,
да и тот умер.

* * *

В одном из своих подчиненных
узнал я того мальчугана
с заплаткой на куцых штанишках,
который мне в детстве поставил
под глазом лиловый фонарь.

* * *

Безлунными ночами громко выли
на кладбище буддийском за деревней
свирепые бродячие собаки.
Давно их всех перестреляли.
Тишина...

* * *

Мүргэдэг үхэрэй эбэртэ ороһон
хабиргым хатанхай шарха
балшар наһанайм
дурасхаал болоод үлэһынь,
мүнөөдэр һамгандаа харуулааб.

* * *

Бэшээтэй соносхол:
«Тамдарһан Зүрхэдэй Зүргэ»,
«Танигдаагүй үгэнүүд,
теэд нэгэ тээ дуулаһан шэнгил...»
зуг татаад халта, саашаа үнгэрөөб.

* * *

Инагһаам ерэнэн бэшэгүүдэй багсаар
жагсаһан заанииеш унагаахаар бэлэйб.
Тээд гэрлэхэ тухаймнай мэдээд,
хэрмэн маряатай эхэмни һэжэрээ
хуурай боролжодол үһээ.

* * *

Засохший рубец между ребер
от рога бодливой коровы,
как память
мальчишеских лет,
сегодня жене показал я.

* * *

Гласила табличка:
«Аллея Разбитых Сердец»,
«Слова незнакомы,
Но где-то их слышал...»
Помедлив, я дальше побрел.

* * *

Пачкой писем от моей возлюбленной
я мог бы свалить пожилого слона,
но, узнав о помолвке,
пожилая мать только покачала
сухим кустарником волос.

* * *

Жин-жин, бүм-бүм! —
жэнгинээ дуһал.
Ямар хэбрэг, уян бэ
бороогой хурганууд,
хайратамни!

* * *

Үбгэжөөл дуурана хүмын ойро.
Үзэгдөө,
зэд шара май загаһадай дунда
мүнгэн тула наранда
игаана гэжэ.

* * *

Наяар лэ таахада,
нүгшэхэ ха эмгэйм:
байд гээд лэ, наянай
холын залуу сагаа
дурсадаг болонхой.

* * *

Тир-линь, бом-бом! —
звенит капель.
Как пальцы у дождя
хрупки, изящны,
милая!

* * *

Старец дремал у церквушки.
Казалось,
среди медных селедок
греется на солнце
серебряный карп.

* * *

Наверное, скоро
умрет моя бабка:
все чаще и чаще
далекую юность
она вспоминает.

* * *

Найндэртэ нэрибэб
наруулхан бодолтой,
хаанаб даа, хүхнэн
наһажаал бүлэдэ
ууган хүбүүн түрэлэй.

* * *

Утал наһатай болоһойб, юрэдөө,
найн хубсаһатай буурал үбгэжөөлэй
үмсынгөө «Фордын» үүдыень түшөөд,
үхибүүндэл яахадаа
орилһыень мэдэхээ.

* * *

Хашхараа:
«Дааранаб!» —
альгынь
баряд жэгнэһыем,
дулаасашоо бэлэй барһам.

* * *

Проснулся я в праздник
со светлюю мыслью,
что где-то, о радость,
у старых супругов
родился их первый малыш.

* * *

Хочу дожить до старости глубокой,
чтобы узнать, зачем рыдал по-детски
седой старик, одетый хорошо,
на дверцу собственного
«Форда» опираясь.

* * *

Кричала:
«Холодно!», —
когда
я грел ее ладони,
бедняжке было так тепло.

* * *

Трубная талмайда,
зургаан сая зонтой Москвада
ядуу нэгэ буряадтай золгоо бэлэйб,
огтошье танихагүй байһан аад,
угсаатанаа баясан тэбэрэб.

* * *

Ямар зохид нэм энэ үдэшэ!
Дүүрэн шэгээтэй трамвай хүдэлөө.
Энээсэгээн наһажаал эхэнэр
саһан дээгүүр суглуулаа
шагтанууды.

* * *

Ямаршьеб басагахание хүдөөлнэ.
Түрэлхидынь уйлана, гажарна зэд хүгжэм.
Нороһон шулуун харгыгаар,
батон абахаяа мартаад,
зоной араар ябааб.

* * *

На Трубной площади
в Москве шестимиллионной
я встретил изможденного бурята
и, ничего о нем не зная,
я кинулся сородича обнять.

* * *

Так хорошо было в этот вечер!
Трогался переполненный трамвай.
Смеющаяся старая женщина
подбирала на снегу
пуговицы.

* * *

Девчоночку какую-то хоронят.
Родные плачут, безутешна медь.
По вымокшим булыжникам
бреду в конце процессии,
забыв купить батон.

* * *

Хүдөөгэй тагтаанууд
унагаагаа хоргоол
албан бэшээшэ зургаанайм сонходо...
Зүрхэмни үүдээр хабшуулһандал,
гансаардалгын уйдхарта эзэлэгдээб.

* * *

Хүлгүй эмгэй
яаһан ехээр уйлаа нэм!
Тээд би
зүрхэсөөгүйб
нулимсыень аршакхаяа

* * *

Архиншан наншаа һамгаяа.
Тэрэнь хэбтээ
ойндоо дурсан
гургалдайта майн үдэшые,
түрүүшынгээ үнэсэл.

* * *

Деревенские голуби
урунили помет
на окошко моей канцелярии...
Одиноко и грустно вдруг стало,
словно сердце в дверях прищемило.

* * *

Как плакала
безногая старуха!
Но я
боялся
утереть ей слезы.

* * *

Пьянчуга бил жену.
Она лежала,
вспоминая
тот соловьиный майский вечер
и первый поцелуй.

* * *

Хэн, хэн намайе өөрымни хэлээр ооголбоб?
Хүнгүй шэнхинээтэ болор оршондо
Москва шадарай хуһаханууд
номин эрдэнеэ тэһэргээ.
Далиин һүүдэр нюуртам.

* * *

«Аркадий»,— гээд
танилсаба намтай ушарһан буряад.
Шэхэндэм нэрэнь соностоо
юрын албан зургаанай гаршагтал.
Абьяагүй гарыень адхаа нэм.

* * *

Һанабаб нэгэтэ:
нүхэдни хуу нүгшөөд,
гансааран амиды үлэнхэйб.
Эшхэбтэр, жэрхэштэй болошоо,
Сасаг дэндэ уялаа үлгэхөөр.

* * *

Кто, кто окликнул меня на моем языке?
В голосисто-хрустальном безлюдье
изумрудно-зеленые взрывы
подмосковных берез.
Тень крыла на лице.

* * *

«Аркадий»,—
представился встречный бурят.
То имя в ушах прозвучало
стандартной конторскою вывеской.
Я молча пожал ему руку.

* * *

Представил однажды:
друзья все погибли,
среди них лишь один уцелел я.
Так стыдно и мерзко мне стало,
хоть галстук на люстру повесь.

* * *

Эмгэй амин дээрээ
гашуудаа,
хоёр түйсэ хайлуулһан тоһо
хүршэдөө үритэйгөө һанан
энэ һэн бүхы нүгэлынь.

* * *

1

Зохёһойб ута гэгшын дуу,
малаа дахан ябахадаа.
Наһан соогоо дуулан,
хүүртээ оротороо дуулан,
удамдаа энжээр орхихоёо.

2

Ута гэгшын дуу зохёодог һаа,
малаа адуулангаа.
Оторо дуулан,
хүүртээ оротороо дуулан,
энжээр орхихоёо удамдаа.

* * *

Скорбела она,
умирая,
что жаль, задолжала соседке
две кринки топленого масла,
и этим лишь была грешна.

* * *

Придумать бы длинную песню,
идя за стадами.
Всю жизнь ее петь,
до самой могилы петь.
Потомкам в наследство оставить.

НАМАРАЙ ХИИ ҮЗЭГДЭЛНҮҮД

Юуншьёб тухай таамаг зөөлэнөөр шэбэнээш,
сонхын саана бороогой набиpһандал.

Али магад, бороол шарьяна гү газаа,
харин бэшыень зүүдэндээ миин хараа гүб?

ОСЕННИЕ ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

Ты нежно, бессвязно мне что-то шептала,
как будто бы дождь шелестел за окном.

А может быть, дождь шелестел за окном,
и все остальное мне только приснилось?

ҮБЭЛЭЙ ЗҮҮДЭН СОО* * *

Үбэлэй зүүдэнэй гүн шэдхые дабаад,
 нулаxанаар тоншоһон абяан дуулдаба.
 Хэн бэ, үүдэндэ? Төөриһэн аяншан гү,
 али ниидээндээ хүлдэһэн шубуун гү?

* * *

Зэд хүбшэргэйнэ хүлгөөн соо
 хэнэйшьеб уйдхар ба нюуса ханаа алдалга.
 Шуурганда унаһан наһаар
 урлагдаал ха энэ скрипкэ.

СКВОЗЬ ЗИМНИЙ СОН* * *

Сквозь зимний сон, дремучий и глубокий,
 услышал я неясный слабый стук.
 Что там, за дверью?.. Путник одинокий
 или замерзла птица на лету?

* * *

Чья-то горесть и вздох чей-то скрытный
 в этом трепете медной струны.
 Словно сделана странная скрипка
 из поверженной бурей сосны.

ХААНАШЬЕ ХАБАРАЙ ЖАГСААЛ

*«Бурядайд залуушул» сониндо Владимир Липатовтай
суг ябуулхан мэдээ сурбалжалга*

Жэгүүртэ космонавтнууд бэшэ аад,
Жэгтэй эрэлхэгээр нийдээбди,
Астронавтнуудые нажаагаад,
Агаарай ягаахан шаарнуудаар.
Түрэл гэрһээн «прессые» гаргаад,
Тэнгэрийн уудам руу дэгдээбиди.
Үүлэн дээгүүр, бурханай үбэртэ
Сэтгүүлшэдэй дуунууд наяраа.
Түү доогуурнай эртын сэнхиртэ
Тосхонгууд, таряалангууд нэлгэлдээ.
Һайндэрэймнай экран дээрэ
Май нарын буряад дайда нэмжыгээ.
Иишэ хабар гээгдэнгүй ерэдэг,
Эшхэрһэн шуурганай мүр мүрлэн.
Хүхэ гал тэргэ—мүрэнүүд урдаад,
Хойшо-урагшань майе зөөлгөө.
Харин Байгал—агшан зуурын нюуса,
Хэтэ мүнхын арюун сэбэр һүлдэ.
Сэнхир номин онгосын дүрсөөр
Сарьдаг уулын орой зүһэн эсхээ.
Байгал далай, тэнжээгшэ манай аба!
Баян дэлгэрэй дундаршагүй наба,
Хэдэн үе амитан зониие
Хүл дээрэнь гаргажа шадаалши!
Хуушанайш уйдхарай нулимсаһаа
Хамаг далайдал гашуун болоогүйш.
Маанарта тэрээ тэрэ добуунһаа
Май нарын улаахан тугаар далбаа.

... Заа, баяртай. Зүүн тээшэнь шэглүүлээ,
Зэрэлгээндэ хайлаа эрьенүүд.

ВСЮДУ ШЕСТВИЕ ВЕСНЫ

*Репортаж для газеты «Молодежь Бурятии»,
написан совместно с Владимиром Липатовым*

Не в пример крылатым космонавтам
Мы летим на свой на риск и страх,
Уподобясь смелым астронавтам,
На воздушных розовых шарах.
Кинул «прессу» с милого порога
Жаркий ветер в солнечную высь,
В облаках, за пазухой у бога,
Песни журналистов раздались.
Под ногами, в засиневшей рани,
Проплывают села и поля,
Предстает на праздничном экране
Майская бурятская земля.
Здесь весна спешит без опоздания
По следам давно ушедших вьюг,
Реки голубыми поездами
Май несут на север и на юг.
И Байкал внизу—как тайна мига,
Символ вековой красоты—
Контуром лазоревого брига
Рассекает горные хребты.
Ай, Байкал, кормилец наш извечный!
Изобилья благодатный рог,
Сколько поколений человечьих
На ноги один поднять ты смог!
Ты от слез былых, бывшего горя
Не посолонел, как все моря.
Над тобою машет нам с пригорья
Алым стягом майская заря.

... Ну, прощай. Относит нас к востоку,
В горизонте таят берега.

Одоо сүлөөтэй, үргэн нэмжээ,
 Омог хүбшэ амилна гүндүү.
 Мододой оройнууд, мартаад жаяг,
 Мүнхэ тэнгэрийн дээбэри хамаа.
 Энэл даа — манай ногоон баялиг.
 Энхэ Сибириин агуу хүбшэ тайга!
 Инагай охиндо абтаад ангууд,
 Шуһаа бусалан, урамдажа буйлаа
 Урмагүй амидаралынь нэргээн,
 Урин хабарай дуран ерээл!
 Ойн зүргэнүүд годироо, бэдирээ,
 Ошоо тиишэ Смирнов Володя буутай,
 Ород яһанай хүдэр янзын хүбүүн.
 Хүбшэ руу түрүүшынхиеэ ерээ,
 Хүбүүнэй сэдхэл ойгоор эзэлэгдээ.
 Найхан арһа заха, малгайн
 Найндэртэ тэрэ бэлэгээр асараа.
 Эгээ энээрүү, али холо бэшээр
 Эрхим Валерий Кузнецов үнгэрөө.
 Үргэбшэ үргөөд, отрядаа дахан,
 Үгэгүй дуунай аялга гүнгэнэн:
 «Шимни халуун тала тээшэ ошоош,
 Бишни тагнуулаар хүбшэ руу зорёоб.
 Дээрэшни ааяма халуун наран шаранал,
 Нам дээрэ — саһан соохи хушанууд».
 Нээрээш, Валера, харгышни ута,
 Ашаагаар ябажа һураагүйлши:
 Ашагта малтамалшадай эрхимши.

... Теэд — байз! Үүлэн соо бага нойрсоод,
 Тэс буужа гэнтэ шанга һалхин,
 Туушаба урда наруули зүг руу
 Майн нэгэнэй манай шаарнуудые.
 Мүхэрээн түби эрьелдэнэ глобустал,
 Урдаһаамнай тала бодожо ерэнэ,
 Улаан наранай галта долгинууд соо
 Удаан махаабди сэнхир эрьюулгээр.

И под нами вольно и широко
 Гордая волнуется тайга.
 Кроны, отвергая святотатство,
 Подмечают потолки небес,
 Вот оно — зеленое богатство,
 Наш сибирский, наш могучий лес!
 По любимым здесь тоскуют звери,
 В жилах бьется молодая кровь —
 К жизни их вернула из беззверья
 Нежная, весенняя любовь.
 С верхотуры незаметны вроде
 Лабиринты тропок и дорог —
 Там прошел с ружьем Смирнов Володя,
 Коренастый русский паренек.
 Нынче он в тайгу пришел впервые,
 Сразу по душе пришелся ей:
 Славные подарки меховые
 Паренек принес на юбилей.
 Где-то здесь, а может где-то рядом,
 Проходил Валерий Кузнецов,
 С рюкзаком шагая за отрядом,
 Он свистел мелодию без слов:
 «Ты уехала в знойные степи,
 Я ушел на разведку в тайгу.
 Над тобою лишь солнце палящее светит,
 Надо мною лишь кедры в снегу».
 Да, и впрямь, твой путь, Валерий, долог,
 Быть в обозе ты ведь не привык:
 Лучший в управлении геолог,
 Комсомолец и передовик.

... Только — чу! Внезапно и упруго,
 В облаках дремавший до поры,
 Ветер гонит к солнечному югу
 Наши первомайские шары.
 Словно глобус, вертится планета,
 Катит степь шарам наперерез,

Дээрэхээ үзэгдэхэн зурагуудыг
Дороогоо яагаад харахаа даа.
Тиин үнэн хани блокнотууд дотор
Бэшэгдээ үндэр шобхо үгэнүүд.

... Мүнөөдэрнай ёхоор уларил найтай,
Бүдүүзгэй, шэдишэндэл нюусатай,
Бараан шарайтай Филиппов Гоша
Клуб дээрэ улаан туг үлгэнэ.
Наран сээжэдэнь толботон үзэгдөө
Алтан орденууд гээшэ гү гэхээр:
Нёдондо тарья хуряалгада Георгий
Юнэн мянган центнер ороого хадаа!

... Гоё даа үүлэн дээгүүр нийдэхэдэ,
Газартамнай, харыт, үндыбэл
Сээл хүхэхэн, шэнэхэн тарьян,
Суур лимбээр нара руу тэгүүлэн!
Тосхон соо адхархан субадтал
Тэрлигээ үмдөөд, номин хүхэнүүд,
Эбтэйгээр хүбүүд эхилнэ ёохороо,
Энээрэн басагадаа гархаань хүтэлэн.
Ямар гоёор дуулалданаб басагад —
Яаш шүлэгтөө харуулжа шадахагүйб.
Дууень үргэлжэлэн булжамуурнууд
Дээрэ агаарта дүүжэндэн зэдэлүүлнэд.
Тээ тэрэ барилдаашад обоорно,
Нэгэниинь танил шэнги, тээд хэн?
— Мүрөө дэлиһэн баатарнай тэрэ
Мүнөө таняаб, Доржиев Буянтал!
Наалишан тэрэ, нэрэ солонь бата,
Нөөл хүндэш бол уялгата ажалынь,
Аймагтань тэрэниие хүндэлэн,
Ажалшан гэдэг юм ехэ хүнэй!

... Дахин элээбди буурал түбээр.
Олон хүүгэдэй шаг шууяатай

И в потоках огненного света
Мы кружимся в куполе небес.
То, что открывается в полете,
Вряд ли кто б с земли увидеть смог.
И ложится в верные блокноты
Готика волнующихся строк.

... День сегодня выдался пригожий.
Важный и таинственный, как маг,
Смуглый комбайнер Филиппов Гоша
Вешает над клубом красный флаг.
Пятна солнца на груди ложатся,
Словно золотые ордена:
Ведь убрал Георгий в прошлой жатве
Девять тысяч центнеров зерна!

... Хорошо летать над облаками,
А внизу, смотрите, из земли
Хрупкими зелеными ростками
С песней к солнцу лимбы проросли!
А в улусе, россыпью жемчужной,
В тэрликах небесно-голубых,
Парни ёхор исполняют дружно,
Девушек обнявши озорных.
Как поют нарядные девчонки —
Мы не сможем выразить в стихах,
Продолжение песен — жаворонки
Вторят им, качаясь в облаках.
Вон сошлись борцы в кругу галдящем,
И один, знакомый очень, кто?
— Тот, батор, плечами поводящий?
Это ж сам Доржиев Буянто!
Он — дояр, и чести не уронит,
Хоть и должность вправду нелегка,
Ведь не зря зовут его в районе:
Труженик большого молока!

Ород дэрээбэн дээгүүр гарангаа,
Тооһотой шаарнууднай доошолоо.
Тэндэ, басагадай дунда хатараа
Гоёхон пулаадтай Люба Софына.
Гурбадахи жэлээ һаалишан зандаа,
Алдаршана Түхэрээн соогоо.
—Амар мэндээ, Люба!
Дууланагши, Майн нэгэнээр!
—Хилээмэ дабһа, танда, ниидээшэд,
Холын Һараһаа гүт али таанар,
Тиибэл, орыт заабол манайда!
—Одоо баярлаа! Зохид бэлэй, нээрээш,
Айлшалбал танайда, зүгөөр дахин
Аляа һалхин бидэниие туубал саашань.
Омог һайхан Түнхэн нэмжын байгаа,
Орьёл үндэр Саяан уула ялбаа.

... Зэргэ ябана өөрынгөө бүлэтэй
Залуу хонишон Ангрусские.
Үнгэрһэн сагта хонидоо эндэ
Үбгэ эсэгэнь Дашын адуулаа,
Бараан үүлэд доогуур зөөн ябаа,
Байраа һэлгэн эндэ-тэндэ.
Һэжэглээшгүй хэзээ нэгэтэ хожом
Һайхан үе саг буужа ерэхэ гэжэ,
Түрэлөө залгаһан удамынь
Түрүү хонишон болохынь.

... Дахяад һалхинай халуун долгид
Дээшэнь дэгдээбэ, улам холодоон,
Сэхэ зүүлжээ тэгүүлнэ үүлэд,
Сэнхир түргэн онгосонуудтал.
Үнгэ бүриин таряалангууд һэлгээд,
Үнөөхи сурхарбаанай найртал.
Һайндэрэй хүнхинөөтэ хэсэдэл
Һөөлжэн эрьенэл газар өөрөө.
Нюдөөшье сабшажа үрдээдүйдэ,

... Вновь летим мы над землею древней.
И в счастливых криках детворы
Над веселой русской деревней
Пыльные снижаются шары.
Там, в кругу подруг, в косынке яркой
Пляшет бойко Люба Софына.
Третий год работает дояркой,
В Токурене славится она.
—Здравствуй, Люба!
Слышишь, с Первомаем!
—Хлеб да соль вам, горе летуны,
Коль и впрямь свалились вы с Луны,
То сердечно в гости приглашаем!
—Ой, спасибо! Рады мы, конечно,
Побывать в гостях у вас, но вдруг
Снова ветер—спутник наш—поспешно
Дунул и шары понес на юг.
Мы парим над солнечной Тункой,
Над хребтами сказочных Саян.

... Вон идет со всей своей семьею
Ангрусские—молодой чабан.
Сотни лет с отарой кочевали
Здесь в долинах, прадеды Даши.
Под недобрым небом кочевали,
Ветхие раскинув шалаши.
И не знали, в мгле былых потемок,
Что пора счастливая придет,
И когда-то будет их потомок
На селе почетный овцевод.

... Снова ветра жаркие потоки
Нас возносят к небу от земли,
Облака кочуют на востоке,
Словно голубые корабли.
И опять веселым сурхарбаном
Пестрые проносятся поля,

Намжаа аалин аглаг үндэртэ
 Очир эрдэни саһан малгайтай
 Орьёл ууланууд дүхэриг татаад,
 Омог мүрөө дэлин хатарбад.
 Харин боорёорнь атарлан бэлшээ
 Сагаан-мүнгэн хонин хүрэгүүд,
 Сайбар олон хотонууд мэтээр.
 Сэдьхэлдэм дүтэ буряад дайдам!
 Эмээл дээрэ хүбүүд түрэдэг эндэ,
 Энхэрэн дурладаг хөөрхэн үхидтэ,
 Үни холын домогууд хэлсэгдэнэ.
 Үльгэрэй дайдам мүнөө улаан
 Үнгын үер соол. Өөрөө хабар
 Ягаан хасартай, сэнхир нюдэтэй,
 Яаран ерэбэл, хургы үмэдхэлтэй!

... Зүб, олон газар үзөөбди мүнөө,
 Үдэ болоо. Хойшолоёл түргөөр!
 Тэндэ майн тугууд намилзана,
 Тэндэ Улаан-Үдэмнай хүлээнэ.
 Дүтэлөөбди. Энэ—манай түб!
 Дээгүүрнь тойрон һайса элээбди,
 Гэрнүүд дээгүүр ягаабтар толон
 Гал-тугадай үдөөр носонхой.
 Үхибүүн бүхэнэй бишыхан гарта
 Үглөөнэй элшын үртэһэн үгтөө.
 Зеленхозойш жаахан унаганда
 Зурамхан дэлһэ руунь гүригдөө.
 Үүрэй үйлсэнүүдэй аажам һабаар
 Зуун үнгэтэ мүрэн долгилоод,
 Зүүн, баруун эрье тулан дэлбэрээд,
 Залуу хүгшэнгүй дуугаа зэргэ татаа.

...Һайндэр пионернүүд эхилээ,
 Һүртэ жагсаал тэдэнэр нээгээ.
 Харагты: зэргын удаа зэргэ,
 Муромец, Гэсэрэй үри һадаһад!

Праздничным гудящим барабаном
 Крутится весенняя земля.
 Не успели мы моргнуть и глазом,
 Как в покое синей высоты
 В белых шапках, вышитых алмазом,
 Пляшут кругом горные хребты.
 Пляшут горы, распрямляя плечи.
 А по склонам, словно города,
 Величаво движутся овечьи
 Серебристо-снежные стада.
 Милые бурятские просторы!
 Парни здесь рождаются в седле,
 В девушек влюбляются баторы,
 И легенды ходят по земле.
 Край былинный нынче в кумачовом
 Половодье. И сама весна
 Вышла, синеока и красна,
 К нам на праздник в платице парчовом!

... Видно, побывали мы везде.
 Время к полдню. К северу скорее!
 Там знамена в небе майском реют,
 Там нас ждет родной Улан-Удэ.
 Подлетаем. Вот она—столица!
 Мы над нею кружимся, паря,
 Над домами перьями жар-птицы
 Алая полощется заря.
 И в руках у каждого ребенка
 Вьется лоскут праздничный зари—
 Даже в зеленхозе жеребенку
 Ее нынче в гриву заплели.
 В русла улиц, тихих на рассвете,
 Хлынула стоцветная река
 И заполонила берега,
 И запели взрослые и дети.

Орон нютагаа шэнжэлэгшэд
Улаан тугаа үргэн тамарнал.
Үхибүүд аяншалгада зоринол
Үбгэ эсэгийн дайшалхы замаар.

... Буухамнай нэгэ бага доошоо,
Балга удхая долгиһон дуунһаа.
Гансал зоной мүнэндэ шэнгэнгүй,
Гэрнүүдэй хушалта дайрангүй!
Харыш, ямар олон үнгэнүүд бэ,
Хэды тугууд, уриа бэшэгүүд бэ!
Майн нэбшээн тугуудые намируулна,
Мүнөө тэрэ хотодомнай дурланхай.
Угайдхадаа мүнөө хаяхан түрөөл
Угаа урин, үшөө бага шалюун.
Нанана ха юм гэнэхэн һалхин,
Һайндэр—тэрэнэйл ямбада гэжэ.
Улаа-ягаан үнгэтэйл оршон,
Ууртай нюурнууд тааруугүй эндэ.
Мэдэнэгта, майн энэ жагсаалда
Мэдээжэ нэгэ поэт байха ёһотой.

... Заа, энэ ябанал хүнгэн, дорюун
Заляар бурьялһан жагсаалай мүнэндэ
Залуу манай поэд Мэлс Самбуев,
Санага тухайгаа дуугаа түүрэн.
«Үнэр баян түрэл түб хотодоо
Үнгэ ногоон дэлхэйн агшамда
Атаархан доогуур хараагүйб
Али нэгэнэй баяртай шарайе,
Толгоймни һогтожо эрьеэгүй,
Тоогүй сэсэгүүдэй хангалһаа—
Үдэр һүнигүй Санагам зүүдэндэм,
Үүрэй хүбшэнь, шугынь шэбэнээн».
Олон үнгэтэ зэргын нүгөө хахада
Огторгой руу шогтой дуунууд нийдээ.
Һонюуша борбилоонууды үргээн,

... Праздник начинают пионеры,
Ими открывается парад.
Видите: идут за рядом ряд
Муромцы и славные Гэсэры!
Алый факел юных краеведов
Над весенней площадью плывет,
Дети отправляются в поход
По следам отцов своих и дедов.

... Так давайте спустимся пониже,
Чтобы песни-волны зачерпнуть.
Только б нам не зацепить за крыши
И в людской реке не утонуть!
Посмотри, какое разноцветье,
Сколько стягов, лозунгов, знамен!
И колышет флаги майский ветер:
Он сегодня в город наш влюблен.
Он сегодня только родился,
Ласковый и чуточку шальной.
Думает, что город нарядился,
Чтоб его приветствовать с весной.
Нынче мир раскрашен яркой краской,
Нынче хмурым лицам скажем: «Нет!»
Знаете, в колонне первомайской
Непременно должен быть поэт.

... Вот и он. Идет легко и буйно
В праздничной взволнованной реке,
Молодой поэт наш Мэлс Самбуев
И слагает песнь о Санаге.
«В городе большом, в родной столице,
В час, когда весь мир зазеленел,
С завистью тоскливой не глядел,
Я в чужие радостные лица
Голова моя не закружилась
От хмельного запаха цветов—
Днем и ночью Санага мне снилась,

Нархагар мододой орой дайран:
 Мяханай үйлэдбэрийн басагад тэдэ
 (Мэдээжэ юм дууша тэдэнэй ДК).
 «Бис» гэн дуудаял дахин, хүбүүд,
 Бүхы «прессэдэ» хатараг лэ «гопак».
 «Хонгёо гармошка, наадыш даа,
 Хатархаш, дуулахашьебди.
 Сибирьтэ бидэ түрөөбди,
 Согтой дуунда дуратайбди.
 Найзгайм колбасагай цехтэ
 Хоёроор нормоо дүүргэдэг.
 Үдэшэ бүри тайзанда
 Шаляпин шэнгээр дууладаг!»

... Заа, баярлаа! Найнаар хатараат!
 Баяртай! Саашаа нийдэнхүүбди.
 Олонии үшөөл бэшээдүйбди,
 Ойронь жагсаалай зогсод гээ.
 Нэй, сахилгаан зурагшан, бү алда!
 Шэглүүлэ тиишэнь объективаа:
 Шагнаа гүш урматайхан аялга?
 Тэндэ оюутад хүхюу гэшхэлээл,
 Тоонь тэдэнэй жэл бүри олошороо
 Түрэл тоонто буряад орондоо:
 Байгаали хамгаалагшад болон
 Багшанар ба агрономууд.

... Гал тэргэнүүд Россиин зайгаар дабхья.
 Эндэ нюуса оройдоо байхагүй,
 Элүүр энхын бусаан эндэ «аргалнал»,
 Буряадай анханай индустрида
 Вагонууд элүүржэн гаранал.
 Эмшэлэгшэд яһалаш олон даа,
 Эндэ алхална аргашад жагсан:
 Рыжакова, Полозов, Кравцов.

Говор рощ и тишина лесов».
 А в другом конце цветной колонны
 Взвились вдруг частушки в синеву,
 И качнулись у деревьев кроны,
 Любопытных воробьев спугнув:
 То девчата с мясокомбината
 (Всем знаком их песенный ДК).
 Вызовем-ка их на «бис», ребята,
 Пусть для «прессы» спляшут гопака.
 «Заиграй, гармошка, звонко,
 Мы станцуем и споем,
 Мы, сибирские девчонки,
 Любим песни с огоньком.
 Милый мой в колбасном цехе
 По две нормы выдает.
 И на сцене каждый вечер
 По-шаляпински поет!»

... Ну, спасибо! Здорово сплясали!
 До свиданья! Дальше полетим.
 Мы еще о многих не писали,
 Мы в колонне рядом погостим,
 Эй, фотограф, не зевай моменты!
 Вон туда нацель свой объектив:
 Слышишь, бодрый, радостный мотив?
 То шагают весело студенты.
 И растёт число их год от года
 На бурятской солнечной земле:
 Будущих служителей природы,
 Агрономов и учителей.

... Мчат локомотивы по России.
 И для нас, конечно, не секрет —
 Им вернул здоровье «лазарет»
 Первенца бурятской индустрии.
 «Лечатся» в цехах его вагоны,
 Много здесь умелых «докторов».

... Ендэрэй ойро, акацинууд дээгүүр
Оркестрэй зэд гуулин ялбаа...

Дуулаха хүсэлэйл байгаал наа,
Дуу зохёогшо олдонгүй яахаб!
Зүб, тиимэ! — Юрий Эрдынеев
Тээ доро туг үргөөд гэшхэлээл.
Харин досоонь элирэн тодоор,
Хүгжэм эбхэрээ мүнгэн долгёор:
«Хабар бүри Улаан-Үдэ сэсэглээ,
Хара хүбшэ гэмэр-гутар сухаряа.
Үльгэртэл мэтэ гэрнүүд олоор бодоо,
Үндэр тэнгэри тулгахаяа хүсөөд!»

... Ондоо болоо хотын түхэл шарай,
Одоо юрэл арбаад жэлэй туршада.
Энэ нэлгээнэй гол «зэмэтэн» гэхэдэ,
Институт «Бурятгражданпроект».
Эдэнэйл ажалай таһагууд соогуур
Эгтээ шэнэнүүд хороонууд түрөө.
Жэжэхэн македууд түрүүн байгаад,
Жэгтэй үргөөр байдал руу нэбтэрээ.
Уляангирнуудай нюусгай шэбэнээн соо,
Утаһата зайн галай шэнхинээн соо
Алхалалдаа Стопа, Перенов, Чиркун,
Галютдинов, Вампилов, Безъязыков.

... Хэнэй улаан урал дээгүүр дуунууд
Хонгёо ододой багсаар һалбарнаб?
Сэсэгүүд мэтэ жагсаал шэмэглээд,
«Сэмбынхид» лэ, шогтой хатараад!
Һайн бэлэйт, хүндэтэ Таня, Галя,
Валя, Даша, Маша, Верэнүүд! —
Хамһан хэһэн үнгын һайн бүдүүдтнай
Хамаг үйлсэ, сквернүүдээр дэлгэрээ!

... Олон зоной анхарал татаабди,
Одоо хургаар бидэн руу заахань ха.

Вот одни из них: идут в колонне
Рыжакова, Полозов, Кравцов.

... У трибун, над шапками акаций
Оркестровая ликует медь...
Коль дано нам песни нынче петъ —
Композитор должен отыскаться!
Ну, конечно! — Юрий Ирдынеев
Там, внизу, со знаменем идет.
А в душе все явственней, мощнее
Светлая мелодия растет:
«Улан-Удэ весенний расцветает,
Тайга ворчит и пятится назад.
Дома здесь, словно в сказке, вырастают:
До неба дорасти они хотят!»

... Изменился город наш весенний
За каких-то десять с лишним лет,
И «виновник» этих изменений —
Институт «Бурятгражданпроект».
Это здесь, в рабочих кабинетах,
Новые кварталы родились,
Строились на маленьких макетах,
Чтоб потом шагнуть в большую жизнь.
И идут под шелест тополиный,
Под напевы телеграфных струн,
Вампилов, Стопа, Галютдинов,
Безъязыков, Перенов, Черкун.

... У кого созвездья песен звонких
Расцветают ало на устах? —
Это пляшут в праздничных рядах
Озорные девушки с «суконки»!
Ах, спасибо, дорогие Тани,
Гали, Вали, Даши, Маши, Веры! —
Ворохи цветастой, яркой ткани
Заводнили улицы и скверы!

«Буухаар болоо хат үнинэй, бурхад!» —
Басагад хэлэнэ наадалан.
«Зай, юун бэ?» — Захиралтаар мэтэ,
Залд гэмэ шанга абья гарган,
Дүүлин ябаһаар гэрнүүд дээгүүр
Дүрбэн шаарнай тэһэрбэл гансата!

... Хүсэд огторгойтой хахасангүй,
«Капут!» гэжэ хэлэжэл үрдеэд,
Ангараг одонхойд бууба гэхээр,
Арадай гүн руу унаабди сэб сэхэ!
Унаабди — амидыбди зүгөөр,
Уладай гарта буугаад зөөлөөр.
Баярлаан, хүхютэй энеэлдээн:
Нүхэдэй альган хэзээш дулаан!

... Үдэр бодоо бодото уряагаар,
Үндэр найрта соло дуудан. Харин
Сэнхир сарюун майн огторгойдо
Сасарбал салюдай холонго!
Гулабхаануудай буумал сэрэгүүд
Гэнтэ ниидээ. Зоной далайда
Уб улаан тугууд ба уряанууд
Уһан сэнхир зайе дүлэтүүлээ.
Дуулыт, хүнүүд, дуулая сугтаа:
Дуугымнай, һалхин, үргыш өөдэнь!

... Мүнөө дүүргэе тиин репортажаа
«Мэндээ, ойн баярай Майн нэгэн!»

... Привлекли внимание мы многих:
Пальцами в нас тыкает парад.
«Вам давно пора на землю, боги!» —
Девушки шутливо говорят.
Ну, и что же? — Словно по приказу,
Пронесясь над куполами крыш,
С громким треском, все четыре сразу,
Лопнули воздушные шары!

... Не успев проститься с небесами,
Только-то и вымолвив: «Капут!»,
Камнем с неба, словно марсиане,
Ухаем в гудящую толпу!...
Падаем, но живы остаемся,
Падаем мы на руки людей,
Радует, весело смеемся:
Хорошо в объятиях друзей!

... День встает живым агитплакатом,
Славя праздник солнечный. Но вот
В майском небе, чистом и покатом,
Радуга салютами цветет!
С шумом голубиные десанты
Вверх взмывают. В триумфе людском
Красные флаги и транспаранты
Зажигают синий окоем.
Пойте, люди, пойте вместе с нами:
Песни в небо, ветер, подымай!

... Репортаж кончаем мы словами:
«Здравствуй, Юбилейный Первомай!».

КУУЗИКА ТУХАЙ НАЙРАГЛАЛ*Нэгэдэхи хуби.**Дорюунаар*

Дэмжээ эбтэй түүхэ бэшэгэй таһаг
 Деканадай халуун уряал шууд —
 Гүн зэрлиг хүсэнэй гэнтэ һэргэн,
 Гайхамшаг магтаал татаһаншуу.

Жагсаалай хубсаһан энэ бэшэ:
 Зуун табин зүрхэд, хүрээ, малгайнууд.
 Абаашаа бидэнии таряалан тээшэ
 Автобусуудай һөөлдэнхэй бүлэгүүд.

Үүлэд соо үдэшын одон эмнеэд,
 Үнгэрөө сонхоор алтан хуһад.
 Манай дуунһаа улам түргэдэн,
 Мөөрнүүд эрьелдэнэ эршэдэн.

Бакенуудай дүлэтэмэ тэмдэгүүд
 Ба Шергинэй түбэй галханууд...
 Намуу сэсэг хубааһандал, маанараа
 Һүни дүүрэн грузовигаар тараагаа.

Эндэ, уншагша, сэхэээ хэлэнүү,
 Үсөөрөө һэн бидэнэй тоо:
 Холо захын Жилино тосхон руу
 Хаяба. Арбан зургаабди одоо.

Хоёрдохи хуби

Эртүүр һэрибэбди конторо соо.
 Эһнээлэн амтатайхан урдын ёһоор.
 Садхалан галууд зайна хорёодоо,
 Сэлезниие танихаш иимэл үнэрөөр.

ПОЭМА О КУУЗИКЕ*Часть первая.**Мажор*

Как дружный хор, откликнулся истфил
 Велению сердец и деканата —
 Идеей торжества дремучих сил
 Возникла вдохновенная кантата.

Оделись мы совсем не для парада:
 Сто пятьдесят сердец, штыков и шляп,
 Автобусов осипших кавалькада
 Везла в ту даль, где ждали нас поля.

Средь туч звезда вечерняя мигала,
 В окне мелькало золото берез.
 И песня бескорыстно помогала
 Неудержимой скорости колес.

Вот бакенов пылающие знаки
 И Шергинского центра огоньки...
 Как свежие раздаренные маки,
 Нас развезли в ночи грузовики.

И тут, читатель, должен я признаться,
 Героев убавляется число:
 Нас в Жилино — глубинное село —
 Забросили. А было нас шестнадцать.

Часть вторая

Проснулись мы в конторе, на заре.
 Зевнули сладко по привычке древней.
 Бродили сытно гуси во дворе
 И пахло специфически деревней.

Айлай нэгэ үзэсхэлэн амбаар соо
Арбан гурбан басагаднай байрлаа.
Харуулданхай наар дээгүүр шэдээд,
Нолоомоор шэгээтэй шэрдэгүүдээ.

Бидэ гурбан эрэшүүлые зорюута
Буурал хүгшөөдэ байлгаа. Яһала
Болохотой үнжэгэн бидэндэ:
Бууяма дулаан, хүшэгэ сонходо.

Түбхинөөбди. Тиигээд лэ пооли,
Таряашанай хүндэ гэгшын ажал,
Альганууднай холожо зобоохо,
Аагтай һалхин нюдэ хордоохо!

Туужата ногоон куузика
Тонголзоо полидоо. Һабирна дуһал...
Шанга хашхараанһаа бидэнэй
Шара набшаа шэдээ намарай ой.

Дабхяабди урагшаа. Түргөөр татан,
Үдэн гоёолтодол ногооной үзүүр,
Үгэ дуугүй ажаллаабди, тоосонгүй.

Нёлбоод гартаа! Дары тэһэршэнэд
Эшынь ногоон шэрбүүрхэнүүд.
Тиин куузика унаа зэргэ-зэргээр
Тэнгэриин сэгээн майхан доогуур.

Жэшээн, гүнзэгүдэ һаань түмһэнэй,
Жааханаймнай онтохон һанагдана.
Үбгэн, хүгшэн, зээ, Жучка, резпхэ,
Үрзэгэр миисгэй ба хулгана.

Аянай шубууд тэндэ урагшална,
Азатай замдаа этигэн найдаад,
Хаана эрьеэр тэбдэн хүндэлнэ,
Хуули эбдээд, хулгайн ангуушад

В каком-то экзотическом амбаре
Тринадцать девочек нашли свой кров
И швырнули на струганные нары
Соломенные души тюфяков.

А нас — троих мужчин — не без причины
У бабки поселили. И вполне
Довольны были нежные мужчины:
Тепло, светло, гардинки на окне.

Ну, быт готов. Теперь, скорее в поле,
Где нас нелегкий труд крестьянский ждет,
Где нам ладони обожгут мозоли
И ветер высушит соленый пот!

Зеленою позмой куузика
Качалась в поле. Капало с небес...
От нашего ликующего крика
Лист уронил осенний желтый лес.

Пошли вперед. Выдергивали споро
Султанчики зеленых пышных грив,
Работали без слов, умолкли споры.

ТЬфу, тьфу — в ладонь!
Взрывались под руками
Зеленые султанчики ботвы
И куузика падала рядками
Под куполом осенней синевы.

А если корнеплод зарылся крепко,
То вспоминались сказочные те
Старуха, внучка, Жучка, дед и репка
И серенькая мышка во хвосте.

На юг стремились птицы вдалеке,
В счастливый путь исполненные веры.
И нервно суетились на реке,
Возмездия пугаясь, браконьеры.

Өөдэгүй гомдон, огторгой уйлаад,
Өөрымни сагтай холбоон таһарна.
Сэдьхэлни уйтай, нойтонһоо шиигтээд,
Сабхиим улашье шабарһаа хүндэрнэ.

Үдэ болотор хооһо нойтонбди,
Үлэн гэдэһэн хабиргайдаа няалдаа.
Тэнгэри, бурхадһаа үлүү һанаабди
Тиихэдэл тогоошон Ларисаяа.

Энеэн-хахан, һубарин үдын хоолдо,
Эдеэлэнгүй байха хэр бэ ойлгообди.
Тэндэ газар дорохи туяадал
Тангил Ларисын дүрэ байгаал.

Тосхоной соёлой ордон үнинэй
Томо заһабарида ороһон ушараар
Олон серитэй куузика тухай кино
Орой гэртээ харахаар лэ үдэшөөр.

Үглөөшье тэрэ. Нюруу даа баяр,
Үндэр бэшэ түрэлтэдэй һонин хомор:
Нэгэ янзын хүдэлсэ хэрэгтэй эндэ
Ногоон набшата куузикэдэ.

Оогололдон, дуудан бэе бээ
Огород полидоо ошожо ябатарш,
Хойноһоош эндэхи нютаг хэлээр:
«Хара лаа, багшанар хим эдэш!»

Мэдэрдэггүй байгаа хабди хүсэд,
Мэти сэдьхэн доро дороо,
Хүнгэн бэшэ ашаа шэрэһэнээ,
Хото хүдөөгэй холбоо эхилһэнээ.

Эрдэни Уланов абьяас, эдэбхитэй
Эрдэм гэгээрэлэй замаар гэшхэнхэй.

Не уставало небо нудно плакать,
С эпохой все неошутимей связь.
Промозглая сочилась в душу слякоть,
Налипла гирей грязь на сапогах.

До полудня изведали мы лиху,
Под ложечкою боли извели.
И вот тогда Ларису-повариху
Мы в сан святых без слов произвели.

Хихикая, тянулись на обед —
Коварный голод щекотал под ребра.
А там, вдали, как в подземелье свет,
Нам лик Ларисы улыбался добро.

А вечером, поскольку местный клуб
Был под ремонт поставлен аварийный,
Смотрели мы в раю своих халуп
Про куузику фильм многосерийный.

А завтра то же. Радости безлики,
Несветской жизни хроника скупа:
Ритмичные размеренные па
Над буйною ботвою куузики.

Когда, переключаясь оголтело,
Мы шли гурьбой с полей иль на поля,
На местном диалекте вслед летело:
«Поглянь, кажись, идут учителя!»

И понимали мы тогда едва ли,
А впрочем, все же, смутно создавали,
Какой лежит на нас нелегкий груз —
Между селом и городом союз.

И Эрдэни Уланов, без сомненья
Бациллой просвещенья заражен,

Жилинэй захиргаанда хүдөө зондоо
Жэгтэй нонин хөөрөө үүсхээл зундаа.

Шэрүүн үдэрнүүднай ходорхо ииһээр.
Шара нахалта сентябрь нара үнгэрхэнь.
Дээдэ нургуулидаа бусаха саг ерээл,
Дүтын харилсаан байгаалитай дүүрэхэнь.

Амаралтын агшам зуур үнэтэйл,
Нүриин углууда бүрэнхыдэ зогсохош.
Наглагар нүринүүд юунһээш сэнтэйл,
Анхилма зунай арюун дүрсэл тэдэш.

С колхозниками в жилинском правленье
Беседы вел, вниманьем окружен.

И снова дни привычные бегут.
Сентябрь отшумел желтобородый.
Пора нам возвращаться в институт—
Пришел конец общению с природой.

И отдыха минута дорога
В углу стога, в лучах скупого света.
Неубранные рыжие стога
Хранят в себе пахучий образ лета.

ДУУНУУД

Н. НИМБУЕВАЙ АЯЛГА ДУУТА ГҮРЛӨӨНҮҮД

ПЕСНИ

ПЕСЕННЫЕ ГИРЛЯНДЫ Н. НИМБУЕВА

БЭШҮҮР ТУХАЙ ДУУН*Хүгжэмынь Юрий Эрдынеевэй*

Гүбээнүүд дээр түүдэгэй галнууд,
ягаан толоор залираал даа...

Би шамтайгаа зугаалан ябааб,
сэнхирхэн талата Бэшүүрни!

Бэшүүрни, Бэшүүрни,
сэнхирхэн талата Бэшүүрни!

Булжамуурнууд нойрсоо нэргэгээр,
дуунууд шэнхинээ голой эрьеэр...

Үлүү найхан нютаг олдоогүйл
аглагхан сарюухан Бэшүүрһээм!

Тэнгэрийн зөөлэхэн хибэс дээр
мүшэдүүд хатаран эрьелдээ...

аалихан дуунтаяа хэтэдээ
зүрхээ орхихом Бэшүүртээ!

Һүни хайлахал үүр тээшэ,
сэгээхэн хираан соо мордохоб,

дахинаа удаахан орхижо,
аглагхан, сарюухан Бэшүүрээ!

Бэшүүрээ, Бэшүүрээ,
аглагхан, сарюухан Бэшүүрээ!

Хүхэхэн уняар соо нараниинь
найрамай гэрэлдэ толорһоор,

алтанхан туяагаа адхахал
хабарай охито Бэшүүртэм.

Бэшүүртэм, Бэшүүртэм!

Хабарай охито Бэшүүртэм!

Үглөөнэй уудам руу тракторнууд
дуунуудаа зэдэлгэн дабшахал...

Сэнхирхэн талата Бэшүүрни!

Бэшүүрни, Бэшүүрни,

Сэнхирхэн талата Бэшүүрни!

ПЕСЕНКА О БИЧУРЕ*Музыка Юрия Ирдынеева*

Над холмами пламенем костра
Догорает алая заря...

Я иду с тобою говоря,
Синяя степная Бичура!

Бичура, Бичура,
Синяя степная Бичура!

Жаворонки дремлют до поры,
Песни проплывают над рекой...

Не найду я родины другой
Лучше и милее Бичуры!

На небесном бархатном ковре
Со звездою кружится звезда...

Вместе с тихой песней навсегда
Сердце я оставил в Бичуре!

В Бичуре, в Бичуре,
Сердце я оставил в Бичуре!

Ночь растает и к утру
Я уйду в бледнеющий рассвет,
Чтоб покинуть вновь на много лет

Милую, родную Бичуру!

Бичуру, Бичуру,
Милую, родную Бичуру!

Солнце в дымке ясно-голубой
В радужном сиянье полых вод,
Золотое марево прольет

Над моей весенней Бичурой.

Бичурой, Бичурой!

Над моей весенней Бичурой!

В степь уйдут с рассветом трактора,
Песней раздвигая берега...

Синяя степная Бичура!

Бичура, Бичура!

Синяя степная Бичура!

ЭБ НАЙРАМДАЛАЙ ДУУН

Хэды хүн бэ энэ дэлхэй дээр —
Янза бүрийн арад ба түбинүүд!
Бэе бэеһээ тэдэ тад ондоо,
Хэлээрээ ба зүһөөрөө илгараад.

Дабталга:

Зээрэмхэйдэл эрьюулнэб Газар түбиеэ
Дууланаб:

Би шараб, сагаан хүнһээ илгаа,
Негр — хара.
Янза бүрийн мийэрэл, нюдэд,
Дэлхэймнай уужам!
Би сагаан, шара хүнһээ илгаа,
Индеец улаан.
Үнгөөр баян оршон,
Дабташагүйхэн,
Дэлхэймнай найхан!

Арадууд олон, нарамнай ганса,
Зүгөөр бултыемнай адлихан жэгнээ.
Хүн бүхэндэ оршуулгагүй эли
Хэтын заяата үгэ «эрхэ сүлөө»

Дабталга:

Ахадүүнэр, зэргэ тэмсэе,
Түбинүүдэй эб худалһаа хүсэтэй!
Альпаһаа Памир хүрэтэр холбоо
Сагаан гулабхаа — найрамдалай хүлдэ!

Дабталга

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Сколько, о люди, на свете нас —
Разных континентов и разных рас!
Друг на друга ничуть не похожих
Разноязыких и разнокожих.

Припев:

Глобусом верчу я планету свою.
И пою:

Я желт, потому что белый бел,
А негр черен.
Сколько разных улыбок и глаз,
Как мир просторен!
Я бел, потому что желтый желт,
Индеец красен.
Как мир разноцветен
и не повторим,
Как мир прекрасен!

Разные люди, а солнце одно,
Каждого теплом одаряет оно.
Каждому ясно без перевода
Вечное, светлое слово «свобода».

Припев:

Братья по битве, ряды тесней,
Дружба континентов неправды сильней!
Пусть роднят нас от Альп до Памира
Белые голуби — вестники мира!

Припев

ЯГААН ДУУН*(Аалиханаар, сэдхэлhээ)*

Дурсаа сэрэгшэ үнгэрhэн байлдаагаа,
 Дурсаа газар хатуу сагуудаа.
 Гашуудал түбиие уйдхараар нэмэргээд,
 Шуһаар умдалһан жэмэсүүд эдеэшээ.
 Ягаан жэмэсүүд,
 Гашуун жэмэсүүд.

*Дабталга:**(абьяас шуналтайгаар)*

Ягаан наран—
 Зай, зай, зай, зай!
 Ягаан горход—
 Зоной зоболон!
 Ягаан, илалтын
 Үүр хираан мэнэл.
 Ягаан дуумнай,
 Тэмсэлдэ дууда!

Хүнүүд, эрхэ сүлөө түбээр дэлгэрээ,
 Ягаан тугнай жададаа дүлэтөө.
 буһалгаанай жагсаалнууд хүртэй добтолоод,
 Эбэй гулабхаанууд оройгоорнь ниидэнэл!—
 Сагаан элшэнэр,
 Мүн лэ тэмсэлшэд.

Дабталга

Илалта дүтэлөө,
 Ягаан толоор түби гэрэлүүлхэ.
 Аюулай нюдэ руу, зонууд, харагты,
 Эрэлхэг зоригой тугыень үргэгты!—
 Зоригой туг,
 Ягаа-улаан туг.

*Дабталга*АЛАЯ ПЕСНЯ*(Медленно, с чувством)*

Помнит солдат о сраженьях былых,
 Помнит земля о годинах лихих.
 Печаль над планетой печально витает,
 Вспоенные кровью плоды созревают.
 Алые плоды,
 Горькие плоды.

*Припев:**(Темп страстный)*

Алое солнце—
 Да, да, да, да!
 Алые реки—
 Людская беда!
 Алый, победный
 Рассвет впереди.
 Алая песня
 На битву веди!

Люди, свободою мир наш пропах,
 Алое знамя горит на штыках.
 Отряды повстанцев трубя, наступают,
 И голуби мира над ними летают!—
 Белые гонцы,
 Тоже ведь борцы.

Припев

День тот недолог,
 Алая вспыхнет над миром заря.
 Опасности люди в глаза посмотрите
 И мужества знамя в руках пронесите!—
 Мужественных стяг,
 Ярko-алый флаг.

Припев

ТАЛЫН ЗАЛУУ НАҢАН

Шангаар дуулалдыт,
Талын залуушуул
Шагныш, түрэл хизаар,
Хүбүүдэй дууе!

Дабталга:

Манай тоонто нютаг,
Үдэр бүри нэргыш.
Алтан таряан, ургыш үдхөөр.
Талын уудам дээгүүр
Хотонууд бодохол.

Бидэ буряадай залуушуулбди!

Набша сэсэгээр
Талам халбараа,
Хүгжэм шагнаад,
Хүхижэ дуулаа.

Дабталга

Эхэ орондоо
Дураа мэдүүлэн,
Жаргал тээшэ суг
Дабхин зорие!

*Дабталга*МОЛОДОСТЬ СТЕПЕЙ

Громче запевай,
Молодость степей.
Слушай милый край,
Песню сыновей!

Припев:

Наш родной, дивный край,
С каждым днем расцветай.
Колосись, золотая рожь.
На раздолье степном
Города возведем

Мы бурятской земли молодежь!

В буйствах синих трав
Наша степь цветет,
Песню услышав,
Весело поет.

Припев

Родине поем
Про любовь свою.
К счастью мы идем
С ней в одном строю!

Припев

ҮДЭШЫН УЛААН-ҮДЭ*Хүгжэмынь Базыр Олзоевой*

Үргэн талын ая-ганга мэтээр
 Үндэр одод тэнгэридэ ялбаа
 Хонгёо Бурядаймни аажам дайдаар
 Мүшэдэй гэрэл туяа татаа.
 Огторгойн хаяа хүбшэ руу нунаад,
 Орой дээрэм нэеы гэртэл унаа.
 Сэлэнгын нюруугаар ошо сасаад,
 Энеэбхилнэл даа түрэл хотом.

Дабталга:

Улаан-Үдэм,
 Гурбан зуутай гэхээр бэшэлши!
 Улаан-Үдэ,
 Шинии халуун зүрхөөр жэгнүүлээб.

Мүрэнэй нюруугаар холо саана
 Ягаан бамбагаа—галнууд носоо
 Байгалай бэлэг—хонгеохон долги
 Хүхюун халхин яаран асараа.
 Зулгыхан хотом ялараад галаар
 Үдын саагуур дуунууд залираа.
 Хүбүүд басагад үйлсэнүүдээр
 ёохор наадаал дуулим үдэшээр.

Дабталга

Алтан утаһаа мүрэнүүд нубяад,
 Түрэл хотым бүхэлэн байнал.
 Гурбан зуунайнь найрые ёһолоод,
 Гурбан зуун мүшэд дээгүүрнь ялбаа!
 Хотым түүхэ эртэ урдынш болбол,
 Залитай дуунһаа залуу мэтэл.
 Одо мүшэдэй сэнхирхэн гэрэл
 Орой дээрэш хэзээш толорог!

*Дабталга*ВЕЧЕРНИЙ УЛАН-УДЭ*Музыка Базыра Олзоева*

Как цветы ая-ганги сияют
 Звезды в небе над ширью степей.
 Звезды ярким огнем полыхают
 Над Бурятией звонкой моей.
 Небосвод, покоренный тайгою,
 Синей юртой упал надо мной.
 Весь в огнях над моей Селенгою
 Улыбается город родной.

Припев:

Улан-Удэ,
 как ты молод в свои триста лет!
 Улан-Удэ,
 я твоим добрым сердцем согрет!

Вдалеке на реке засверкала
 Нить огней, как букет алых роз.
 Звон волны, как подарок Байкала,
 Ветерок нам веселый принес.
 Милый город расцвечен огнями,
 Песни тают вдали за Удой.
 На проспектах девчата с парнями
 Пляшут ёхор вечерней порой.

Припев

Реки выткали нить золотую,
 ею город родной обняли.
 И, его триста лет знаменуя,
 триста звезд загорелось вдали!
 Город древних, старинных преданий,
 Город в песнях своих молодой,
 Пусть же звезд голубое сиянье
 Не погаснет вовек над тобой!

Припев

ТУЖАДАМНИ

Танилсаһамнай ёһотоор хаань,
 Тужа руумни бэшэг бэшээрэй.
 Хүлээхэб шамай хуһанай гуниг доро,
 Хүбшэлиг дайдынгаа тэбдүүхэн бүглүүдэ.

Дабталга:

Тужамни, бү уйда,
 Ойлгуулжал хэлэ:
 Зээрэг басаган заяатай юм гү,
 Хотын хүбүүндэ дурлашамаар.

Тужада үдэшэндөө соностоо
 Гармони, гитарын уйдалган.
 Зүгөөр эндэхи хүбүүд намда һонигүй,
 Шимнил бэшээрэй түргөөр намдаа.

Дабталга

Нэгэш дахин Тужадам ерыш,
 Харгын захада угтуужам даа.
 Үүрэй сайтар нара бидэнии бэдэрхэл,
 Хоолостоһон таряалан соогуур.

*Дабталга*ТУЖИНКА

Если наше знакомство всерьез,
 Мне в Тужинку письмо напиши.
 Буду ждать под тоскующий шепот берез
 В этой дальней таежной тревожной глуши.

Припев:

Тужинка, не тужи,
 Лучше мне скажи:
 Суждено ль девчонке-недотроге
 Парня городского полюбить?

Вечерами в Тужинке слышны
 Плач гитар и гармошек в тиши.
 Только мне ласки здешних парней не нужны,
 Поскорее письмо напиши.

Припев

Ты приедь к нам в Тужинку хоть раз—
 Буду ждать на шоссе, у межи.
 До утра будет месяц разыскивать нас
 По полям в колосющейся ржи.

Припев

НАРА БУЛЯАЛДААН

Газар түбиин зээрэмхэй эрьелдээ,
Хүлэгэй хурдан гүйдэл доро.
Үүрээр инагтаяа
Гүйлгэн ябаабди.

Дабталга:

Нара буляалдаан
Ямар найхан бэ!
Үшөөл түргөөр, инагни,
Үүрэй толон руу
Табилуулаял даа.

Дуратайл наа, дуратайл наа намдаа
Намайгаа инагни гээд нэрлыш.
Тиин ягаахан сэсэг
Гүйдэлдөө таһлыш!

Дабталга

Годлидол табилуулаа моридной,
Хурдалая, хурдалаял үшөө.
Хүсөөгүй бол шинии —
Ниидэхэб дээшээ!

*Дабталга*БОРЬБА ЗА СОЛНЦЕ

Барабаном кружится планета,
Набирая скорость под конем.
С милым на рассвете
Скачем мы вдвоем

Припев:

Борьба за солнце —
Это хорошо!
Хочешь, мой любимый,
Побыстрей еще?
Мы с тобой несемся
В марево зари.
Обогнать попробуй —
Солнце отбери!

Если любишь, любишь, любишь очень,
Ты меня любимой назови.
И с земли цветочек
На скаку сорви!

Припев

Стрелами несутся наши кони,
Но быстрее, быстрее еще хоч.
Если не догонишь —
В небо улечу!

Припев

ОРШУУЛГАНУУД

НАМЖИЛ НИМБУЕВАЙ

БУРЯД, МОНГОЛ ХЭЛЭННЭЭ

ПЕРЕВОДЫ

НАМЖИЛА НИМБУЕВА

С БУРЯТСКОГО, МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

УЛЗЫТУЕВ ДОНДОГ*Буряадай ирагуу найрагша (1936–1972)** * *

Хүнжэлөө нэхээд унташаһан
 Хүүхэн инаг дангинын
 Үнжэгэн арюун сээжэ дээрэ
 Үүрэй толон адхаржа,
 Энгэрэйнэ гэгээн тобшые
 Эртын наран эльбэнэ.

* * *

Шэнгэхэн, хүнгэхэн
 Шэнхинээн соностоод,
 Шэрэнгиин оёороор
 Тарашаба...
 Үхибүүн наһамни
 Үлгын хонхотой
 Үлхэлдэн жэнгирээд,
 Ябашаба...

ДОНДОК УЛЗЫТУЕВ*Бурятский поэт-лирик (1936–1972)** * *

Откинув во сне одеяло,
 открыв свое белое тело,
 нагая красавица дремлет.
 На голые сладкие груди,
 расцветшие утру навстречу,
 рассвет проливается тихо.
 С вершин своих раннее солнце
 священные пуговицы гладит.

* * *

Шелест расстался
 по травам опушки,
 слышимый еле.
 Кануло детство
 под звон погремушки
 у колыбели...

* * *

Мэхэшэн бэшэ гээд,
Мэдэнэш намайгаа,
Тангариг үгэнхаар,
Таалаһууб шамайгаа.

* * *

Мүхэшэгүй мээхэй сэдхэлээ
Мүльһэтүүлжэ ябанхаар,
Мүшэнһөө мүшэндэ хүрэн,
Мүнөөдэр намда ерэ!

Мүльһэн хүхэ нюдэндэш
Мүнхын зула бадараажа,
Хайрын шэдитэ хүсөөр
Хайлуулхалби, ерэ!

Мүльһэн хүхэ нюдэндэш
Мүнхын зула бадараахаб,
Мүшэнһөө мүшэндэ хүрэн,
Мүнөөдэр намда ерэ!

* * *

Ты ведь знаешь, дорогая,
что тебе не лгу я.
Дай тебя я вместо клятвы
лучше поцелую.

* * *

Ты приди, приди ко мне, приди,
прыгая по синим звездам смело!

Чтобы сердце не заиндевело
любящее, нежное в груди,
прыгая по синим звездам смело
ты ко мне сегодня приходи!

В синем льду твоих остывших глаз
засвечу я вечности лампаду
и любовью огненной тотчас
ледяную растоплю преграду!

В синем льду на много-много лет
засияет вечности лампада.
Прыгая по звездам, словно свет,
ты приди ко мне, моя отрада.

* * *

Хүгжэмшэ урин дүүхэй!
Хүнгэн зугаа дэлгэжэ,
Хүтэлэн ябааб шамайе,
Хүгжэмшэ урин дүүхэй.

Скрипкын утаһан дээрэнээ
Сэдьхэлэйшни мултархада,
Борохон булжамуур шубуунай
Аляа аяг шагнаһан би

Гайхашаа баран баясаад,
Уян сагаан хургыеш
Альган дээрээ абажа,
Удаан удаан хараалби.

* * *

... Дуулан һуунаб
Шамай дуудан,
Дуулаагүйдэм,
Ямар хүйтэм?..

* * *

Музыкантка молодая!
Я с тобой под ручку шел,
разговор беспечный вел,
музыкантка молодая.

Но когда душа твоя
со скрипичных струн слетела —
шалость песен, легкость тела
жаворонка вспомнил я.

И, сдержав в груди волнение,
удивлялся как во сне
полных жизни, полных пенья
тонких пальцев белизне.

* * *

Жду на свиданье,
пою в ожиданье.
Кончил я петь,
В тишине холодно мне...

МИШИГИЙН ЦЭДЭНДОРЖ
ТАБАН МҮРТЭ ШҮЛЭГҮҮД

1

Үнэн дурлалыг
Халуунтай зүйрлэвэл
Их говийн
Зуны үд дундын
Хоёр наран.

2

Хагархай толиноос
Хагархай гэрэл тусна.
Чамаас гэтэл
Бүтэн үг гарахгүй байна.

3

Хоршооноос ном аваад
Хавтсан дээр нь
Нэрээн тавьж байна.
Хувийн өмчиндөөн
Манаа тавьж байна.

4

Миний уйлахад
Сувд унадагсан бол
Чам шиг баян
Дэлхийд ер байхгүйсэн.

5

Чамд гоо үзэсгэлэн хайрлаж
Надад эр чадал хайрлаж
Хамта жарга гэж
Хамт зов гэж
Орчлон хуваарилжээ.

МИШИГИЙН ЦЭДЭНДОРЖ
ПЯТИСТИШИЯ

1

Сравните
Любовь и тепло
Меж собой —
Два солнца гобийских
В полуденный зной.

2

От зеркальца разбитого —
Разбитый зайчик
Света.
... И из тебя не вытянуть
Мне связного ответа.

3

Он имя свое начертал,
Словно стих,
На титулах купленных книжек,
Как будто на спинах баранов своих
Клеймо он хозяйское выжег.

4

Если б я
Жемчугом плакал,
Любя —
Не было б в мире
Богаче тебя.

5

Мир сотворил тебя доброй, красивой,
Мир наделил меня сказочной силой —
Все эти блага дарованы нам,
Чтобы и песни, и смерть —
Пополам.

СУХИЙН ДОРЖПАЛАМ НАМАР

Нэвсгэр ногоон навчис шарлаж,
Нэг хоёроороо газар унасаар,
Хээрийн ой нүцгэрэн шалдарч,
Зээрийн шилбэ шиг мөчир нь шаргалтана.

Хоногоос хоногт хүйт нэмсээр
Хонгор намар холдон одно.
Цасны түрүүч туулиалан хаялж
Цагийн ширүүн ч тулан ойртоно.

Өрсөн ирэх хүйтнээс урьдаж,
Өмссөн дээлээ модод тийчиж,
Газар-эхээ тэр хувцсаараа
Гайгүй сайн дулаалан хучна.

Хөөрхий ээжь минь дааруузай гэхдээ
Хөвчийн ой шалдран үлдэвч,
Бахим мөчрөө алдлан сэгсэрч
Бардам тэргүүнээ өргөн зогсоно.

Дэрсийн даялсан мөчрийн нь харахад
Дэвэн гарах бөхийн гар мэт.
Тэрслэн чацархах өвлийн хүйттэй
Тэнхээ сорихоор өрөн зогсох мэт.

Хөвчийн мод сүүлчийнхээ навчаар
Хөрст дэлхийн хучлагыг зузаалах нь
Хөгшин эхээ мартаагүй биз чи гэж
Хүний үрээс асуух шиг санагдана.

СУХИЙН ДОРЖПАЛАМ ОСЕНЬ

Желтеет отшумевшая листва
И осени полет свой посвящает.
Обнажены, как девы, деревья.
Свет палевый их ветви освещает.

День ото дня в природе холодней,
Все дальше осень птицей улетаёт.
И первый снег гонцом морозных дней,
С листвою в обнимку падая, не тает.

Опережая шествие снегов,
Свои одежды сбросили деревья
И землю-мать от лютых холодов
Закутали с заботливостью древней.

Пожертвовав стыдливостью своей,
Остался лес незащищенный, голый.
Размахивает крючьями ветвей
На стынущем ветру — прямой и гордый.

Лес пояс свой подтягивает туже
И жестами воинственными рук
Батора, выходящего на круг,
Бросает вызов предстоящей стуже.

Осенний лес последнею листвою
Покров земли с любовью украшает
И словно человека вопрошает:
А помнишь ты про долг сыновний свой?

БАЗАРЫН ЦЭДЭНДАМБА ЦООЛГО

Шугуйд тэврүүлсэн
Их голын өвчүүн дээр
Шувууны нүд шиг
Цоолгохон харлана

Буцалсан сүү шиг
Ус нь байнга хээтэж
Бурзайх цан
Захан дээр нь цацаглана

Тэрхэн цоолгын
Аягын ам шиг дугуй дээр
Тэргэл саран
Таг нь болон дарж байна

Алган чинээн
Цэл хархан ус
Амь тавих дургүй
Мөнх голтой!

Туулайн нүд шиг
Хархан цоолгын амь
Тундас буух хөвчийн
Түмэн гарт атгаастай!

Бялдгүйхэн цоолго
Бялзуухайн нүд шиг ч
Бүхэл голын түмэн ам
Бүгд хувааж үл дуусна

Туж баран энэ хөвчид
Тунгалагхан цоолго нүдээ аньдаггүй
Сүрлэг их хангайн минь
Сүнс нь, энэ цоолгохон байнам.

БАЗАРЫН ЦЭДЭНДАМБА ПРОРУБЬ

Речка в чаще цепенеет
Под метельный белый вой.
Полынья на льду чернеет,
Словно птичий глаз живой.

Молоком перекипевшим
В ней вода узоры вьет.
Кружевом заиндепевшим
По краям свисает лед.

И над круглой полыньей—
Схожа с чашкою она
Виснет крышкой золотою
Полнолицая луна.

Темным-темная водица.
Круг с ладонь величиной,
Не желает покориться
Зимней стуже ледяной!

Хоть прорубка та во власти
Завывающей пурги,
Хоть прорубка и самой пасти
Обступающей тайги,

Хоть от ветра стынут кедры—
Развеселая пода
Всю долину поит щедро,
Не мелея никогда.

Не смежает век морозных,
Жизнью в зимний день дыша:
Ты—моих ущелий грозных
Беспокойная душа!

ПҮРЭВЖАВЫН ПҮРЭВСҮРЭН ГАРНУУД

Хөгшин хусын мөчир шиг эв хавгүй болсон
Хөшүүн баргил нэгэн гарт хайртай юм би!
Хазаарын товруу шиг овгор товгор үеий нь
Харах тоолондоо эзний нь өрөвдөн уярдаг юм би!

Хөдөө талд жингийн цуваа буудаллах үес
Хөр хунгарыг малтаж майхны буурь засаад
Цаст өвлийн үүрийн жаварт энэ гар
Цантсан олсоор ачаа татаж явсан юм.

Галын илч төөнөсөн бор гэрийнхээ хаяанд
Ган дөшийн дээр улаан оч манаргаж
Алхны иш, төмрийн халуунд энэ гар
Атга дүүрэн халуун эвэртэй болсон юм.

Хуйларсан цаснаар адуун сүргийн захад
Хусан уургын хүйтэн ишинд хайруулж
Эмнэг хөлгийн жолоонд сунатал, дугтруулсаар
Энхрий багын дүрсээ энэ гар алдсан юм.

Утаа манарам зуны нарнаас халшралгүй
Уулын оройд тэвэр бүдүүн нарс цавчиж
Хангинуур сухийн ишинд ором гартал атгасаар
Харахад энэ гар ургүй болон эвдэрсэн юм.

Олзонд шунах нэгэн сэтгэлийн эрхэнд биш
Олонд шагшуудах нэр алдрын төлөө бус
Амьдрахын тул хатуу бүхнийг атгасаар эвдэрсэн
Андашгүй тэр гар бол миний хөөрхий аавынх!

Хөгшин хусны мөчир шиг эв гавгүй болсон
Хөшүүн баргил нэгэн гарт хайртай юм би.
Хазаарын товруу шиг овгор товгор үеий нь
Харах тоолондоо ааваа өрөвдөн уярдаг юм би.

ПҮРЭВЖАВЫН ПҮРЭВСҮРЭН РУКИ

Люблю узловатые, грубые руки одни—
Как ветхие сучья березы засохшей они.
Гляжу я на руки, жалею хозяина их—
Бугрятся суставы, как бляхи уздечек резных.

Когда караван становился в степи на ночлег,
Они для кострища копали слежавшийся снег.
В рассветную стужу, когда просыпались пески,
Замерзшей бечевкой молота, жара металла
Бугристые горсти горячих мозолей полны.

Среди табунов в белом бешенстве снежной пурги
Они обожглись о древко ледяное урги
Борясь с аргамаком, захлестнутым звонкой петлей,
Утратили девственный облик младенческий свой.

Под летним дымящимся солнцем валили шутя
Деревья в обхват, не стараясь от зноя укрыться,
Дружа с топориком, рубцы от него обрета,
Не могут они благородством своим похвалиться.

Не алчной душе эти руки подвластными были—
Любя эту землю, любую работу любили.
Ломались, дряхлели, трудясь и трудясь без конца:
Ах, это, конечно, руки седого отца!

Люблю узловатые, грубые руки одни—
Как ветхие сучья березы засохшей они.
Бугрятся суставы, как бляхи уздечки резной:
Увидел я их, и нахлынула нежность волной.

* * *

Саруул намрын үдэш, таанат талд
 Сайн хүлгийн туурай гэнэт тачигнав.
 Санаад хурж байсан үгсийг үргээн бутрааж
 Саранд харвасан пуужин шиг нэг морьтон өнгөрөв.
 Газар тэнгэр хоёрын алинд нь шингэчихэв гэж
 Гарсан тоос нь замхрахад гайхан өндийвөл
 Тэр тоос дээшээ л хөөрөөд гарчихсан адил
 Тэнгэрийн заадас суунаглан цайвартаж үзэгдэв.

* * *

В осенних тихих сумерках прозрачных
 Внезапным градом гулко простучали
 Копыта чистокровного хулэга.
 Ковыльной степью незнакомый всадник
 Мелькнул ракетой, пущенной к луне,
 Мечтанья сокровенные рассеяв.
 Когда во мгле растаял верхоконный,
 Копытами встревоженная пыль
 Вспарила ввысь — в бездонном звездном небе
 Витал, клубясь, туманный Млечный Путь.

СОРМУУНИРШИЙН ДАШДОРОВ
ОД

Дээр тэртээ гялалзах
Зүүний үзүүр шиг одод
Дээшээ тийшээ өргөсөн
Эжий минь сүүний дусал юм уу.
Хүү минь дандаа,
Өлзийтэй яваг гэж
Хурэх газартаа,
Өөдрөг сайн очиг гэж
Алтай замы минь мялааж
Ариун сүүгээ өргөдөг юмсан.
Хан тэнгэрийн хязгааргүйд
Шингэж наалдаад тэр нь
Хаш эрдэнэ мэт
Гялалзаж байгаа юм уу?
Алсын алс гялалзах
Түм буман одод
Аавын гэрийн тооноор
Бударч цацарсан очис юм уу?
Хүүгий минь цай,
Халуун байг гэж
Хүй холоос ирээд
Ханатлаа оочиж ууг гэж
Гал голомтоо базааж
Ган хэтээ цахидаг юм сан.
Хурмаст тэнгэрийн хязгааргүйд
Асаж наалдаад тэр нь
Хурц аранзал туяагаа
Цацрааж байгаа юм уу?

СОРМУУНИРШИЙН ДАШДОРОВ
ЗВЕЗДЫ

Над миром в вышине зажженные светила,
Блестящие в ночи, как игл остря,
Не брызги ль молока, которым освятила
Сыновний трудный путь седая мать моя?
Мой окропило лоб святое молоко,
Чтоб сына стороной не обходило счастье,
Чтоб разум не мутнел, чтобы жилось легко,
Чтоб достигалась цель сквозь беды и ненастье.
И, вкрапленные в ночь, в космическую высь,
Те ль брызги молока, как яхонты, зажглись?

Рои бессонных звезд мигают монотонно,
Мерцают над людьми в немыслимой дали—
Не искры ль это вдруг из дымного тооно*
Отцовской ветхой юрты взлетели от земли?
С огнивом мой отец, трудами утомленный,
Бил, высекал огонь, у очага склонясь,
Чтоб сына дома ждал горячий чай зеленый,
Чтоб наслаждался сын, из странствий возвратясь.
Не искры ль это те уж сколько долгих лет
В небесной высоте разбрызгивают свет?

* Тооно— круглое отверстие в крыше
юрты (гэра), для выхода дыма

ГАЛЧ*Б. Явуухуланд*

Нүүдэлч овгийн өвгөн галч
 Нүүрс утган пийшинг шиднэ.
 Хатуу нүүрс дарь шиг авалцаж
 Хайлмаг ган шиг улайн цэвцийнэ.

Ассан гал өрвөлзөн улалзаж
 Хатуу нүүрс дарь шиг авалцаж
 Дээр нь зоосон ган тогоонд
 Дэврэх буцлаа даргин оволзоно.

Галаа шилгээхэд өвгөний царай
 Гантиг баримал шиг хүрэлтэн гялайна.
 Цогшсон нүүрсний халуун илч
 Цоргих шахам төөнөн халаана.

Түрхсэн будгийнхаа өнгий нь нягтлах
 Уран зураач шиг өвгөн галч
 Түлсэн галаа онийн ширтэж
 Галзуу дүнсээ угсран татна.

Галчийн түлсэн галын илч
 Газар доогуур хавж гүйнэ.
 Бавгар өвгөний сэтгэлийн илч
 Бас л түүнтэй, барилга дамжина.

Нүүдэлч овгийн өвгөн галч
 Нүүрс утган пийшинд шиднэ.
 Хатуу нүүрс дарь шиг авалцаж
 Хайлмаг ган шиг улайн цэвцийнэ.

Даамай ажлаа амсхийн азнаж
 Дааман хүрээ тулсхийн зогсоно.
 Үрчгэр магнайд нь хөлс бөнжийж
 Үнсэн хумхи хөмсөгт нь бууралтана.

КОЧЕГАР*Б. Явуухуланд*

Старик-кочегар из кочевого рода,
 Загребая, кидает в печь уголь.
 Твердый уголь трещит, как порох.
 Воткнутый над ним стальной котел
 Бушует и скачет сердитым кипятком.

Когда пламя встряхивается, лицо старика
 Отливает коричнево, как мраморная скульптура.
 Горячие лучи трескучего угля
 Пронизывают жаром, готовые прожечь насквозь.

Старик щурится на разведенный им огонь,
 Словно художник, который разравнивает
 Нанесенные на полотно краски,
 И с треском пыхтит злым табаком.

Тепло огня, разведенного кочегаром,
 Бежит под землей неровными стежками.
 Тепло души бородатого старика
 Вместе с тем теплом обегает здание.

Старик-кочегар из кочевого рода,
 Загребая, кидает в печь уголь.
 Твердый уголь трещит, как порох,
 Сверкает ало, как расплавленная сталь.

Время от времени он прерывает свою работу,
 Затем снова шурует тяжелой лопатой.
 На морщинистом лбу нависают капли пота,
 На бровях сереют пылинки золы.

Пламя расшурованного огня
 Выглядывает из пасти чугунной топки.
 При свете сердито дышащего огня

Шилгээж сэргээсэн галынх нь дөл
Ширмэн зуухны нь амаар булталзана.
Цухалзан уухилах галынхаа гэрэлд тэр,
Цутгаж барьсан хөшөө шиг харагдана.

Хажуудах нүүрсээ ахиад л хүрздэж,
Ханхар хөшөө амилан ажиллана.
Хүрз хүрз нүүрсэн дээр нь,
Хөлсөн дусал гялалзан дусална.

Зүтгэлийн хөлс дуссан нүүрс,
Зүмбэрлэж асаад хүнгэнэн уухилна.
Ажилч өвгөний сэтгэлийн далай,
Аврага хөөрөгшиг галаа бадраана.

Он невольно кажется литым памятником.
Громадный памятник трудится, размеренно дыша,
Все кидает в огонь уголь.
На лопаты, полные черного угля,
Падают, сверкая, капли пота.
Орошенный каплями трудового пота,
Уголь вспыхивает и гулко гудит.
Необъятная душа старого труженика
Раздувает огонь, словно громадные кузнечные меха.

ЛХАМСҮРЭНГИЙН ЧОЙЖИЛСҮРЭН
ОДТОЙ ТЭНГЭРИЙН ДООР

Бүлээн зөөлөн харцаараа үүрд намайг баясгах
Бүсгүй минь, хонгор минь! Эхнэр болох чамайгаа
Оноож би харалгүй хорин хэд хүрлээ
Одтой тэнгэрийн доор хаана чи амь дарна вэ?

Дурлалын цэцэг ургуулахаар лав л чи төрөө байх
Дуулим ойн согоо шиг гоо бүсгүй яваа байх
Аль хир хүүхэн байгааг төсөөлж хэрхэн мэдэх вэ.
Ажил араншин зөвтэй сайн л хүүхэн байгаасай.

Ариун хайры минь булаах амрагхан бүсгүй минь чи
Алихан тэнгэрийн доор дуу аялан алхнам бэ!
Гэрэлт нарны туяа шиг чи минь надад харагдаач!
Гэгээн ариун дурлалаа чамдаа би зориулах саан!

ЛХАМСҮРЭНГИЙН ЧОЙЖИЛСҮРЭН
ПОД ЗВЕЗДНЫМ НЕБОМ

О, девушка, как сон, чьим странным нежным взглядом
Обласкан буду я на утренней заре,
Уж двадцать с лишним лет не сводят нас дороги.
Узнать бы, где ты сейчас идешь под звездопадом.
Ты, верно, рождена растить цветы любви,
Ты, верно, бродишь где-то, как лань в лесу безмолвном.
Дано ли мне узнать, красива ты или нет?
Да разве это важно—была б лишь сердцем доброй.

Подруга, чья любовь мне послана судьбою,
Под чьим высоким небом идешь ты, напевая?
Явись хоть на мгновенье, как ясный тонкий луч!
Я пред тобой раскрою бутон моей любви.

ДАНЗАНЯМЫН ШАГДАРСҮРЭН
НАМРЫН НҮҮДЭЛ

Агь гангын үнэр
Амь голоор нэвчих
Сэвүүр зөөлөн салхины
Сэтгэлд хүрэх аяс

Амгай тэнхлэгт хазаарын
Мөнгөн товрууг зүлгэж
Агар зандан эмээлийн
Ганган цуулбарт сийгэнэ

Оноо шилээ дарсан
Намхан толгодыг хярлаж
Орог саарал зэрэглээнд
Талын бут өндийнө

Олойр адил гэрэлтэх
Жингийн балархай жимүүд
Онъ хөтлийг тэгнэж
Удаан хөлөөр мөлхөнө

Хараа хулхиж талын
Хаяа алслах хязгаарт
Нүүсэн айлын нутаг
Намрын нуур шиг эзгүйрнэ

Нүүдэл хөврөх цуваанд
Нүд дүүрэн мэлмэрч
Эргэн хурган гунганан
Ингэн тэмээд буйлалдана

Нууран гэж эргэлдэх
Нугасны алдрай дэгдээхэй
Идээшилж дассан усаа гэж
Ижлээсээ хоцрох аясаар.

ДАНЗАНЯМЫН ШАГДАРСҮРЭН
ОСЕННЕЕ КОЧЕВЬЕ

Вбирается исподволь в душу
Дурман ая-ганги сиреневой.
От дымки осенних курений
Безгласная степь светла.

Полирует палевый ветер
Узоры уздечки серебряной,
Ощупывает орнамент
Сандалового седла.

Пригнули песчаные шеи
Холмы под поземками ранними.
Просвечивают саксаулы
Сквозь зыбкие миражи,

В ногах караванные тропы
Светлеют зажившими ранами,
Змеятся по седловинам,
Выписывая виражи.

А стойбища обезлюдели
Подобно осенним озерам.
И горизонт ускользает
В пустынную даль холмов.

Караваны кочующих айлов
Прощально пестрят перед взором.
Доносятся крики баранов
И хриплый верблюжий рев.

Подросшие дикие утки
Кружат над родными озерами
И отстают незаметно
От мчащих на юг косяков.

Нүүдэл хөврөх ууваанд
Нүд дүүрэн мэлмэрч
Эргэн хурган гунганан
Ингэн тэмээд буйлалдана.

Цепочки кочующих айлов
Осенними выются узорами.
Доносятся крики баранов
И хриплый верблюжий рев.

Ж. ДАШДОНДОГ
ЗУНЫ ҮНЭР

Цэнхэрхэн дэвтрээс минь
Цэнгэлтэй зун үнэртлээ.
Аргагүй ч юм уу даа, өнгөрөх зун
Арын модны хормойд хэвтэж
Үүд нь нээлттэй танай руу ширтэж
Үнэн сэтгэлээ бичдэг байсан юм
Ай даа тэгэхэд л дэвтэрт минь
Анхилхан зуны үнэр шингээ юм уу даа.

Аяны минь дэвтрээс
Аадар бороо үнэртлээ.
Аргагүй ч юм уу даа, өнгөрөх зун
Аянга цахилах бороон дунд
Арынхаа цонхоор танай руу ширтэж
Айзам шүлгээ бичдэг байсан юм чинь
Ай даа тэгэхэд л дэвтэрт минь аадар бороо
шингэчихээ юм уу даа!

Ж. ДАШДОНДОГ
ЗАПАХ ЛЕТА

Из моей голубой тетради
Вдруг пахнуло зеленым летом:
Промелькнувшего чувства ради
Стоит заново вспомнить об этом.
Я лежал на лесистом склоне,
Видел дом ваш с распахнутой дверцей
И записывал в птичьем звоне
Потаенные мысли сердца.
Не в прекрасное время ли это
Поселились в ней запахи лета?

Из моей дорожной тетради
Вдруг повеяло летним ливнем.
Неостывшего чувства ради
Стоит вспомнить о миге счастливым.
Летней ночью, громами изрытой,
Я в окошко сквозь молний просветы
Видел домик ваш с дверцей закрытой,
Бурю чувств изливал в сонеты
В голубую тетрадь, не тогда ли
Капли летнего ливня упали?

Д. ЦЭВЭГМИД
ХАМХУУЛ

Цагийн сайхан зуны тэргүүн сард
 Үрийн сайхан залуу хөврөл үндэслэж
 Нутгийн сайхан шилийн даваанд ургав.
 Шинэхэн хамхуул идрийн шинж бүрэн
 Айл хань туулайн бүжинг сонирхож
 Их л баяртай, чив чимээгүй сууна.
 Цасны түрүү намрын салхи хүчтэй,
 Хөгшин хамхуул холын аянд бэлтгэж
 Цагийн хүлээн суурин дээрээ сээхийнэ.
 Харалган салхи гэнэт хүчтэй үлээж
 Харийн газраас хазаар өвс айлчлаад
 Хамхуул ахаа хамт зорчъё гэхэд
 Буух өнжихий минь бут мэдэг,
 Буцах эргэхий минь салхи мэдэг гэж
 Буурал талаар дэгэн догон харайсаар
 Арван салаагаа мянган хэсэг бутаргаж
 Ач үрээ түмэн голоор тараасаар
 Ахмад хамхуул насны туйлыг үзэв.

Д. ЦЭВЭГМИД
ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

В прекрасную пору начального лета,
 Свои семена распыляя по свету,
 Цвел куст себе мирно на склоне горы.
 Кивал он пахучей зеленою гривой
 И видел с восторгом, как заяц игривый
 Шалил и плясал у соседней норы.

В бесснежную осень ветра свирепее,
 Нет мочи, нет сил устоять у репея:
 Собрался в путь дальний и участи ждет.

Вдруг вихрь незванный ворвался в теснины
 Какой-то бурьян прикатился с чужбины
 И брата-репея с собою зовет.

«Вернусь ли, останусь ли во поле диком,
 Известно лишь ветру, степному владыке»,
 Сказав так, репейник сорвался с корней.

Рассыпался сонмищем малых бурьянов,
 Вокруг разогнал их в отчаянье рьяном.
 И со свету сгинул тот старый репей.

НЯМБУГИЙН НЯМДОРЖ
УЛИАС

Зуун жил голын эрэг бараадаж
Урьхан хавартай зуунтаа энд золгож
Уран навчсаа зуунтаа энд гэвж
Урсгалд нь зуунтаа өөрийгөө тольджээ
Үе цагий уртад
Үер ус эргээ идэхэд
Өнөөх зуун жил тольдсон болор толио
Өвгөн улиас хага дарав.

ҮНЭГНИЙ БҮЖИГ

Үнэгэн шогшоо
Үүрээр эхэлнэ.
Оч шиг хоёр нүд нь
Од шиг улалзана.

Буун сүрлэг дуунаар
Буурал хангай цочлоо.
Од шиг хоёр нүд
Оч шиг унтарлаа.

НЯМБУГИЙН НЯМДОРЖ
ОСИНА

Сто лет осина красная
Стояла над рекою.
Сто теплых весен встретила,
Сто раз роняла листья,
Сто лет в зеркальной глади
Стан девичий смотрела...
Победно дни летели,
Поросший мохом берег
Подмыло половодье.
Ослабла и упала
Осина в гладь речную.
Хрустальное то зеркало,
Хрустя, под ней померкло...

ЛИСИЙ ТАНЕЦ

На заре в лесу лисица
Начинает тайный танец.
Засияли очи-искры,
Засветились, словно звезды.

Грозно грянул гром ружейный,
Грузно охнула округа...
Излучились очи-звезды
И потухли, словно искры...

ШАГДАРЫН ДУЛМАА ЗАЛУУ НАС

Тэнгэрийн хаяанаас цааш алсын юмыг харж
Тэнгийн ачаа өргөн бялдар суухын цагт
Тэмцэл хөгжлийн дууг хоолой мэдэн түрэх
Тэмүүлэх хүслийн эхэн, залуу насанд төрдөг,
Алдхан биед заяасан ганцхан энэ нас
Аз жаргалын төлөө чадал мэдэн тэмүүлнэ

Аврага техник жолоодож атрын хэрсийг онгилох
Ангамал говьд очиж ариухан гол урсгах
Алтан тариа хадаж будаан уул босгох
Амласан үүргээ биелүүлж баатрын барианд орох
Энэ бүхэн залуу насны баясгалан
Эрин үедээ бэлэглэх жавхаат хөдөлмөрийн дээж

Оюутны ширээнд сууж номын шимийг амтлан
Одон гаригийг сонирхож шинжлэх ухаанд тэмүүлэх
Онгон зүрхээ цочоож анхны дурлалтай золгож
Охидын харцыг булааж ичимтгий аашинд дасах
Энэ бүхэн залуу насны жаргалын
Эргэх орчлонд амьдрах хүний хүүгийн хүслэн

Сүүдэр хүүшлэх үеэр хөлгийн дөрөөнд асаж
Шөнийн гүн тэнгэр дор адуу манан гуугалах
Эмнэг морьдын хүзүүнд уурга сунган шидэх
Эрмэг догшин нуруунд хормой хийсгэн давхих
Энэ бүхэн залуу насны жавхаа
Эцгийн уурга барих ид бахтай үе

Алдаж онож явахын амтыг анх үзэж
Алдар сонсохын аятайг бас ухаарч
Аавын дөрөө богинодож ээжийн оёдол гологдож
Алаг хорвоо хомсдож ухаан тэлэх үе

ШАГДАРЫН ДУЛМАА МОЛОДОСТЬ

В молодости рождается начало неумного желания
Петь в полный голос песню вдохновенной борьбы,
Сидя на привале с ношей за спиной
И вглядываясь в даль за горизонт.
Эти годы, дарованные цветущему телу,
К счастью стремятся пылко.

Молодость могучей техникой поднимает целину,
В иссохшем Гоби заставляет течь светлые реки,
Из золотого зерна возводит горы,
Приводит возвращенное поколение на героическую стройку.
Все это — радость молодости,
Трудовое величие цветущих лет.

Вкушается сладость знаний за студенческой скамьей,
Появляется тяга к изучению жизни звезд и планет,
Содрогается чистое сердце от встречи с первой любовью,
Познается внезапная робость под взглядами девушек.
Все это — величие молодости,
Удалое время, когда в руках отцовская урга.

Время, прыгнув в стремя на закате, в час удлинения теней,
Аукать под ночным бездонным небом, клича табуны,
Перегнувшись через луку, кидать ургу на шею дикого
жеребца,
На тряской покатои спине мчаться, полы развевая.
Все это — счастье молодости,
Чаяние человеческого сына в круговороте времени.

Время, когда пестрый мир становится тесен,
Отвергается материнское шитье, коротко отцовское стремя,
Время, когда познается наслаждение славой,
Познается впервые вкус удач и горечь ошибок.

Энэ бүхэн залуу насны бахдал
Эрээн алаг амьдрал байраа эзлэхийн эхэн

Саалийн хувин барьж үхрийн зэл рүү алхан
Салаахан гэзэг унжуулж үзэсгэлэн гоог илчлэн
Саахалтын хархүүд тоогдон унтах нойры нь хулжааж
Сарны цагаан туяанд уулзах болзоонд зогсох
Энэ бүхэн залуу насны жавхлан
Эгэл жирийн охин өрх татахын эхэн

Судар номын хуудсанд нэрээ үлдээсэн байх
Суут ухааны бүтээлд гараа нэмэрлэсэн байх
Хойч үеийн хүнээр ам бардан магтуулах
Хосгүй сайхан ирээдүй залуу насанд байдаг
Алдхан биед заяасан ганцан энэ нас
Аавын голомт залгаж амьдралгын цэцэг тарина

Все это — гордость молодости,
Поиски своего места в пестром мире.

Это время, когда идешь с подойником к стаду,
Болтая ветвящимися косами, светясь красотой,
И стоишь с соседским парнем, потеряв сон и покой,
На свидании под белым лунным светом.

Все это — великолепие молодости,
Предтеча дня, когда девушка откроет дымник
в мужниной юрте.

Время оставлять свое имя на страницах учебников истории,
Вносить свой вклад в достижения науки и техники,
Быть восславленным будущими потомками.
Несравненное светлое будущее бывает в молодости.

Это время, дарованное цветущему телу,
Храня огонь в отцовском очаге, сажает цветы жизни.

БИ ЕРТӨНЦИЙН ХҮҮХНҮҮДИЙН НЭГ

Орчлон дэлхийг бүхлээр нь
Цагаан сүүгээр амлуулж
Огторгуйд аялан алдарших,
Цогтой үрсийг бүүвэйлэн
Одон гаригийг судлах
Эрдмийн хүвгүүдийг төрүүлж
Орд цагаан гэрийн
Галыг анх асаасан

Би ертөнцийн хүүхнүүдийн нэг билээ,
Би ерийн нэгэн эх билээ.

Үүрийн шаргал туяатай
Хүнээс эртлэн золгож
Үүлэн хээтэй цэмбийг
Үелэх долгио шиг хөвүүлж
Үе тэнгийн залуустай
Аагаа бахдан өрсөлдөж
Үйлдвэрийн уудам цехэд
Ажилчны тугийг өргөсөн

Би ертөнцийн хүүхнүүдийн нэг билээ,
Би ердийн нэгэн эх билээ.

Сувдан шигтгээт шөнийн
Цуваа цагаан зааг доор
Суунаглан байх үүлсийн
Сугсран хөврөх нүүлэл доор
Дүүлэн агсрах хөлгийн
Хангал нуруунд дөрөөлж
Дөрвөн цагийн эргэлтэд
Сүргийн захад сарвалчилсан

Би ертөнцийн хүүхнүүдийн нэг билээ,
Би ерийн нэгэн эх билээ.

Я ОДНА ИЗ ЖЕНЩИН ЗЕМЛИ

Я обыкновенная мать,
Я одна из женщин Земли,
Что вскормили весь окружающий мир
Белым молоком,
Баюкали беспокойное племя,
Покорившее небо,
Родили любознательных юношей,
Изучающих тайны звезд,
И в белой просторной юрте
Когда-то огонь развели.

Я обыкновенная мать,
Одна из женщин Земли,
Что приветствуют раньше всех
Утренний палевый восход,
Что ткут нарядные сукна,
Набегающие волнами,
Что задорно соревнуются в труде
Со своими молодыми сверстниками,
Что в просторных цехах
Подняли знамя труда.

Я обыкновенная мать,
Одна из женщин Земли,
Что в жемчужной ночи
Под сиянием звездных россыпей,
Под кочевьями туманных,
Клубящихся облаков
Не расстаются со стремянем
На спине норовистого жеребца
И во все четыре времени года
Зорко вглядываются у табунов

Я обыкновенная мать,
Одна из женщин Земли.

МИШИГИЙН ЦЭДЭНДОРЖ
МОРИНХУУР

Унаган хүлгээн дурсан
Уран хуураан татаж
Утгын яруу дуундаан
Уярч хатуужиж суухдаан

Хорвоогийн хамаг явдлыг
Хоёрхон чавхдасаар ярьдаг
Хосгүй нэгэн овог
Азийн цээжинд нутагтай.

Жонон хараа амилуулсан
Жороо хоёр чавхдас нь
Бөмбөлзүүлэн тэшээд гарахаараан
Дөрвөн цагийн гишигдэлтэй.

Хорвоо гэдэг өргөн
Хотол гэдэг олон
Холбож яаж дуулахаараан
Хоёрхон чавхдасанд багтаана вэ

Дөрвөн туурайн төвөргөөн
Дөхсөөр дөхсөөр тодорно.
Хоёрхон чавхдасан дээгүүр
Хойнох тоос нь ч зурайна.

Хоёрхон чавхдасан дээгүүр
Урдах зам нь ч дурайна.
Алаг зүрхний минь цохилт
Арван хурууны авьяасанд

Хоёр чавхдасаар лугшин
Хонгор амрагаа мөрөөднө.
Хоёр чавхдасаар лугшин
Хүслийн далайд умбана.

МИШИГИЙН ЦЭДЭНДОРЖ
МОРИНХУР

На беспредельной груди Азии
Живет один самобытный народ.
Обо всем происходящем в мире
Он рассказывает двумя струнами,

Вспоминая о славном аргамаке,
Умиляясь и суровая,
Он исторгает из искусного хура
Волшебные проникновенные мелодии.

Две стремительные струны
Хур дыханием наполняют,
В трепетном беге двух струн
Слышится поступь четырех времен.

Широк и необъятен мир,
Многолико человеческое бытие—
Как же все это вмещается
В песни единственных двух струн?

Все ближе и явственней
Цокот четырех копыт—
Поднятая ими пыль
Клубится над двумя струнами.

Лежащая впереди дорога
Виднеется над двумя струнами.
Биение моего сердечка
Во власти десяти пальцев.

В дрожи двух трепещущих струн
Чудится тоска по возлюбленной.
В дрожи двух трепещущих струн
Музыкант окунается в море мечтаний.

Хоёрхон чавхдасны эгшгэнд
Хорвоо юундаа уярна вэ
Хоёрхон чавхдасны эгшгэнд
Хорвоо юундаа баясна вэ.

Буурал хорвоогийн түүхийг
Буман олны хүслийг
Холбож яаж дуулахаараа
Хоёрхон чавхдасанд багтаана вэ.

Хорвоо гэдэг хоёрхон өнгө
Хар цагаан хосолно.
Хотол гэдэг хос амраг
Зовлон, жаргал хосолно.

Өргөн орчлонд хоёрхон чавхдас бий.
Өдөр гэж бий. Шөнө гэж бий.
Өнөр олонд хоёрхон тохиол бий.
Учрал гэж бий. Хагацал гэж бий.

Хорвоо гэдэг өргөн ч
Хотол гэдэг олон ч
Хоёрхон чавхдасанд багтаж
Холбохын учир энэ ээ.

Дөрвөн туурайн төвөргөөн
Дөхсөөр дөхсөөр тодорно.
Хоёрхон чавхдасан дээгүүр
Хойнох тоос нь ч зурайна.

Хоёрхон чавхдасан дээгүүр
Урдах зам нь ч зурайна.
Алаг зүрхний минь цохилт
Арван хурууны авьяасанд

Хоёр чавхдасаар лугшин
Хонгор амрагаа мөрөөднө.

Почему умиляется мир
От песни двух единственных струн,
Почему радуется мир
От песни двух единственных струн?

Как вмещают и связывают песней
Две единственные струны
Историю седого мира
И мечты сотен тысяч людей?

Мир сочетает два цвета:
Белый цвет и цвет черный.
Бытие сочетает две любви:
Страдание и счастье.

В огромном мире есть две струны:
Есть день и есть ночь.
В многообразии бытия есть дно вещи:
Есть встреча и есть разлука.

Широк и необъятен мир,
Многолико человеческое бытие—
Но оттого все и вмещается
И связывается поспей двух струн.

Все ближе и явственней
Цокот четырех копыт—
Поднятая ими пыль
Клубится над двумя струнами.

Лежащая впереди дорога
Виднеется над двумя струнами.
Биение моего сердечка
Во власти десяти пальцев.

В дрожи двух трепещущих струн
Чудится тоска по возлюбленной.

Хоёр чавхдасаар лугшин
Хүслийн далайд умбана.

Хорвоогийн хамаг явдлыг
Хоёрхон чавхдасаар ярьдаг
Хосгүй нэгэн овог
Азийн цээжинд нутагтай

Жонон хараан амилуулсан
Жороо хоёр чавхдас нь
Бөмбөлзүүлэн тэшээд гарахаараан
Дөрвөн цагийн гишигдэлтэй.

В дрожи двух трепещущих струн
Музыкант опускается в море мечтаний.

На беспредельной груди Азии
Живет один самобытный народ.
Обо всем происходящем в мире
Он рассказывает двумя струнами.

Две стремительные струны
Хур дыханием наполняют.
В трепетном беге двух струн
Слышится поступь четырех времен.

ДОЛГОРЫН НЯМАА
«ТҮРГЭН ТУСЛАМЖ»

Түргэн тусламжийн тэрэг яарч явна.
Түүнд та минь зам тавьж өг
Хэн нэгэн хүн
Энэ хорвоогоос явах гээд
Хэцүүдэж байгаа ч юм бил үү.
Бас нэг шинэ хүн
Энэ хорвоод ирэх гээд
Бачуудаж байгаа ч юм бил үү
Түргэн тусламжийн тэрэг яарч явна
Түүнд та минь зам тавьж өг.

ДОЛГОРЫН НЯМАА
«СКОРАЯ ПОМОЩЬ»

Ясным ли днем, в грозовую ли полночь
Брызжущим снопом огней
Мчится по вызову «Скорая помощь» —
Люди, дорогу ей!
В прятки играют со смертью там где-то,
Смотрят с надеждой в окно.
В чьей-то утробе жизнь тянется к свету,
Словно весной зерно...
Ясным ли днем, в грозовую ли полночь
Брызжущим снопом огней
Мчится по вызову «Скорая помощь» —
Люди, дорогу ей!

ТУУЛАЙ

Бутан дороос туулай
 Булт үсрэн босч
 Хажуугийн жалган тийш
 Хар хурдаараа цахилав.

Буу шагайж үзээгүй хүнээс
 Бутны туулайн айх нь инээдтэй ч
 Хөөрхий тэр амьтны зовлон гэвэл
 Хүнийг ерөөс итгэдэггүйд байна.

ӨРГӨГЧ ЦАМХАГ

Тэртээ дээр
 Тэнгэрийн доор
 Өргөгч цамхаг
 Өлийн зогсоно.

Өглөө бүрийн
 Тунгалаг нарыг
 Өөд нь тэр
 Өлгөж авчирна

ЗАЯЦ

Воздушно и легко, как стрекоза,
 Из-под куста вылетел в испуге заяц.
 И от меня к оврагу стрекача
 Задал русак, едва земли касаясь.

Поспешность зайца рассмешит того,
 Кто никогда не брал на мушку зверя.
 Но бедному зайчонку каково —
 Ведь человек не заслужил доверья.

ПОДЪЕМНЫЙ КРАН

Под куполом неба
 Подъемный кран
 Поднял длинную шею.

Утром улыбчивым
 Удит у кромки рассвета
 Уснувшее солнце.

ЧОЙЖИЛЫН ЧИМИД
НЭГЭН ЦЭРГИЙН ДУУЛЬ

Тэр цэрэг
Үүр цүүрээр
Үнэгэн харанхуйгаар
Дайчин зэвсгээ агсаж аваад
Дайн тулаанд мордсон юм.
Эхнэр хүүхэд нь
Эх орон нь
Хадмаа хүлээж хоцорсон юм.

Тэр цэрэг
Нартай өдрөөр
Сартай шөнөөр
Нэгэн цагт заавал ч үгүй
Эгэн ирэх байсан юм.
Эхнэр хүүхэд нь
Эх орон нь
Дандаа тэгж хүссэн юм.

Тэр цэрэг
Хүссэнийг шаналгаж
Дассаныг энэлгэж
Ор сураггүй алга болоод
Ар гэртээ ирээгүй юм.
Эхнэр хүүхэд нь
Эх орон нь
Зүүдэндээ л учирч золгосон юм.

Тэр цэрэг
Амийг амиар
Биеийг биеэр
Ширүүн тулаанд зүрхлэн сольж
Харийн шороонд булагдсан юм.
Эхнэр хүүхэд нь

ЧОЙЖИЛЫН ЧИМИД
БАЛЛАДА ОБ ОДНОМ ЦИРИКЕ

Раным-рано
В незрячих потемках
Цирик молча
Боевое оружие навесил
И ушел на войну.
Единственная,
Дети
И родина
Проводили надежду свою.

Днем ли солнечным,
Ночью ли лунной—
Непременно,
Непременно был должен тот цирик
Возвратиться домой.
Единственная,
Дети
И родина
Неусыпно молили об этом.

... Заклинанья все были
Напрасны—
Канул цирик
На войне без следа и без вести,
Не увидел свой дом.
Единственная,
Дети
И родина
С ним встречались лишь в горестном сне.

Плоть на плоть,
На дыханье дыханье
Храбрый цирик в бою поменял.

Эх орон нь
Зүрхэндээ л хамт үлдсэн юм.

Тэр цэрэг
Сүрдэн ухарч
Хурдан харьсан бол
Халуун мөрөөр нь дайсан уулгалж
Гэрт нь ирэх байсан юм.
Эхнэр хүүхэд нь
Эх орон нь
Гарт нь орох байсан юм.

Тэгээд —
Тэр цэрэг
Эгэн ирээгүй юм.

На чужбине
Был зарыт его прах.
Единственная,
Дети
И родина
Нежно в памяти сердца остались.

Дрогни цирик
И в бегство ударься —
В одночасье
По горячему следу противник
В дом ворвался б к нему.
Единственная,
Дети
И родина
Угодили бы в лапы врага.

Вот поэтому
Цирик
Не вернулся домой.

СОДНОМБАЛЖИРЫН БУЯННЭМЭХ
ЦАГ ҮЕ БА АМЬДАРЛАГА

Дүрбэн нугалаа шүлэгүүд

ХАВРЫН БАЯСАЛ

Жил бүр улираад ирдэг
түмэн түмэн хавар
Жаргасан зовсон хамаг амьтны
сэтгэлийг хөдөлгөгч хавар
Сэрүүн салхи сэр сэр хийж
урт өдрийг үлдээгээд
Тунгалаг наран өндөр дээрээс
цас мөсийг уяруулна.
Хамаг бодисын эх биенд
амьдрахын судас лугшиж
Айлын гаднах охид хөвгүүд
хөнгөнийг өмсөж шуугилдана
Хар тарлан уул талд
шинэхэн соёо цухуйгаад
Саяхан гарсан хурга ишиг
налгар билчээрт майлалдана
Халуун дулааны амьсгал судас
улам улмаар мэдэгдэж
Хангир гүнгэр галуу ганганаж
уйтгар сэтгэлийг сэргээнэ.
Хааяа нэг ялаа шумуул
үүгээр түүгээр шунгинаж
Хорвоо ертөнцийн жаргалыг үзэх
зуны мэдээг хүргэнэ.

СОДНОМБАЛЖИРЫН БУЯННЭМЭХ
ВРЕМЯ И ЖИЗНЬ

Тетраптих

ВЕСНА

Сонмы весен сквозь дымку веков
Друг за другом идут в наступленье,
Сонный мир пробуждая к борьбе,
В каждой твари рождая волненье.
Свежий ветер прохладу несет,
Длинных дней вереницу торопит.
Светит солнце и жарким лучом
Лед и борозды снежные топит.
В каждом теле живительный пульс
Непокорней забился, чем прежде.
Возле юрт гомонят малыши
В по-весеннему легкой одежде.
На оттаявших пестрых полях
Молодые проклюнулись стебли.
На лужайках весенний приплод
Блеет, солнечный воздух колебля.
Все теплее дыханье весны
Согревает затекшую спину.
В небе с криками гуси летят,
Изгоняя из сердца кручину.
Мошка ранняя изредка вдруг
Невидимкою в отблесках света
Монотонно и тонко звенит,
Обещая горячее лето.

ЗУНЫ ЦЭНГЭЛ

Буман жилийг ардаа үлдээсэн
 эрэлхэг монголын нутагт
 Түмэн зүйлийн цэцэг дэлгэрч
 хөхөө шувуу донгодно
 Зузаан хөвч ой тайгад
 өнгийн дуу хосолж
 Өндөр уулын энд тэндээс
 яруухан эгшгээр лимбэднэ
 Залуу насны жаргал цэнгэл
 цэцгийн сайханд умбаж
 Өнгөт ертөнцийн хур бороо
 солонго татан цацна.
 Уул хангай говь тал
 мал сүргээр баясалцаад
 Монгол ардын наадам цэнгэл
 газар бүр түрхэнэ.
 Халуун цаг, халуун бие
 залуу насны халуун
 Харин чухам юу болсныг
 мэдсэн ч үгүй өнгөрнө.
 Хэзээ хойно сэрүү татаж
 бие махбод тайвшрахад
 Сая гэнэт сэргэж үзээд
 өнгөрснийг хойно гэмшинэ.

ЛЕТО

В вековых монгольских степях
 Наступает пора ликования:
 Всплесков огненных дивных цветов,
 Токования и кукованья.
 Оживают в тайге голоса,
 Неумолчны и неуголимые,
 Оглашают безмолвие гор,
 Словно нежные, сладкие лимбы.
 Радость юных безоблачных лет
 Утопает в цветах благовонных.
 Расплескали косые дожди
 Дуги радуг, огнем напоенных.
 Затмевают победно стада
 Ширь степей и долин плодородных.
 Закачалась седая земля
 От веселых гуляний народных.
 Солнца жар, тела юного пыл
 Расточает природа беспечно,
 Словно время на месте стоит,
 Словно лета блаженство бесконечно.
 Лишь когда вдруг прохладой пахнет
 И остынет горячее тело,
 Люди, словно очнувшись, скорбят,
 Что веселье стремглав улетело.

НАМРЫН НАВЧ

Намрын улирал хэзээ боловч
 аргагүй хүрч ирнэ
 Навч цэцэг намайг орхиод
 салхийг даган одно.
 Идэрмэг эр мод түшиж
 бугын дууг сонсоод
 Өнгөрсөн үеийн явдлаа санаж
 сэтгэлийн дотор гунихарна
 Наран буцаж цэцэг хумжих
 үр ертөнц боловсормогц
 Өчүүхэн бага оготно хүртэл
 будаа буудай хураалцана.
 Олон сүргээ зуны сайханд
 тарга оруулсан малчин
 Хүч төгс, санаа түвшин
 жаргахад юу зовно.
 Насан залуу, хүчин чийрэг
 хүний сайхан цагтаа
 Малыг маллаж тариаг тарьж
 ажлыг хийгээгүй бол,
 Навч шарлаж намар болж
 нас хэлбийх үед
 Тайван гэртээ санаа амар
 яхин шатар наадна.

ОСЕНЬ

Осень вдруг на пороге. Листва,
 В путь пускаясь за чем-то заветным,
 Оставляет меня одного,
 Улетает вдогонку за ветром.
 Статный парень оперся о ствол—
 Слыша крики влюбленных оленей,
 С тайной грустью он вспомнил опять
 Дни веселых своих походов.
 Ниже солнце. Созрели в полях
 Семена многолетних растений.
 Неприметные мыши и те
 Урожай собирают осенний.
 Откормились за лето стада,
 Нагуляли лоснящееся тело.
 Отчего бы арату теперь
 Не слоняться порою без дела?
 Не покрыла виски седина,
 Тело жаркое просит работы.
 Но зимовка еще впереди,
 Далеки посевные заботы:
 И за шахматной мирной доской
 Под осенней звездой мироздания
 Изгоняют араты печаль
 О крадущихся днях увядания.

ӨВЛИЙН ӨВГӨН

Овлийн өвгөн цагаан сахалтай
 дүү нар шоолох юун
 Өчигдөр байсан өнгөтөй залуу
 хаа очсон билээ.
 Өндөр уул цаст сарьдаг
 цагаан дахыг нөмрөөд
 Өвгөд хөгшид халуу дүүгсэн
 дулаан дээлийг бодно
 Уул тал, ус мөрөн
 царцах ёсыг үзүүлэн
 Адуу мал айлын гадаа
 саравч нөмөрт хоргодно
 Айл амьтан аргал түлш
 утаа униар савсуулна
 Ай хөөрхий даарах цагийг
 араггүй үзэхэд хүрнэ.
 Нэгэн жилийн дөрвөн цагийг
 эргэж үзэхэд хялбар
 Эргэж ирэх дөрвөн үеийг
 угтаж мэдэхэд бэрх
 Хай хөөрхий бодож үзвэл
 энэ насны явдал
 Хавар зун намар өвөл
 дөрвөн цагтай адил.

ЗИМА

На пороге старик с бородой,
 Седовласый и жуткий, как демон:
 Но вчерашний цветущий джигит—
 Где пропал он? Вы видели, где он?
 Гребни гор, голубые гольцы
 Белоснежные шубы надели.
 Грезят чаще во сне старики
 Про овчинные теплые дэли.
 Замерзают излучины рек,
 Дали диких степей опустели.
 Загоняют скотину в хлева
 Беспощадные злые метели.
 В юртах топится горький кизяк
 Под морозной звездой мироздания—
 Вот, мой милый, нашли и тебя
 Одинокие дни замерзанья.
 Нет, не трудно возвращаться беспечно
 В колесе годовой круговерти.
 Но понять тяжело невозвратность
 Бега дней от рождения к смерти.
 Вдруг сверкнет озаренье и видишь:
 Наша жизнь, милый друг мой, сама—
 Все четыре времени года—
 Лето, осень, весна и зима.

ШАРАВЫН СҮРЭНЖАВ
БОРООН ДУНД ХИЙСЭН ТЭМДЭГЛЭЛ

Гадаа бороо орж байна
Газар газрын хүний урсгасан нулимс
Зовлонгийн ганг тайлах хур болон
Зогсолтгүй асгарч байх шиг санагдана

Орчлон дээр одоо хэний нүднээс нулимс дусалж
Орох борооны болор шиг дусалтай нийлж байнав?
Цээжин дотор гашуу оргино
Цэвэрхэн, тун цэвэрхэн
Ердөө л болор шиг хурын дусал
Давсны амттай болчихлоо
Зүрхэн дээр минь нулимс дуслаа
Зүүдэн дунд ч бороо шаагисаар байна...
Зүрхий минь тойроод нил усан тэнгис
Зүг алдран мэлтийнэ
Зүрх минь тэр дунд арал болон оршиж
Зүйл бүрийн аврал эрэгсэд
Эргийн зүг, ардын зүг тэмүүлнэ
Тэр арал дээр хөлөө тавимагц
Тэнхрэл авсан хүн яаран өндийнө...
..Бороон дунд хүн цангинатал инээх сонсогдлоо
Бодлоосоо би эргэж ирлээ
Болзоот хоёр нэгэн шүхрийн дор зогсоод
Борвио давсан хар үс нь
Усанд угаагдан улам ч өнгөтэй
Мяндас адил гялалзан суналзан
Шүхрийн ховилоор дамжин урсах ус
Бүсгүйн шилэн хүзүү рүү хүйт оргиулан ороход
Шүхэртээ улам шахалдан
Жаргалтай цангинасан дуугаар инээд алдан дуу шуу болж
Жавхаатай тэд тэнгэрийн од сар шиг санагдана.
Нэгнийх нь нулимс хурын тунгалаг дусалд
Шорвог амт оруулан.

ШАРАВЫН СҮРЭНЖАВ
СТРОКИ, НАПИСАННЫЕ В ДОЖДЬ

За окном идет дождь.
Словно слезы далеких и близких людей
моросят нескончаемым тягостным ливнем,
орошая целительной влагою
засуху скорби.
Кто печален сейчас в этом мире?
Чьи невинные слезы
растворяются в сетке жемчужной дождя?
Снова горечь в груди закипает,
кристально прозрачные,
словно хрусталинки,
капли дождя
отдают уже привкусом соли.
Мне на сердце упала слезинка:
и во сне моем дождь шелестит, шелестит.
Дышит гулко вокруг океан,
кромки неба и воли размыты,
посреди океана — сердце мое,
как спасательный алый маяк,
островком из соленых пучин.
Отовсюду к нему приплывают
жертвы грозных кораблекрушений
и, песчаное дно ощутив под ногой,
воздевают молитвенно руки.
Кто-то звонко сквозь дождь рассмеялся,
и все мысли упорхнули.
Под единственным зонтиком
двое вымокших жались друг к другу.
Вороненные девичьи косы
по ногам, словно змеи, спускались до пят
и, умытые ливнем,
шелковистыми нитями вспыхнув,
проступившей палитрой мерцали.

ЖАНЧИВЫН ШАГДАР
УУЛЫН ДАВАА

1

Угаасаа би
Уулархаг нутгийн хүн!
Уул бид хоёр
Уушиг зүрхний холбоотой
Уулнаас буусан шанд, булгууд ч
Урсгал догшин мөрөн, голууд ч
Зүрхнээс эхтэй судас мэт
Зүрх сэтгэлтэй минь холбоотой
Угаасаа би
Уулархаг нутгийн хүн!
Уулан дээрээ гарах гэж
Унаганаас нь морио уясан юм.
Даваан дээрээ гарах гэж
Дааганаас нь морио давтсан юм
Уул өөд өгснөм
Уруудахгүй өгснөм

2

Угаасаа би
Уулархаг нутгийн хүн!
Уулын чулуурхаг хөрсөн дээр улаан нүцгэн унаж
Уулын цэнгэг агаараар уушиг тэлэн амьсгалж
Уулын болор усаар дуу алдан угаалгаж
Уулын бартаат хижилд улан дээрээ зогсоон!
Улан дээрээ зогсонгуут
Урагшаа алхаад ойчсоон!
Урагшаа анх алхахдаа
Уруу биш өөдөө мацсаан!
Уулаад өгснөм
Уруудахгүй өгснөм

ЖАНЧИВЫН ШАГДАР
ГОРНЫЙ ПЕРЕВАЛ

1

Я родом
Житель горного края!
Горы и я
Связаны кровным родством.
Спускающиеся с гор ключи, родники,
Стремительные ручьи и реки
Связаны со мною,
Как артерия,
Берущая начало в сердце.
Я родом
Житель горного края!
Чтобы подняться по кручам,
Я коня закалял жеребенком еще.
Чтобы одолеть перевал,
Я коня приучал двухлеткой еще.
Взбираюсь по кручам я вверх,
Только вверх.

2

Я родом
Житель горного края!
На его каменистую почву, появившись на свет,
Я упал — красный, мокрый, беспомощный,
И вдохнул впервые горный прозрачный воздух,
Орущий, я вымыт был горной хрустальной водой
И на ноги встал впервые на крутом склоне!
На ноги встал,
Шагнул вперед и упал!
И когда я шагнул в первый раз,
То шагнул не вниз, а вверх!
Взбираюсь по кручам я вверх,
Только вверх.

3

Угаасаа би
 Уулархаг нутгийн хүн!
 Уул хангайн сэrvэнг харан харан ажиж
 Унаган жороо мориороо өгсүүлж давхих дуртай би
 Ургах наран цухуйх уулын оргилыг ширтэж
 Уурга юугаа сунган хатируулж явах дуртай би
 Оргилыг зөвхөн хүсдэг
 Онгон зүрхээ орхиод
 Олом жирмээ чангалж
 Оргилын даваанд зүтгэнэм
 Даваа өгсөх хэцүү гэлцэнэ.
 Даваан дээр гарвал уруу гэлцэнэ
 Харин би өгсүүр даваанд
 Хамгаас их дуртай би
 Тэгээд би өөдөө мацах гэж
 Тэнхээт хүлгээ цуцааж явнам.
 Усан болор бороо хоноглоод
 Уулын даваа өгсүүр юм
 Улаан хөх цэцэг алаглаад
 Ухаан санаа тэлэх юм

4

Харин би өгсүүр даваанд
 Хамгаас их дуртай юм
 Уулын даваа өөд өгснөм би
 Унаган хүлгээ гуяднам би
 Урд олмоо бэлхүүсэлнэм би
 Ургаа байц өөд мацнам би
 Улаан харгананаас атганам би
 Унахгүй гэж зуурнам би
 Өндөр давааны бартаа нь яахав.
 Өгсөх зам минь уртхан л байг
 Тэгэвч миний
 Тэмүүлэх бодол
 Оргил хангайн даваан дээр
 Од шиг гялалзахыг хүснэм билээ
 Очин улаан гэрлээрээ
 Олноо илээхийг хүснэм билээ.

3

Я родом
 Житель горного края!
 Я люблю пускать быстрого иноходца
 Наискосок по горному склону,
 Глядя на величавые гребни Хангая!
 Я люблю пускаться рысью,
 Выбрасывая вперед ургу
 И наблюдаю, как встает над обрывом солнце,
 Влюбленное единственно в эти кручи,
 Подтянув подпруги, я взбираюсь на крутой перевал.
 Говорят, нелегко подниматься на перевал,
 Говорят, лучше спускаться, чем подниматься.
 Но больше всего
 Я люблю подъемы.
 И я забираюсь все выше,
 Я не щажу своего выносливого аргамака.
 После вчерашнего хрустального дождя
 Горный перевал стал недоступней.
 Кругом переливаются пестрые цветы
 И голову кружат мне.

4

Но больше всего
 Я люблю крутые перевалы.
 Я взбираюсь на горный перевал,
 Я прищипываю своего аргамака,
 Я подтягиваю переднюю подпругу,
 Я карабкаюсь по вросшим скалам,
 Я хватаюсь за красную харгану,
 Я стараюсь удержаться в седле.
 Что мне валуны высокогорного перевала,
 Пусть будет долог и труден подъем.
 Все равно мои мысли, мои желания
 Там, на вершине перевала.
 Мечтаю с вершины
 Звездой сверкнуть
 И ласковым алым цветом
 Сердца людей обогреть.

ТҮГЭСХЭЛЭЙ ҮГЭ

НАМЖИЛ НИМБУЕВАЙ ШҮЛЭГҮҮДЫЕ ОРШУУЛҮАН ТУХАЙ ДАРИБАЗАРОВА ЦЫРЕН-ХАНДА

Намжил Нимбуев тухай 1966 ондо долоодохи ангида нураха үедөө анхан мэдэхэ болоо нэм. 1949 ондо түрэнхэн Лида эгэшэмни Эгэтын-Адагай дунда нургуулиин юнэдэхэ ангида нуража ябахадаа, нэгэтэ гурба-дүрбэн бэшэг асаржа, ехэтэ гоёшоон уншаба. Бишье һонирхоод, тэрэ бэшэгүүдыень эрижэ уншабаб. Эгэшымни хани басаган Г.Б. гэгшэдэ зорюулагдаһан аргагүй уран гоёор ород хэлэн дээрэ бэшэһэн бэшэгүүд нэн. Тэрэ боро юрын бэшэгүүд бэшэ—Петраркын Лаурада зорюулһан сонедуудһаа дутуугүй гэхээр, үнэн дуранай хүлдэ бадаруулһан ёһотой уран зохёол гэхээр бэлэй. Тиимэһээл тэрэ үеын эдир нурагша басагад бэе бээдээ дамжуулалсан, хуулажа абан байжа, хужарлан уншадаг байһаниинь гайхалгүй. Мүнөө тэрэ бэшэгүүдһэнь гансал «благоуханнее кади́льниц в храме неба» гэхэн мүрнүүдынь лэ һананаб. Зүгөөр энэ бол зорюута бэшэгдэхэ түүхэ.

1971 ондо, ирагуу найрагшын наһа бараһан жэлдэ, «Шүдэрлэгдэһэн сахилгаан» номын гаража, уншагшадай һонирхол татаба. Илангаяа залуушуулай, оюутадай дунда тэрэнэй ном гарһаа гар дамжажа, олонхи шүлэгүүдынь сээжээр хэлэгдэжэ байгаа. Бишье бүхы шахуу шүлэгын сээжэлдэһэмби. 1976 ондо оюутадай дундын эрдэм-шэнжэлгын талаар мүрысөөн үнгэржэ, ирагуу найраг сооһоо Намжил Нимбуевай зохёолнууды шэлэн, тэндэ оролсоо нэм. Номой сан ошоһыем, Нимбуевай зохёол шэнжэлһэн нэгшье ажал олдоогүй. Тиигэжэ, «Шүдэрлэгдэһэн сахилгаан» номыень лэ урдаа табяад, шүлэгүүдэйн юртэмсэ руу һанаа сэдхэлээрээ шунган, шадалайнгаа тэдыс өөрынгөө һанамжанууды бэшээб. Тэрэ ажалаа ород хэлэн дээрэ бэшэжэ, «Сахилгаан шэнги наһан» гэжэ нэрлээ нэм. Дээдэ шатада нуралсажа байһан оюутан Баяртуев Бата гэжэ хүбүүн прозоор мүрысөөндэ оролсожо, мүн нэгэдэхэ нуурида гараа бэлэй. Намжил Нимбуевай оройдоо хорин хоёр наһандаа алтан дэлхэйһээ халин ошоһон ушар мүнөөшье хүрэтэр уншагшадай сэдхэлдэ гүнзэги шаналалаар долгисоод, суута рок дуушан Виктор Цойн нүгшэхэдэ, залуушуулай туйлай ехэ гашуудалда абтаһантай сасуулмаар.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

КАК Я ПЕРЕВОДИЛА СТИХИ НАМЖИЛА НИМБУЕВА ЦЫРЕН-ХАНДА ДАРИБАЗАРОВА

Впервые о поэте Намжиле Нимбуеве я узнала в 1966 году, в седьмом классе. Моя сестра Лида, 1949 года рождения, будучи учащейся девятого класса Усть-Эгитуйской средней школы, принесла как-то домой три-четыре письма, которые то и дело перечитывала и находила их очень красиво написанными. Я заинтересовалась и попросила у нее почитать эти письма. Они были посвящены подруге моей сестры Г.Б. и были написаны на невероятно изящном русском языке. Это были весьма необычные письма—можно сказать, не хуже сонетов Петрарки, посвященных донне Лауре,—они дышали истинно возвышенными чувствами. Не удивительно, что многие старшеклассницы зачитывались ими, передавали из рук в руки, переписывали понравившиеся им места из писем. Сейчас я помню лишь обрывки фраз: «... благоуханнее кади́льниц в храме неба...» и что его «выбрали президентом малой академии наук». К сожалению, ни одно из тех писем не сохранилось, к тому же известно о потере одной тетради, которую он передал в одни руки перед уходом в вечность. Что там было?

В 1971 году, в год смерти поэта, вышел сборник его стихов «Стреноженные молнии» и вызвал немалый интерес со стороны читателей. Особенно в среде молодежи, студенчества его тоненькая книжка передавалась из рук в руки, стихи цитировались по памяти. В 1976 году проходила научно-исследовательская конференция в БГПИ, где мне довелось поучаствовать, выбрав для секции поэзии тему творчества Намжила Нимбуева. В Горьковской библиотеке не нашлось ни единой публикации по теме анализа поэзии Нимбуева. Поэтому, взяв сборник его стихов «Стреноженные молнии», и, погружившись в космос его стихов, я написала реферат на русском языке, назвав его «Жизнь, как молния». В этом же конкурсе, помнится, принимал участие студент Бато Баяртуев, он учился курсом старше, и занял также в секции прозы первое место. Смерть, оборвавшая жизненный путь Намжила Нимбуева так рано, до сих пор вызывает горечь и скорбь в сердцах читателей, что сравнима со скорбью молодежи по трагической гибели известного рок-музыканта Виктора Цоя.

Нэн түрүүн Намжил буряад дайдын хүбүүн, ая-гангата хүдөө талын хангалые багаһаа бээдээ шэнгээжэ, «хүрьһэндэл хүрин эхэнэрнүүдые», наранда игааһан үбгэдые, хажуур үргэлһэн энеэрэн басагадые, хазаар мориндоо хэсылдин нууһан омог хүбүүдые эсэшэгүй магтан дуулана. Тооһотой дэншээ автобусаар хотоһоо ерэхэдээ, шанаагаар элбэг нюуртай зоноо хаража, «зэрлиг» баяраар баясаһанаа нэгэ шүлэгтөө дурсанхай. Хамаг монгол туургатанай дайшалхы габыяа, түүхэтэ замые удхалан шэнжэхэдээ, сэдхэлдэнь омогорхол түрэн бадарна. Тиигэбэшье, тэрэ Европын уудам руу «алтан тугуудаа хиисхэнэн бараан шарайтай сэрэгтэл» дайгаар дабшанагүй, харин эб найрамдалай, хамтын оюун ухаанай тугые үргэжэ, далита Пегасаараа дүүлин шамдана. Зүгөөр тэрэ ганса буряад талын үри бэшэ, доторойнгоо үндэр болбосоролоор, холынгоо хараагаар хамаг дэлхэйн, ниитэ нэгэ хүн түрэлтэнэй хүбүүн—бүмбэрсэг дээрэ эхэ оронойнгоо модон доро алим шэдэн наадаһандал, үгөөр «тоглон» зогсоно. Хурдан ухаагаараа хорбоо дэлхэйн гороолон, зүрхэ сэдхэлэйнгээ нарин утаһаар замби түбиин алишье буланда боложо байһан найтай, муутайшье үйлэ хэрэгүүдые мэдэрэн, зобоһонтойнь адли зоболсоно, баясаһантайнь мүн лэ баясалсана. Ирагуу найрагшада саг, зай гэхэн ойлгосо хилэшьегүй, хэмжүүрьшьегүй. «Сагай оньһон» мэтэ сахилгаалма бодолоороо үнгэрһэн, одоо, ерээдүй—гурбан сагай алинданшье, мүн замбуулинай ямарханшье зубхиста («Ангараг одонһоо—үглөөдэрэйм танил») хүрэхэ шадалтай. Ирагуу найрагша өөрынгөө үгы юумые бии болгохо уран бэлигээрээ нарин тооһото, зэргэшээ юртэмсэнүүд руушье нэбтэрэн ороно, хии зурагуудые, хүнүүдые бэлыгүүн нюдөөрөө хаймадан шэнжэнэ. Тэрэнэй халуун, урид һанаата сэдхэлэй нигүүлэсхы мэдэрэл бодисадын сэдхэлдэл илгалгүй, хэмжүүргүй. Найрагшада яһа шуһанай гү, эндэхи гү, бэшэ гү, урданай, мүнөөнэй гү—бишыханшье илгаа байхагүй. Тэрэнэй арһа мяхагүй мэтэ шэмшэрмэ нүсэгэн мэдэрэл Эхэ дэлхэйн сохилһон зүрхэнэй худалдал хамагые—хүнүүдые, ан амитадые, шубуудые—бүхы байгаалие энэрэн, хүлгүүтэйгээр сохилно. Зохёолшон дотоодынгоо бүрилдэлөөр мүнөө бидэнэй ажаһууһан саһаа жэшээгүй үндэр, бүри дээдэ шатын хүгжэлтэдэ гаранхай, манай юртэмсын шэрүүн, зарим үедэ хайра гамгүй хатуу үйлэ хэрэгүүдтэй эбсэнгүй, тулина, зобоно. Тиимэһээ тэрэниие ерээдүй, шэнэ сагай, хамаг амитанай жаргаха Майдари бурханай оршонһоо түр зуура буужа ерэхэн элшэн юм гү гэжэ бодомоор. Олон шүлэгүүд соонь тэрэнэй одо мүшэтэ орон зайн уудамаар ниидэлгынгээ забһарта газар түбидэ халта буугаад, энэ бэээрээ ошон ошохоёо байһан мэтэ, агшамта мэдэрэлнүүд зураглагданхай.

Корнями своими Намжил—дитя бурят-монгольских просторов, впитавший в себя степные ароматы, поэтому он так точно и трепетно описывает и воспе-
вает «буряток, коричневых как земля», «стариков, сидящих на солнцепеке», «девушек, возвращающихся с лугов с косами», «парней гарцующих на лоша-
дях». В одном из стихотворений он вспоминает, как вышел из запыленного автобуса, на котором он приехал из города в родные степи и был переполнен «ди-
кой» радостью, увидав широкоскулые лица земляков. Поэт, изучая исто-
рию монголов, читая об их воинской доблести и победах, испытывает чувство гордости и восхищения. Но в европейские просторы он приходит не с войной «под стягами величья золотого», а на крылатом Пегасе под знаменем интел-
лектуального и духовного единения. Однако, он не только дитя монгольских просторов, но по внутренней организации и устремлениям Намжил Нимбу-
ев—человек мира, представитель всего объединенного человечества. На пла-
нете под деревом своей родины, он играет словом, подкидывая его словно яблоко. Образ дерева здесь всеобъемлющ, вызывая ассоциации с мировым древом, проникающим во все слои мироздания и макросферы духовно-
сти. Яблоко—дар. Охватывая быстрым всепроникающим умом эту бренную землю, он связан с каждым уголком планеты тончайшей нитью своей души и одинаково сопереживает всем бедам и радостям этого мира. Для поэта нет пределов и границ во времени и пространстве. Намжил стремительной, словно блеск молнии, мыслью проникает в суть трех времен—прошлого, на-
стоящего и будущего, достигает любых уголков Вселенной («... мой завтраш-
ний знакомый—марсианин»). Поэт обладает даром воображения посещать тонкие миры, являть из звездной пыли галактик и параллельных измерений, новые картины невероятной энергетики и центробежной силы—вселенную всепобеждающего гуманизма. Пылкая и одновременно сострадательная душа Намжила подобна душе бодхисаттвы,—она безмерна и непредвзята. Твор-
ческое видение поэта транснационально, для него не существует государ-
ственных или иных границ, расовых национальных различий, ему одинаково равно здешнее и далекое, бывшее и настоящее. Чувства поэта обнажены, точно оголенный нерв, пульсирующий в тон с живой тканью природы—людьми, животными, птицами—трепетно реагируя на каждый миг. Душевное миро-
устройство поэта, достигшее высочайшего уровня развития, в диссонансе с нашей жестокой, безжалостной эпохой, и не в состоянии смириться с этой несправедливостью. Его герой страдает и испытывает неимоверные муки и одиночество от холода душ. (нап-р, в стихах о манекенах). Поэтому порой кажется, что Намжил был ниспослан, словно солнечный луч, из грядущего

Ажабайдал үхэл хоёрой дундуур мүшэнһөө мүшэндэ дамжан ябахань тэрээндэ юуншье бэшэ. Энэ мүнхэ хогоосоной жама ёһо. Онигорхон нулсаран нюдэтэй, ташарайгүйхэн хүбүүн, сэдхэл бодолойнгоо шэнжэ шанараар одото хун тайжа гэмээр. Тэрэнэй боро юрьееэ манай оршон руу сахилгаалан бууһанайнь гэршэ — энэ номын.

Талаар табарһан зэрлиг адуундал сүлөөтэ хэлбэритэй, өөрын онсо сохисотой, үгэ бүринь амитанай эрхэтэн махабод мэтэ үлүүшье, дутуушьегүй хоорондын саглашагүй холбоотой, бүрин түгэлдэр уянгата мүрнүүдын найрагшын ялас гэмэ хурса ухаань, хизааргүй үргэн мэдэсыеень, холын хараа — «түргэн морин харуулыень» эблүүлэн, үзэгдөөгүй хоморой шүлэгүүдые тодоруулан, найруулагшын арюун дэлгэр юртэмсые уншагшадта нээжэ үгэнэ.

Намжил Нимбуевай шүлэгүүдые буряад хэлэн дээрээ оршуулаад туршадаг хаа гэдэн бодол олон жэлдэ бөөмэйлжэ ябааб. Тэрэ ханалыем тааһан мэтэ гэнтэ сагаан нарын үдэрнүүдтэ Буряад Уласай соёлой яаманай мэдээсэлэй түбэй ажалтан, буряад-монгол зонойнгоо болон бүгэдэ монгол туургатанай соёлой тугые дээрэ үргэжэ ябадаг Дымчикова Жанна Чимитовна иимэ дурадхал оруулжа, сэдхэлдээ хадагалжа ябаһан ханалайм хүсэлдэхэ болзор тохёолдоо нэн. Гушан найман жэлэй үнгэрһэн хойно дахин Намжилай шүлэгүүдтэй дүтэ харилсаха болоһондоо тон ехээр баясан, үдэ һодоёо зэһэн, эрьегүй далайда һамаран ороһондол, ирагуу найрагайн гүн гүнзэги руу зүрхэлэн шунгаһамни тэрэ.

Оршуулгаяа эхилхынгээ үмэнэ иимэ эрилтэнүүдые өөрынгөө урда табиһан байнаб: зохёогшоёо хүндэтэйдэ тооложо, тон өөрын бэдэржэ олоһон үгэнүүдые удха соонь оршуулхаяа оролдохо, өөрынгөө мэдэлээр үлүү шэмэглэн, нэмээн, хороон, хүнэй зохёол дээрэ нэмэри найрагша бололтогүй; ород хэлэн дээрэ байһан шүлэгүүдын буряад-монгол хэлэнэй толи соо бээе хаража байһандал, түхэл шэнжэнь үргэн, нарин, ута унжуу болонгүй, анханайнгаа хэб баримталан үлэхэ зэргэтэй. Мүн тиихэ зуура, удхын улаан гол, дотоодын сохисо, аянгын яаж алдажа болохоб? Мүрнүүдын үе-үеэр тоолон, найрагшын оролдон, зуран, тааруулан бодхоһон шүлэг-байшангайн хэб хэмжээ сахиха. Жэшэнь, урданай дасан һуури дээрэнь шэнээр бариха гэбэл, хуушан хэмжүүрһэнь хазагайруулангүй бодхоохо ёһо байдаг гэшэл. Буряад-монгол үгэнүүдэй ута (жэшэнь «лодка — онгосо, кукла — хүүхэлдэй» г.м.) байхада, мүрнүүднай бага-сага ута болохоёо һанаха, зүгөөр шүлэгэй «гол» адхагдан байбал, зүблэмөөр. Буруу зүбөө хэлэхэ аргамгүй, зүгөөр сүлөөтэ адуун-шүлэгэй «амисхаалда» элдэб эсэ боолто-хаалта табин, «толгой холболго, адагай тааралдал» гэхэ мэтын заншалта буряад шүлэгэй хазаар

времени, скажем, с кальпы Будды Майтрейи, где все существа будут счастливы. Стихи Нимбуева по-восточному загадочны, многослойны своей философской глубиной, имеют несколько подтекстов и заставляют думать и гадать: что же еще здесь сокрыто? И волнующие траектории сконцентрированной художественной мысли подобно космическому телу, вспыхивая на мгновения и одаряя озарением, продолжают свой бесконечный путь в катакомбах потаенных мироощущений. Для автора нет разницы между жизнью и смертью или полетом от одной звезды до другой. Для него это очевидный закон Пустоты. Узкоглазый, худенький, но по высшей шкале своей духовности подобный герою народных сказаний, он ослепительно блеснул среди нас, оставив в дар слепок своей души — сборник стихов. Свободный, романтический полет его стихов своеобразен и неповторим, подобен мчащимся по необозримой степи диким табунам. Каждое отдельно взятое слово у него похоже на пульсирующий организм — неотъемлемую часть реального мира. Слог поэта обнаруживает остроту его ума, широту кругозора и проницательность — собрав мобильный отряд своих мыслей-разведчиков («түргэн морин харуул»), он явил миру неизведанную ранее субстанцию — свою поэзию.

Идею, мечту о переводе стихов Намжила Нимбуева на бурятский язык я носила в себе долгие годы. И, словно, угадав мое скрытное желание, сотрудник РИЦ, подвижник возрождения и сохранения культурных ценностей бурят-монгольского народа Жанна Чимитовна Дымчикова предложила мне воплотить эту идею в жизнь. И вот, спустя тридцать восемь лет, вновь вплотную приблизившись к стихам Намжила Нимбуева, я в полном воодушевлении погрузилась в глубины его поэзии. Перед тем, как приступить к переводу, я поставила перед собой ряд задач, подразумевающий максимальное уважение к автору и сохранение найденных им форм, образов, мелодии, ритмики произведений. Права или неправа, но в моем понимании, стихи поэта на русском языке, должны отражаться в переводе так, как будто бы они смотрятся в зеркало бурят-монгольского языка. И естество «рожденных» автором строк, отражаясь, не должны быть ни разбухшими, ни усохшими, ни вытянутыми. Но и в этом случае пульс и суть стихов, не теряясь, красной нитью должны проходить насквозь, заставляя «дышать» весь текст. Строки, я сочла нужным отсчитывать по слогам, и придерживаясь заданного авторского образца формы. К примеру, когда бурятские слова оказываются длиннее, чем русскоязычный аналог: *лодка — онгосо, кукла — хүүхэлдэй* и т.п. — в подобных случаях держаться строго за «стержень» стихотворения, не сбиваться с ритма. Не подвергаться соблазну вносить от себя какие-то новшества, т.е. на его

ного то хаялтагүй гэжэ ханахаар. Тон һүүлэй тааралдал баримталһан шүлэгүүд бэшэ байбалынь. Энэ мэтэ шугам барин оршуулгын ажал ябуулагдаа. Сэхыень хэлэхэдэ, бэлэхэн хэрэг бэшэ һэн. Ород буряад хэлэнүүдэй мэдүүлэл тааралдалай дүримүүд илгаатай байхадань, олон мүнүүдые һууряарнь дээшэ-доошонь болгон нэлгэхэ ушар гараал бээ. Үеынь үе соонь байлган зохилдуула бодомжые үнэн дээрээ бэлүүлхэнь бэрхэтэйшг гэжэ ханахаар һэн, юуб гэхэдэ буряад үгэнүүднай хэзээшье уташаг гү, али нэгэ ород үгыё хоёр-гурбаншье буряад-монгол үгөөр агсахаар байхадань. Гэбэшье, буряад-монгол хэлэмнай өөрын оньһон аргатай, ород хэлэнһээ дутуугүй баян, ямарханшье, ородһоо гадна ондоошье хари хэлэнүүдһээ абтаһан үгэнүүдые оршуулха шадалтай байбал! Эхэ хэлэнэйнгээ арьбан хэшэгтэйдэнь гайхан, омогорхон баясахааршье, мүн орхигдохо туйлдаа хүрэжэ байхадань гомдон, гажархаашье.

Намжил Нимбуевнай дэлхэйн соёл болбосоролой дээжэнһээ һайсахан хүртэнһэн, хорёодхон наһан соогоо хэды ехэ ном судар уншажа, шудалжа үрдийһэн, эрдэм шэнжэлхы бага бэшэ бэлигтэй байһыень шүлэгүүдын элихэн харуулна. Данко мэтэ хайрын зүрхээ зондо үргэл болгон бадарааһан, хэтэ сагта залуухан шэгээрээ үлэнһэн манай элитэ поэдай уран зохёол дэлхэйн хамаг арадуудта хүрэжэ ошоһонь болтогой!

Гэсэрэй гурбан эгэшэдэл дүү хүбүүнэйнгээ түлөө эсэшэ сусаһагүй оролдожо, нэрэ солыень үргэжэ, үлэнһэн энжэ—зохёолыень арад түмэндөө хүргэжэ, ёһотой баатаршалга гаргажа ябаһан, хамаг эгэшэнэрэй жэшээ болохо Любовь Ширавовнада үнэн зүрхэнэй талархал доро дохин хүргэмөөр! Мүн Намжал Нимбуевай ном хэблэхын түлөө габшагай ажал ябуулһан Жанна Чимитовна Дымчиковада, Намжил Нимбуевай шүлэгүүдые Монгол Уласай уншагшадта тааруулан, уран баян хэлэн дээрэ оршуулан дамжуулһан мэдээжэ зохёолшо Хасбаатарын Мэргэндэ, мүн тус номой хэблэлдэ гар хүрэлсэһэн эдэбхитэдтэ, Намжалай ахадүүнэртэ, бүхы зондо баяр баясхалангаа мэдүүлжэ, үшөө үндэр һайхан амжалтануудые, зол жаргал бүгэдэндэ хүсэнэб!

Дарибазарова
Цырен-Ханда

стихах не стать новым автором. Не упуская из виду дух бурятского стиха, все же стараться не накидывать на вольного коня верлибра традиционные узды и попоны как аллитерации и конечные рифмы. Итак, обозначив перед собой такие правила, я приступила к переводу. Так как порядок складывания предложений в русском и бурятском языках различаются, часто приходилось выворачивать, менять местами строки, слова. Придерживаться одинакового количества слогов было весьма сложно, так как бурятские слова в большинстве своем длиннее или же одно слово на русском языке можно выразить двумя-тремя бурятскими словами. Но к счастью, в бурят-монгольском языке множество выразительных средств, он в равной степени богат и могуч, как и русский язык, в его возможности перевод не только русских, но и заимствованных слов. Это было удивительным открытием для меня и вызывало неподдельный восторг и в то же время и досаду от того, что бурятскому языку на сегодняшний день приходится бороться за право своего существования.

Намжил Нимбуев в свои двадцать лет достиг немалых интеллектуальных вершин, был не по годам эрудирован, разносторонне одарен и способен к разным наукам, о чем свидетельствуют его стихи. Он словно Данко, вырвавший пламенное сердце из груди, останется вечно молодым, а его поэзия навсегда останется частью мировой сокровищницы художественного слова.

Старшая сестра Намжила Ширавовича—Любовь Ширавовна Базарова (Нимбуева) приложила огромные усилия для увековечивания имени брата, сохранения творческого наследия поэта. Ей и всей семье поэта, бережно сохранившим наследие брата—сердечная благодарность и низкий поклон! Также выражаю благодарность руководителю проекта Жанне Чимитовне Дымчиковой, переводчику стихов Намжила Нимбуева на русский язык Хасбаатарын Мэргэну, и всем тем, кто приложил максимум усилий по делу издания антологии творчества Намжила Нимбуева.

Цырен-Ханда
Дарибазарова

ГАРШАГ

6	Угаараа буяад
8	Яруунын хүбүүнэй шүлэг. Яруунын ягаарһан дайдаар
10	Үглөөнэй мүргэл (<i>Н. Нимбуевай өөрын оршуулга</i>)
12	Таашаамаар амтатайхан уралтай нэбшээн
14	Би тэнгэридэл хүмэрихэб
16	Басаганда бэшэг
18	Эжы-аа! Хэлыш даа
20	Нюур
22	Дурлаһан хүүхэнэй дуун
24	Шэрбэн хараа олон сооһоо
26	Бусаа хүбүүн бээе нюунги
26	Горьтон номонхотоһон
28	Минии мэдэрэл
28	Бусалга
30	Хоолотойл болбол би
32	Бидэ хоёр яаһан удаан нойрсообибди
34	Түрүүшынгээ дурантай уулзалга
36	Хүнгэн хүүхэн
38	Энэ хүни нойрни хүрөөгүй
38	Одоошье, одоошье мүнөө
40	Гитаристын дуран
42	Дуран
42	Хүнгэн сагаан шэнжэтэй эхэнэр
44	Блюз
46	Гансал намда тиигээ бол...
48	1968 оной нэгэдүгээр нарын 1
50	Нютагаймни горход
52	Энэ хүни номхон хүндынүүдээр
54	Зогсоноб бүмбэрсэг дээр
56	Саг тухай домог
58	Удага эрбээхэй агналга
60	Шуурганда ортоһон аяншад
62	1967 оной арбадугаар нарын 20
64	Зүн бэлигэй харилсаан

ОГЛАВЛЕНИЕ

7	Ты слышишь дед
9	Утренний намаз
11	Цветущая черемуха (<i>перевод Ц-Х. Дарибазаровой</i>)
13	Сладкогубый ветер
15	Я опрокинусь небом
17	Письмо девушке
19	О, мама
21	Лицо
23	Песенка влюбленной девушки
25	Взглянула из толпы, газелеока
27	Парень вернулся загадочный
27	Скуластым бурым волком
29	Чувства мои
29	Возвращение
31	Будь у меня голос
33	Как долго мы с тобою спали
35	Встреча с первой любовью
37	Ветреная дочь
39	Мне этой ночью не спалось
39	О, наконец-то, наконец
41	Любовь гитариста
43	Любовь
43	Женщина с обликом легким
45	Блюз
47	А мне бы только..
49	1 января 1968 года
51	Ручьи моей родины
53	Этой ночью по тихим долинам
55	Стою на планете
57	Легенда о времени
59	Охота за мотыльками
61	Застигнутые бурей путники в горной хижине
63	20 октября 1967 года
65	Телепатия

66	Эрлис үхин
68	Шара үнэтэй буряадта
70	Һанагдаагүй мундуу хүсэһээ һэрэб
72	Ород найрагшадта
74	Ород хэлэн
76	Урлаг одон
78	Найрагша нүгшэхэ
80	Буряад найрагша
82	Доржо Банзаров
84	Марсель Марсо
86	Ирагуу найрагша
88	Зүжэгшэн
90	Шагныт даа, улад
94	Гунигта шүлэг
96	Зүжэгшэнэй үхэл
98	Ажабайдал
100	Хээрэ талын шэнжэ
102	Одо зурагша хүүхэн
104	Одоной мүндрэлөөн
106	Амитадай аймаг шудлалай багша
108	Шэб балай харанхы сансарай
112	Гүйжэ ябаһан басагантай хөөрэлдөөн
114	1961 оной дурбэдүгээр нарын 12
116	Ай, зүрхэмни, би ойлгооб...
118	«Франциин эсэргүүсэлгэ»
120	Амиды зуланууд
122	Намарай аялга
124	Ой соохи зүүдэн
124	Боро хараан һүүдэрнүүдые тунаагаа
126	Нара оролгын дуун
128	Буурал хууршан аяшаран ганхана
130	Хотын бороо
132	Намарай зураг
134	Яаһан хабар бэ! Талмайнуудай хяраар
136	Һанагдаагүй намарай үдэшэ зуһаланда
138	Хабар
140	Түрүүшын саһан
142	Би таняагүйб

67	Метиска
69	Рыжеволосому буряту
71	Я был разбужен несусветной силой
73	Русским поэтам
75	Русский язык
77	Муза
79	Поэт умрет
81	Бурятский поэт
83	Доржи Банзаров
85	Марсель Марсо
87	Поэт
89	Актер
91	Послушайте, люди
95	Элегия
97	Смерть актера
99	Жизнь
101	Степные приметы
103	Девочка, рисовавшая звезды
105	Рождение звезды
107	Учитель зоологии
109	Ношусь в пустотах космических
113	Диалог с бегущей девочкой
115	12 апреля 1961 года
117	Я понял, о сердце
119	«Французское сопротивление»
121	Живые факелы
123	Осенняя мелодия
125	Сон в лесу
125	Сумерки тени размыли
127	Песнь заката
129	Седой хурчи
131	Дождь в городе
133	Осенняя картинка
135	Что за весна!
137	Случайным осенним вечером на даче
139	Весна
141	Первый снег
143	Я не узнал...

- 142.....Ой соогуур хүнндөө бусажа ябааб
 144.....Тэнгэрийн орон хэрэггүй намда
 146.....Талын түргэн шүлэг
 148.....Юя
 150.....Гэрэл зураг
 152.....Үнэ заадаг газарта
 154.....Би мүнөө олзотойб
 156.....Март хэн
 158.....Харалган хүни
 160.....Шалбааг руу шэдэхэйб дорой Пегасые
 162.....Хүлнүүдни даа...
 164.....Би, хабарай нугаг руу эгсэ шумбаан
 164.....Үнгэрхэн сагай хуудаһа иража
 166.....Бурханай үдэр
 168.....Сонхын арын набшаар
 170.....Инагни, үдэшэ бүри
 172.....Бэшэ нэгэшые шара буртаг
 172.....Энездээр сасархан трамвай
 174.....Залуу сэбэр бэлбэхэн эхэнэр
 174.....Утаһата бүхы бахананууд
 176.....Гансаардаһан зрын уй
 178.....Хүн ба далай
 180.....Орооһон ба буугай номон
 182.....Нүгшэхэн эмгэйм абяагаар
 184.....Есениниие дууряалга
 186.....Хүхюун аялга
 188.....Урма зориг бадаргаһан сэрэгшын
 190.....Энхэ тайбан унтаридаа нэрюулэгдээ
 192.....Нүхэртээ хahasалга
 194.....Хулагша гүүгээ эмээллээд
 196.....Зүрхэндэмнай адашые орожо магад
 198.....Нэрэгүй булашын дэргэдэ
 200.....Үглөөгүүр бүри
 202.....Нохор хүн
 204.....Соройгоо дошхоор нртогой морин
 206.....Москвадахи буряадуудай эблэл
 210.....Нара мандаха зүгтэ
 210.....Эхэнэрнүүд зүрхэн дороо

- 143.....Я возвращался ночью
 145.....Небесный рай не нужен мне
 147.....Экспромт в степи
 149.....Юя
 151.....Фотография
 153.....В парикмахерской
 155.....Я нынче фатовый
 157.....Был март
 159.....Ненастная ночь
 161.....Кинуть в лужу дохлого Пегаса
 163.....Ноги мои...
 165.....Я словно облупленный детский ботинок
 165.....Перелистай минувшего страницы
 167.....В час рождественский
 169.....В окне сквозь зелень
 171.....Милая
 173.....Не будет больше тыкаться мне в зубы
 173.....В ночи катился арбузом
 175.....Красивая молодая вдова
 175.....Нелегкая, трудная служба
 177.....Монолог вдовца
 179.....Человек и море
 181.....Зерна и пули
 183.....Умершей бабушки голосом
 185.....Подражание Есенину
 187.....Бодрая песенка
 189.....Когда солдат в подъеме небывалом
 191.....Разбужен был безногий старшина
 193.....Прощание с другом
 195.....Оседлал саврасую кобылу
 197.....Вхож в наше сердце изредка и дьявол
 199.....У безымянной могилы
 201.....Каждое утро
 203.....Слепой
 205.....Поднялся конь в порыве на дыбы
 207.....Бурятское землячество в Москве
 211.....На восходе
 211.....Женщины носят под сердцем детей

212.....	Яруунын ой соо намар
218.....	Гансаардалга
220.....	Амарагууд, шургаял
222.....	Мойһон нюдэтэм
224.....	Дунгар
226.....	Зоос мүнгэ шэдээб
228.....	Хабарай мольбертын дэргэдэ
230.....	Халаадаа нэмэрезд
232.....	Рояль дээрэ наадаһан эхэнэр
234.....	Хүгжэмшэн
236.....	Шүдэрлэгдэһэн сахилгаанууд
238.....	Түрэл нютагтам
240.....	Би мэдэрнэб
242.....	Левитанай зурагай дэргэдэ
244.....	Мойһон һалбарна
246.....	Нейл Армстронгда хандаһан хоёр гашай
248.....	Хотын хараасгайнууд
250.....	Нэгэ түхэрезн тамгын түүхэнээ
254.....	Үглөөнэй хото
256.....	Борбилоогой дуун
258.....	Хүдэр эрэшүүл сугларан сэнгэнхэйбди
260.....	Агша модон
262.....	Олон удхата үгэ тухай
264.....	Хабар
266.....	Уйтай мэдэрэлдээ
268.....	Минии телогрейкэ тухай шүлэг
272.....	Хүүр дээрэ сэхэ бүхэээ хэлэлгэ
274.....	Ноён Джонсондо бэшэг
278.....	Урид һанаатын үгэлэлгэ
280.....	Нүхэрэй дурасхаалда
282.....	Улаан-Үдын хабар
284.....	Вьетнамай таряалан дээгүүрхи аадар
286.....	Вьетнамай зүрхэн
288.....	Гашуудалта хүгжэм
292.....	Зүүдэн мэтэ морид
294.....	Хүбшэргэй хослоод, хүхюутэй хүүгэн
296.....	Танигдаагүй хүнтэй зүршэл
300.....	Түймэр сарадаг машина

213.....	Осень в еравнинских лесах
219.....	Одиночество
221.....	Влюбленные, бежимте в темноту
223.....	Черноглазая
225.....	Раковина
227.....	Я бросил монету
229.....	У мольберта весны
231.....	В халатике застыла на пороге
233.....	Женщина играет на рояле
235.....	Музыкантка
237.....	Стреноженные молнии
239.....	В родном улусе
241.....	Я чувствую
243.....	У картины Левитана
245.....	Цветет черемуха
247.....	Два упрека в адрес Нейла Армстронга
249.....	Стрижи над городом
251.....	История одной круглой печати
255.....	Утренний город
257.....	Воробьиная песня
259.....	Мы пили грубой мужской компанией
261.....	Клён
263.....	О полисемии
265.....	Весна
267.....	Я, сердцем...
269.....	Стихи о моей телогрейке
273.....	Кладбищенская исповедь
275.....	Письмо г-ну Джонсону
279.....	Оптимистический монолог
281.....	Памяти друга
283.....	Улан-Удэнская весна
285.....	Гроза над вьетнамскими полями
287.....	Сердце Вьетнама
289.....	Реквием
293.....	Кони как сон
295.....	Вилял смычком
297.....	Возражение незнакомцу
301.....	Взвоят в исступлении

302.....	Хото
306.....	Нойрсоо хото
312.....	Зуун жэлтэй хөөрэлдөөн
316.....	Нюуса бэшэг
318.....	Минии нүхэр Байгалда
322.....	Буурал Россидаа, Эхэ орондоо
324.....	Талын шуурган
326.....	Шүлэгүүд ба сэтсэгүүд тухай бодомжолго
328.....	Сэтсэг
330.....	Аврора
332.....	Ай, инзаган нүдэтэ хүүхэн
334.....	Яруунын талаар “ДэТэ” таршаганаад
336.....	Шарайгаар нюруу, дохолон басаган
338.....	Позд, зун ба шабхан тухай
344.....	Ээрын хармаанай түргэн саг
346.....	Эб найрамдалай түлөө
350.....	Декан тухай дуун
352.....	Улари нарын саһан
354.....	Дахин намар
356.....	Рождествогой бордохон
358.....	Үзэл бодол
360.....	Үнээнэй нүдэд соо
364.....	Хүхютэй ногоон гүрбэл мэтээр
366.....	Хүбүүнэй шүлэг
369.....	Одоо бэшэ уулзахагүйш
370.....	Ябаган мүнүүд
412.....	Хаанашье хабарай жагсаал
430.....	Куузика тухай шүлэглэмэл туужа

Н. НИМБУЕВАЙ АЯЛГА ДУУТА ГҮРЛӨӨНҮҮД

440.....	Бэшүүр тухай дуун
442.....	Эб найрамдалай дуун
444.....	Ягаан дуун
446.....	Талын залуу наһан
448.....	Үдэшын Улаан-Үдэ
450.....	Тужадамни
452.....	Нара буляалдаан

303.....	Город
307.....	Город спит
313.....	Разговор с веком
317.....	Тайнопись
319.....	Другу моему Байкалу
323.....	Любовь к отчизне
325.....	Буран в степи
327.....	Размышление о цветах и поэзии
329.....	Цветок
331.....	Аврора
333.....	Ах, оленьеглазая
335.....	Кряхтел «ДэТэ»
337.....	Хромая, некрасивая девчонка
339.....	О поэте, лете и туалете
345.....	Хронометр эры
347.....	За мир
351.....	Песенка о декане
353.....	Снег в сентябре
355.....	Снова осень
357.....	Рождественская вьюга
359.....	Идея
361.....	Закат в глазах коровьих потухал
365.....	Зеленой веселой ящеркой
367.....	Мальчишеское стихотворение
369.....	Уже никогда не встретить
371.....	Краткостишия
413.....	Всюду шествие весны
431.....	Поэма о куузике

ПЕСЕННЫЕ ГИРЛЯНДЫ Н.НИМБУЕВА

441.....	Песенка о Бичуре
443.....	Интернациональная песня
445.....	Алая песня
447.....	Молодость степей
449.....	Вечерний Улан-Удэ
451.....	Тужинка
453.....	Борьба за солнце

Н.НИМБУЕВАЙ БУРЯД, МОНГОЛ ХЭЛЭНЬЭЭ ОРШУУЛГАНУУД

- 456.....*Д. Улзытуев.* Хүнжэлөө нэхээд
 456.....Шэнгэхэн, хүнгэхэн
 458.....Мэхэшэн бэшэ гээд
 458.....Мүхэшгүй мээхэй сэдхэлээ
 460.....Хүгжэмшэ
 460.....Дуулан нуунаб
 462.....*М. Цэдэндорж.* Табан муртэ шүлэгүүд
 464.....*С. Доржпалам.* Намар
 466.....*Б. Цэдэндамба.* Цоолго
 468.....*П. Пүрэвсүрэн.* Гарнууд
 470.....Саруул намрын үдэш
 472.....*С. Сашдоров.* Од
 474.....Галч
 478.....*Л. Чойжилсүрэн.* Одтой тэнгэр
 480.....*Д. Шагдарсүрэн.* Намрын нүүдэл
 484.....*Ж. Дашдондог.* Зуны үнэр
 486.....*Д. Цэвэгмид.* Хамхуул
 488.....*Н. Нямдорж.* Улиас
 488.....Үнэгний бүжиг
 490.....*Ш. Дулмаа.* Залуу нас
 494.....Би ертонцийн хүүхнүүдийн нэг
 496.....*М. Цэдэндорж.* Моринхуур
 502.....*Д. Нямаа.* Түргэн тусламж
 504.....Туулай
 504.....Өргөгч цамхаг
 506.....*Ч. Чимид.* Нэгэн цэргийн дууль
 510.....*С. Буяннэмэх.* Цаг үе ба амьдарлага. Хаврын баясал
 512.....Зуны цэнгэл
 514.....Намрын навч
 516.....Өвлийн өвгөн
 518.....*Ш. Сүрэнжав.* Бороон дунд хийсэн тэмдэглэл
 522.....*Ж. Шагдар.* Уулын даваа
 524.....Түгэхэлэй үгэ (*Дарибазарова Ц-Х.*)

ПЕРЕВОДЫ Н.НИМБУЕВА С БУРЯТСКОГО, МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

- 457.....*Д. Улзытуев.* Откинув во сне одеяло
 457.....Шелест растлался
 459.....Ты ведь знаешь, дорогая
 459.....Ты приди, приди
 461.....Музыкантка молодая
 461.....Жду на свиданье
 463.....*М. Цэдэндорж.* Пятистишия
 465.....*С. Доржпалам.* Осень
 467.....*Б. Цэдэндамба.* Прорубь
 469.....*П. Пурэвсүрэн.* Руки
 471.....В осенних тихих сумерках
 473.....*С. Дашдоров.* Звезды
 475.....Кочегар
 479.....*Л. Чойжилсүрэн.* Под звездным небом
 481.....*Д. Шагдарсүрэн.* Осеннее кочевье
 485.....*Ж. Дашдондог.* Запах лета
 487.....*Д. Цэвэгмид.* Перекати-поле
 489.....*Н. Нямдорж.* Осина.
 489.....Лисий танец
 491.....*Ш. Дулмаа.* Молодость
 495.....Я одна из женщин земли
 497.....*М. Цэдэндорж.* Моринхур
 503.....*Д. Нямаа.* Скорая помощь
 505.....Заяц
 505.....Подъемный кран
 507.....*Ч. Чимид.* Баллада об одном цирике
 511.....*С. Буяннэмэх.* Время и жизнь. Весна
 513.....Время и жизнь. Лето
 515.....Время и жизнь. Осень
 517.....Время и жизнь. Зима
 519.....*Ш. Сурэнжав.* Строки, написанные в дождь
 523.....*Ж. Шагдар.* Горный перевал
 525.....Послесловие (*Ц-Х. Дарибазарова*)

НАМЖИЛ НИМБУЕВ
ТОМ I. СТИХИ
«СТРЕНОЖЕННЫЕ МОЛНИИ»

ISBN 978-5-9905884-5-5

9 785990 588455

Зохёогшо:
НИМБУЕВ НАМЖИЛ

Түхэлэй ударидагша, редактор:
ДЫМЧИКОВА ЖАННА

Харюусалгата редактор:
БАЗАРОВА (НИМБУЕВА) ЛЮБОВЬ

Оршуулагша:
ДАРИБАЗАРОВА ЦЫРЕН-ХАНДА

Буряад хэһэгэй редакторнууд:
ДАРИБАЗАРОВА ЦЫРЕН-ХАНДА,
БАЛЬЖИНМАЕВА ЦЫПИЛМА

Ород хэһэгэй редакторнууд:
ЗОНДУЕВА ТУЯНА, СУНДУЕВА ЕКАТЕРИНА

Загбар бэлдэхэһэн:
ГАРМАЕВ ДМИТРИЙ, ШАРАЙД О. ГАЛСАН

Хинагшад:
ГИРГУШКИНА ТАТЬЯНА, ГУЛГЕНОВА ИРИНА,
ЦЫБИКОВА БАДМА-ХАНДА, НИМБУЕВ БАИР

Бэшэбэри оруулһан:
БАТУЕВА ДЫЖИТ, ЦЫБИКОВА ЖАРГАЛ

«БУРЯД-МОНГОЛ НОМ» хэблэлэй редакци:
670031 Буряад Улас, Улаан-Үдэ хото, Ербановой гудамжа, 4
Утаһан: +7 (3012) 23 11 45. Худалдан абаха асуудалаар
хандаха утаһан: +7 914 844 95 79
Номой талаар һанал шүүмжэ, хүсэл дурадхалаа
buryadnom@gmail.com гэхэн хаягаар эльгээнэ гүт
<http://buryadnom.blogspot.com>

Хэблэлдэ 2016.11.28-да шэлжүүлбэ
Офсет саарһан 80 г/м². Хэмжээ 60х90/16
Хэблэлэн тоо 500 хуби. PrintLETO / Москва хото
8299 тоото захилга

